

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

ЧАСТЬ 1

Социология, природопользование,
история и этнология

Департамент образования и молодёжной политики
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
БУ Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
И ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ
НАРОДОВ СЕВЕРА**

Часть 1.

Социология, природопользование, история и этнология

**Ханты-Мансийск
2015**

УДК 39 ; 316
БДК 71+72+65,9
П 78

Редакционная коллегия: к. ист. н. М.Ф. Ершов, к. ист. н. Т.В. Волдина,
к. геол.-минер. н. С.Х. Хакназаров

Ответственный редактор к. филол. н. Ю.В. Исламова

Редактор-составитель С.А. Герасимова

Проблемы и перспективы социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ч.1.: Социология, природопользование, история и этнология. – Воронеж: ООО «МАКС-ПРИНТ», 2015. - 310 с.

В сборнике публикуются доклады Всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием «Проблемы и перспективы социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера», состоявшейся 28-29 мая 2014 года в г. Ханты-Мансийске.

Сборник адресован историкам, этнологам, археологам, социологам, культурологам и всем интересующимся культурой коренных малочисленных народов Севера.

Редколлегия сборника может не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей несут авторы.

УДК 39 ; 316
БДК 71+72+65,9

*Рекомендовано редакционно-издательским советом
Обско-угорского института прикладных исследований и разработок*

ISBN 978-5-9907125-0-8 (Часть 1)

ISBN 978-5-9907004-9-9

© Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, 2015
© Коллектив авторов, 2015
© ООО «МАКС-ПРИНТ», г. Воронеж, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Социология. Природопользование

Хакназаров С.Х. Экологические проблемы Нефтеюганского района Югры в разрезе общественного мнения: сравнительный анализ.....	6
Ткачук Н.А. Отношение коренных малочисленных народов Севера к проекту «Урал Промышленный – Урал Полярный»: по результатам социологических опросов.....	22
Ерохина Е.А. Межэтническая интеграция и перспективы ее развития в Ханты-Мансийском автономном округе (Югре).....	32
Ковешников А.А. Психологические особенности учащихся из числа коренной молодёжи в условиях ранней алкоголизации.	41
Лобова В.А., Логинов С.И. Психофизиологические характеристики трудовой деятельности в популяции коренного населения северного региона.....	47
Логинов В.Г. Освоение Арктики и коренные малочисленные народы Севера.....	54
Михайловский В.Л. Психотерапевтический опыт работы «ООО «КОД» в рамках эмоционально-стрессовой терапии методом А.Р. Довженко в лечении алкогольной зависимости в условиях Севера Тюменской области.....	68
Сморчкова В.И. Влияние этнической культуры на социально-экономическое развитие Арктики (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа).	82
Сидоркина З.И. Особенности социальной самоорганизации коренных малочисленных народов Дальнего Востока.....	93

Шилов В.В., Веденева Л.Н., Мирошникова А.В., Турубарина А.С. Проблемы предпринимательства и пути их решения (по результатам соцопроса в городе Березники Пермского края)	101
Лисютина И.Б. О создании в образовательных учреждениях условий для изучения родных языков народов Севера (на материалах Ханты-Мансийского автономного округа – Югры).....	107
Белова Н.А. Актуальные вопросы взаимодействия разных типов научных и образовательных учреждений Ханты-Мансийского автономного округа – Югры – при сопровождении учебного процесса детей коренных малочисленных народов Севера (на примере Обско-угорского института прикладных исследований и разработок)	116
Ставропольский Ю.В. Мультикультурализм и культурный патернализм в Южной Корее.	127
Егорова М.М. Экологическая опасность аварийности при добыче и транспортировке нефти.	138
Колпащиков Л.А., Михайлов В.В. К вопросу о с сохранении биоразнообразия в условиях промышленного освоения Таймыра... ..	143
Мальцева О.В. «Большая река» в системе жизнеобеспечения ульчей и амурских нанайцев начала XXI в.	154
Милохин Д.В. Традиционные формы природопользования колхозного крестьянства Коми АССР в 1940-е – 1950-е гг.	163
Слинкина Т.Д. Правила бережного экологического природопользования народа манси.....	173
Чойропов Ц.Ц. Традиционное (номадное) животноводство коренных народов Забайкалья: история и современность.....	183

**Историко-культурное наследие коренных
малочисленных народов Севера**

Волдина Т.В. Представления о взаимосвязи вещи с человеческой душой в хантыйской культуре	194
Кашлатова Л.В. Культ двух богинь в культуре среднеобских хантов: сравнительный анализ.....	209
Пятникова Т.Р. Представления о «душе» в традиционном мировоззрении хантов полноватского Приобья.....	219
Слинкина Т.Д. Истории князей Кушкирёвых-Шешкиных и Ляпинской волости.....	227
Гумерова Г.А., Никифорова А.А. Традиционная культура ненцев Ямала.....	238
Никифорова А.А., Гумерова Г.А. Представления ненцев о шаманизме	246
Пузанов В.Д. Русские походы в Югру XI – XVI в.	255
Рябкова О.А. Обские угры в записках академика И.Г. Георги.....	262
Ершов М.Ф. Традиционная культура Обско-угорских народов: от сохранения к репрезентации	272
Вавулинская Л.И. Продовольственное обеспечение населения Карело-Финской ССР в 1944 – 1950 гг.	283
Цысь О.В. Проблемы сохранения образования и традиционной культуры в национальных поселках Нижневартовского района в постсоветский период (1992 – 2000 гг.)	292

СОЦИОЛОГИЯ. ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

Экологические проблемы Нефтеюганского района Югры в разрезе общественного мнения: сравнительный анализ

С.Х. Хакназаров, кандидат геолого-минералогических наук
*Обско-угорский институт прикладных исследований
и разработок, Ханты-Мансийск*

Аннотация. В статье рассматриваются экологические проблемы Нефтеюганского района в контексте социологических исследований, проведенных на его территории в 2012 году. Анализируется мнение жителей Нефтеюганского района Югры о результатах разработки месторождений полезных ископаемых в динамическом аспекте социологических исследований.

Ключевые слова: экологическое состояние, респонденты, коренные малочисленные народы Севера, эксперты, результаты промышленных разработок.

Общеизвестно, что охрана окружающей среды в наши дни играет важную роль в вопросе выживания человечества. Актуальность данной проблемы проявляется во всех климатических поясах земного шара. В условиях Крайнего Севера и приравненных к ним местностям природная среда при воздействии промышленного комплекса, особенно в ресурсодобывающих районах, трудно поддается восстановлению. Безграничный и бесконтрольный рост потребления минерального сырья без учета экологических ограничений и развития совершенной технологии может привести в недалеком будущем к глобальному экологическому кризису.

Промышленное освоение углеводородного сырья (нефть и газ) на Севере затрагивает интересы коренных малочисленных народов Севера

(КМНС). Это связано с тем, что месторождения полезных ископаемых, удовлетворяющие промышленные нужды, сосредоточены в основном на территориях традиционного природопользования (ТТП) КМНС. К ТТП относятся: родовые, общинные (семейные) и пастбищные угодия. За последние 40-50 лет в округе произошло значительное сокращение ТТП КМНС. Страдают их основные традиционные виды хозяйственной деятельности. Вследствие чего происходит ухудшение социально-экономического положения КМНС, требующего в настоящее время особого внимания.

Краткая характеристика района исследований. В географическом отношении Нефтеюганский район расположен в центральной части Ханты-Мансийского округа – Югры, в среднем течении р. Обь, в пределах лесоболотной зоны Западно-Сибирской низменности. Площадь его территории составляет 24,5 тыс. км². На территории района находятся 11 населенных пунктов, в которых проживает 46,4 тыс. чел., среди них: более 400 представителей КМНС – ханты, манси.

Согласно информации бывшего Департамента по вопросам малочисленных народов Севера [1], на территории района расположено 33 ТТП КМНС, общей площадью 1217140 га, где проживают 16 семей (64 чел.) коренного населения. Основная их деятельность – охота, рыболовство, заготовка дикоросов.

Район имеет удобную и развитую транспортную схему, в которую входят авиационное, железнодорожное, водное и автомобильное сообщения. Автомобильная шоссейная дорога соединила район с окружным и областным центром. Районный центр соединен со всеми населенными пунктами дорогами с твердым покрытием. Динамичное экономическое развитие, активное строительство, развитая транспортная схема делают его по многим показателям одним из самых благополучных районов нашего округа.

Основу экономики района составляют предприятия топливно-энергетического комплекса, такие как: ООО «Юганскнефтегаз»,

Салым Петролеум Девелопмент НВ, ОАО «Сургутнефтегаз» и др. Открыты и эксплуатируются такие крупные месторождения как: Мамонтовское, Правдинское, Южно-Сургутское, Мало-Балыкское, Усть-Балыкское и др. Перекачкой нефти на нефтеперерабатывающие заводы занимается открытое акционерное общество «Сибнефтепровод» Управления магистральных нефтепроводов. Наряду с нефтяной промышленностью также развита и лесная промышленность, которая по объему производства занимает второе место в округе. В настоящее время в районе работают четыре крупных леспромхоза, развивается переработка древесины. За всю историю района вывоз древесины составил более 7 млн. м³.

На территории района имеется 48300 га сельскохозяйственных угодий, из которых около 2000 га пригодно для пашни. В районе расположено три муниципальных сельхозпредприятия: «Чеускино», «Ай-Ас», сельхозкооператив «Волна». Действуют 20 крестьянских фермерских хозяйств. Образован природно-исторический парк «Пунси», расположенный в верховье р. Большой Салым. Парк создан для сохранения и изучения эталонных болотных ландшафтов. Живущие здесь коренные этносы сохраняют традиционный уклад жизни и самобытную культуру. На территории парка расположено более 200 археологических объектов, самые древние из которых датируются V тысячелетием до н.э.

Загрязнение атмосферного воздуха на территории Нефтеюганского района определяется преимущественно местными источниками и, в малой степени, атмосферными переносами из других районов. Основными причинами загрязнения атмосферного воздуха являются: промышленные выбросы от предприятий, сжигание попутного нефтяного газа на факелах, испарение легких фракций углеводородов с поверхности аварийных разливов нефти, шламовых амбаров, резервуаров для хранения нефти, а также выхлопные газы автотранспорта.

Как следует из данных информационного бюллетеня... [2], самая высокая аварийность нефтепродуктов отмечается на месторождениях ООО «РН Юганскнефтегаз» (2712 случаев), ОАО «Томскнефть» (1273 случаев) и ОАО «Самотлорнефтегаз» (809 случаев), что составило 87,4% всех зарегистрированных аварий на нефтепромыслах Югры. Нефтеюганский, Нижневартовский и Сургутские районы наиболее подвержены загрязнению нефтью и минерализованной водой, на долю которых приходится 5341, или более 97,4% зарегистрированных аварий.

В большинстве районов округа заметно снижены темпы рекультивации нефтезагрязненных земель. Так, в Нефтеюганском районе в 2007 г. рекультивировано 14 га земель, что почти в 2 раза меньше, чем в 2006 г. – 32 га. В 2 раза уменьшилось количество рекультивированных земель в Сургутском районе: 92 га в 2007 г. и 123 га в 2006 г. Наибольшее количество земель было рекультивировано в Нижневартовском районе – 289 га.

В 2007 г. объем сожженного нефтяного попутного газа составил 7,8 млрд м³ (или 21,5% от всего объема извлеченных ресурсов), что на 1,6 млн м³, или на 25,5% больше, чем в 2006 г. Больше всех (2006 г.) нефтяного газа сожжено на предприятиях ОАО «Юганскнефтегаз» (28%). Ежегодно на Приобском лицензионном участке сжигается более 1 млрд м³. Значительный объем нефтяного газа сжигается на Ваньеганском (СП «Ваньеганнефть»), Верхне-Коликъеганском (ОАО «Варьеганнефтегаз»), Хохряковском (ОАО «Нижневартовское НП») и Каменном (ОАО «ТНК-Нягань») лицензионных участках компании «ТНК-ВР Менеджмент». Компания занимает второе место по объемам сжигания нефтяного газа – 24%.

По данным Департамента охраны окружающей среды и экологической безопасности Югры (ныне Департамента экологии) за 2008 г. [3], на территории Нефтеюганского района сожжено в факелах более 412 млн м³ газа, произошли 2094 аварии на нефтепроводах. Количество загрязняющих веществ (в т.ч. нефтепродукты), попавших при авариях

в окружающую природную среду, составило 3420,45 т. Общая площадь земель, загрязненных при авариях, составила 2087, 51 га.

По данным того же Департамента за 2009 г., по причине разгерметизации трубопроводов на территории Югры зарегистрировано 4797 аварий, из них 2417 аварий на нефтепроводах и 2380 аварий на водоводах. Общая масса загрязняющих веществ, попавших в окружающую природную среду, составила 5781,4 т, площадь загрязнения – 229,6 га. Максимальное количество аварий в 2009 г. наблюдалось в зоне промышленной деятельности ООО “РН-Юганскнефтегаз” (2398 аварий или 49,9%), который свою основную промышленную деятельность осуществляет на территории Нефтеюганского района. Следует отметить, что по сравнению с 2008 г. количество аварий в зоне деятельности данного предприятия, наоборот, увеличилось (с 2094 шт. на 2398 шт. соответственно). Основной причиной аварий является внутренняя и внешняя коррозия трубы (4727 случаев или 98,5%). По сравнению с 2008 г. количество аварий в целом по Югре в 2009 г. снизилось на 210 (4,2%) аварий (с 5007 до 4797 случаев).

В 2007-2008 и 2012 гг. сотрудниками Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск) с целью изучения современного экологического и социально-экономического состояния КМНС Югры были проведены этносоциологические¹ исследования на территории Нефтеюганского района Югры. Опросы проводились в анкетной форме. Анкеты содержали вопросы с вариантами ответов. Респондентам нужно было выбрать только те ответы, которые они считали приемлемыми. Помимо анкет было много устных бесед по наиболее проблемным.

---

¹ Руководитель исследований – автор статьи. Эмпирические опросы на местах провели: в 2007-2008 гг. - научный сотрудник отдела этнографии ОУИПИиР В.В. Серасхова, в 2012 г. – автор статьи. Обработку результатов в программах «Excel» и «Vortex» провели: научные сотрудники отдела социально-экономического развития и мониторинга В.Т. Харамзин и Н.В. Ткачук..

В опросах приняли участие:

– в 2007 г. - 114 респондента. Из них: мужчин – 40,35%, женщин – 59,65%. КМНС (ханты, манси): мужчин – 39,42%, женщин – 60,58%. Другие национальности: мужчины – 50,00%, женщины – 50,00%..

– в 2008 г. – 117 респондента. Из них мужчин – 26,50%, женщин 73,50%. КМНС: (ханты, манси): 87,18%, другие национальности – 12,82%.

– в 2012 г. – 54 респондента. Из них мужчин – 31,5%, женщин – 68,5%. КМНС (ханты): 96,3%, другие национальности – 3,7%. Возраст респондентов до 20 лет – 9,3%, 21-30 лет – 16,7%, 31-40 лет – 24,1%, 41-50 лет – 24,1%, 51-60 лет – 14,8%, 61 и старше – 11,1%.

В аспекте рассматриваемой темы немаловажной является оценка респондентами экологического состояния региона. Взгляды респондентов на то, что происходит в результате промышленных разработок недр, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Мнение респондентов о результатах промышленных разработок (n*=231), в % от опрошенных [4; 5]

Варианты ответов	КМНС	Эксперты	В целом по массиву	КМНС	Эксперты	В целом по массиву
	2007 (114)**			2008 (117)		
Улучшается экологическое состояние региона	12,50	10,00	11,25	6,86	6,67	6,77
Ухудшается экологическое состояние региона	50,00	70,00	60,00	64,71	73,33	69,02

Продолжение таблицы 1

Варианты ответов	КМНС	Эксперты	В целом по массиву	КМНС	Эксперты	В целом по массиву
	2007 (114)**			2008 (117)		
Происходит вытеснение коренного населения с территории их проживания и деградация их культуры	30,77	15,38	23,08	24,51	6,67	15,59
Затруднялись ответить	6,73	20,00	13,37	3,92	13,33	8,62

* n – число респондентов

** в скобках показано число респондентов по годам

Как видно из данных, приведенных в табл. 1, значительное большинство респондентов из числа представителей КМНС и экспертов Нефтеюганского района отметили, что в результате промышленных разработок недр происходит ухудшение экологического состояния региона (60,00% и 69,02% в целом по массиву и, соответственно, по годам). В отличие от экспертов, респонденты из числа КМНС на второе место поставили вариант, касающийся результатов промышленных разработок. По их мнению, происходит вытеснение коренного населения с территории их проживания и деградация их культуры (30,77% и 24,51% соответственно по годам).

По результатам опроса, проведенного в 2012 г., большинство респондентов (50%) из числа представителей КМНС Нефтеюганского района отметили, что в результате промышленных разработок недр происходит ухудшение экологического состояния региона. Данная цифра в 2008 г. в целом составляла 69,0%. Заметим, что наблюдается

Таблица 2

Мнение респондентов о результатах промышленных разработок
(n=54), в % от опрошенных (2012 г.).

Варианты ответов	Число ответивших	% от числа опрошенных
Ухудшается экологическое состояние вашего района	27	50,0
Улучшается экологическое состояние вашего региона	15	27,8
Происходит вытеснение коренного населения с территории их проживания	14	25,9
Затруднялись ответить	5	9,3
Итого	54	100,0

уменьшение данного показателя. 27,8% (6,77%)¹ респондентов считают, что в результате промышленных разработок происходит улучшение экологического состояния региона, и 25,9% (15,59%) респондентов полагают, что происходит вытеснение коренных жителей с территории их проживания. Как заметно из данных, приведенных в скобках, также идет уменьшение по двум последним показателям.

Для сравнения отметим, что по результатам предыдущих опросов, проведенных нами в других районах Югры, 81% респондентов Кондинского, 74% Ханты-Мансийского и 56% Октябрьского районов высказали мнение, что в результате промышленных разработок недр все-таки происходит ухудшение экологического состояния региона. Как мы видим, это мнение большинства респондентов. Часть респондентов отметила, что происходит вытеснение коренного населения с территории их проживания и деградация их культуры (31% по Кондинскому, 41% по Октябрьскому и 47% по Ханты-Мансийскому району) [6].

В ходе исследования при ответе на вопрос: «Как Вы оцениваете

¹ В скобках указано данные за 2008 г.

экологическое состояние региона в настоящее время?» были получены следующие результаты (табл. 3):

Таблица 3

Оценка респондентами экологического состояния региона в настоящее время (n=231), в % от опрошенных [4; 5]

Варианты ответов	КМНС	Эксперты	В целом по массиву	КМНС	Эксперты	В целом по массиву
	2007 (114)			2008 (117)		
	Удовлетворительно	25,96	20,00	25,44	50,98	60,00
Неудовлетворительно	68,27	70,00	68,42	41,18	40,00	40,59
Затруднялись ответить	5,77	10,00	6,14	7,84	0,00	3,92

Из данных, приведенных в табл. 3 (2007 г.) видно, что значительное большинство представителей КМНС и экспертов отметили неудовлетворительное экологическое состояние региона (68,42% в целом по массиву). Парадоксальность ситуации заключается в том, что при повторном опросе (2008 г.) взгляды респондентов по ответам разошлись. Большинство экспертов и представителей КМНС считают, что экологическое состояние региона находится в удовлетворительном состоянии (55,49%). Тем не менее, как показывают аналитические данные, изложенные выше, на самом деле экологическая ситуация в районе явно находится в неудовлетворительном состоянии. Такой расклад в ответах, даёт основание для продолжения мониторинговых исследований по данным проблемам.

Взгляды респондентов по данному вопросу, по результатам исследований, проведенных в 2012 г., представлены в табл. 4.

Таблица 4

Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы оцениваете экологическое состояние региона в настоящее время?» (2012 г.)

Варианты ответа	Число ответивших	% от числа опрошенных
Удовлетворительно	18	33,3
Неудовлетворительно	30	55,6
Никак	4	7,4
Затруднялись ответить	2	3,7
Итого	54	100,0

В отличие от результатов 2008 г., в 2012 г. большинство респондентов (55,6%) экологическое состояние региона определяет как неудовлетворительное. А 33,3% считают экологическое состояние региона удовлетворительным (табл. 4). 7,4% респондентов никак не могут оценить экологическое состояние региона.

Отвечая на вопрос: «Как Вы оцениваете состояние окружающей природной среды в районе Вашего места жительства?», 61,15% респондентов считают, что окружающая природная среда их места жительства находится в неудовлетворительном состоянии. Удовлетворительным считают 33,3% респондентов (рис. 1).

Большинство респондентов в других исследуемых районах также экологическое состояние региона считают неудовлетворительным (65,74 %). Удовлетворительным считают только 32,2% опрошенных.

Чтобы выяснить причины неудовлетворительной оценки респондентов, нами был поставлен вопрос такого характера: «*А если неудовлетворительно, то почему?*» Ответы респондентов распределились следующим образом (табл. 5): происходит загрязнение рек и водоемов – 34,34% респондентов; высыхают и вырубается леса – 22,89%; уменьшается численность животных, дичи и рыбы – 24,70% и т.п.; выводятся из оборота огромные территории угодий и оленепастбищ и т.п. – 18,07%.

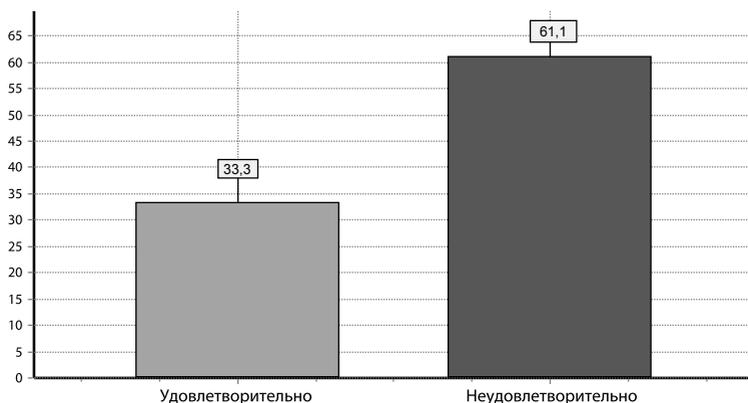

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос, «Как Вы оцениваете состояние окружающей природной среды в районе Вашего места жительства?» (n = 54), в %, 2012 г.

Таблица 5

Причины неудовлетворительной оценки экологического состояния региона респондентами (n = 114), в % от частоты ответов* [6]

Варианты ответов	КМНС	Эксперты	В целом по массиву
Происходит загрязнение рек и водоемов	34,34	33,33	34,24
Высыхают и вырубаются леса	22,89	27,78	23,37
Выводятся из оборота огромные территории промысловых угодий и оленепастбищ	18,07	16,67	17,93
Уменьшается численность животных, дичи и рыбы	24,70	11,11	23,37
Затруднялись ответить	0,00	11,11	1,09

* - в опросе 2008 г. данный вопрос не рассматривался

Ответы респондентов на этот же вопрос, по результатам исследования, проведенных в 2012 г., представлены на рис. 2, и распределились следующим образом:

1. Происходит загрязнение рек и водоемов – 79,6%;
2. Высыхают и вырубаются леса – 42,6%;
3. Уменьшается численность животных, дичи и рыбы – 38,9%;
4. Происходит загрязнение атмосферного воздуха – 26,9%;
5. Выводятся из оборота огромные территории угодий и оленепастбищ и т.п. – 16,7%.

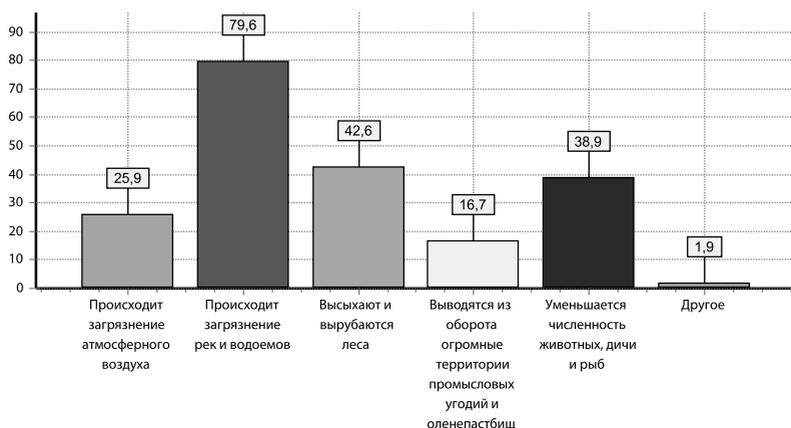

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Если не удовлетворительно, то почему?» (n = 54), в % от частоты ответов, 2012 г.

Отвечая на вопрос: «Какие организации являются главными загрязнителями окружающей природной среды в месте Вашего проживания?», все категории респондентов в целом отметили, что главными загрязнителями окружающей природной среды являются: 1) нефтегазовые (78,07% и 53,62% соответственно по годам); 2) транспортные (20,18% и 48,23% соответственно по годам). Далее по убывающей: рыбоперерабатывающие (14,91%), частные предприятия

(5,26%), ЖКХ (2,63%).

Ответы респондентов на этот же вопрос по результатам исследований, проведенных в 2012 г., распределились следующим образом:

- 1) нефтегазовые (59,3%);
- 2) транспортные (25,9) и частные предприятия (25,9%);
- 3) предприятия ЖКХ (14,8%);
- 4) рыбоперерабатывающие (5,6%).

Затруднились ответить на данный вопрос – 11,1% респондентов.

Отвечая на вопрос: *«Какие меры, на Ваш взгляд, можно предпринять в целях сохранения окружающей природной среды?»*, респонденты, обозначили следующее: 1) очистка (очистные сооружения) – 7,75%; 2) не загрязнять природу (6,76%); 3) беречь природу (5,39%); 4) убрать свалки (4,80%); 5) прекратить нефтеразработки (4,31%); 6) уделять внимание вопросам экологии и соблюдать законодательство (3,33% и 3,33% соответственно); 7) чистить русла реки и озера (2,45%); 8) наказывать за халатность (0,98%) и т.д. Самое парадоксальное заключается в том, что 61,76% представителей КМНС и экспертов (60,00%) затруднились ответить на данный вопрос.

Отвечая на тот же вопрос, респонденты из Нижневартовского района, обозначили следующее: 1) прекратить нефтеразработки (7,66%); 2) не загрязнять природу (3,60%); 3) ввести экологический контроль (3,60%); беречь природу (3,15%); 4) соблюдать законодательство (1,35%); чистить реки и озера (1,35%) и т.д. И вот здесь парадоксальность заключается в том, что также большинство представителей КМНС (72,23%) и 66,06% экспертов затруднились ответить на тот же вопрос [5].

Касааясь вопроса участия представителей КМНС в проведении экологических или других экспертиз при разработке федеральных и региональных государственных программ освоения природных ресурсов и охраны окружающей среды, отметим, что большинство

респондентов (55,6%) ответили, что не участвуют. А 35,2% респондентов считают, что все-таки, представители КМНС участвуют в данном процессе (табл. 6).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «Участвуют ли КМНС в проведении экологических или других экспертиз при разработке федеральных и региональных государственных программ освоения природных ресурсов и охраны окружающей среды?» (2012 г.)

Варианты ответа	Число ответивших	% от числа опрошенных
Да	19	35,2
Нет	30	55,6
Затруднялись ответить	5	9,3
Итого	54	100,0

Для наглядности вышеизложенного приведем отрывки из текстов интервью, взятого у респондентов во время исследований по рассматриваемой проблеме [5].

Вопрос: Как Вы оцениваете состояние окружающей природной среды района Вашего места жительства?

Ответ: Неудовлетворительно. Происходит загрязнение реки, рыба умирает, нефти много.

Вопрос: Как Вы думаете, что в большей степени влияет на здоровье местного населения?

Ответы разных респондентов:

– В первую очередь плохое качество воды. Вода ржавая, невозможно пить. Сверху ржавая пена плавает.

– Плохое качество воды. Это плохо влияет на организм. Не работают очистные сооружения.

– Низкое качество продуктов питания (омская продукция и т.д.). Плохое качество воды. Очистные сооружения не работают. Вода будет

очень дорогая, если подключат очистные сооружения.

– Плохое качество воды. Вода безобразная. Вопрос этот не решается. Загрязненный воздух и низкое качество продуктов питания.

Вопрос: Какие организации являются главными загрязнителями окружающей среды в месте Вашего проживания?

Ответ: Нефтегазовые. Залежались трубы. Стали опасные (меняются трубы). Разлив нефти. Транспортные. Черный дым (вылетает свинец). Транспорт загрязняет окружающую природную среду.

В заключение отметим, что жители региона в исследованных районах о последствиях разработки полезных ископаемых думают неодинаково. И, несмотря на это, большинство респондентов отмечают, что все-таки происходит ухудшение экологического состояния региона их проживания (в частности – Нефтеюганского района), о чем свидетельствуют аналитические данные, обобщенные выше в тексте статьи. Также респонденты полагают, что происходит вытеснение коренного населения с территории их проживания и деградация их культуры. Для того, чтобы отслеживать динамику изменений и более достоверно подтвердить полученные результаты, в дальнейшем необходимо продолжить мониторинг экологического и социально-экономического развития КМНС в ареалах их компактного проживания.

Литература

1. Коренные народы / Административный сайт органов государственной власти ХМАО – Югры [Электронный ресурс]. URL: www.admhmao.ru (дата обращения: 22.07.2010).
2. Информационный бюллетень «О состоянии окружающей среды Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2006–2007 гг». Ханты-Мансийск, 2008. 112 с.
3. Природопользование и охрана окружающей среды / Административный сайт органов государственной власти

ХМАО – Югры [Электронный ресурс]. URL: www.admhmao.ru (дата обращения: 22.07.2010).

4. Хакназаров С.Х. Геоэкологические проблемы Нефтеюганского района Югры в аспекте социологических исследований // Научно-технический и производственный журнал «Маркшейдерия и недропользования». – 2011. – №2. – С. 58-61.
5. Хакназаров С.Х. Социологический анализ экологических проблем Нефтеюганского района Югры // Менеджмент качества: поиск решения: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (01.11.2013). Павлодар, 2013. С. 343-350
6. Хакназаров С.Х. Природные ресурсы и обские угры. Екатеринбург: ООО «Баско», 2006. 152 с.

**Отношение коренных малочисленных народов Севера к проекту
«Урал Промышленный – Урал Полярный»: по результатам
социологических опросов**

Н.В. Ткачук

*Обско-угорский институт прикладных исследований
и разработок, Ханты-Мансийск*

Аннотация. Работа выполнена на основе результатов социологического опроса, проведенного в 2012 в Березовском районе. В статье анализируются ответы респондентов на вопросы о действии на территории района проекта «Урал Промышленный – Урал Полярный». Делается вывод о неоднозначном отношении респондентов к поставленным вопросам.

Ключевые слова: респонденты, проект, проблемы, коренные малочисленные народы, Урал Промышленный.

Руководством страны было отмечено: «...исторически Урал для России – это, безусловно, локомотив индустриально – промышленного развития. <...> чтобы привести в действие весь богатейший потенциал Урала, нужны принципиально новые подходы и привлекательные перспективные проекты...» [1]. В соответствии с поручением Президента Российской Федерации в Уральском Федеральном округе акционерным обществом «Корпорация Развития» (далее Корпорация) реализуется инвестиционный проект «Урал Промышленный – Урал Полярный». Между руководством Корпорации и руководителями Ямало-Ненецкого автономного округа и Ханты-Мансийского автономного округа – Югры подписаны соглашения о сотрудничестве. При взаимном сотрудничестве до 2016 года предусмотрены обязательства между Правительством Югры и акционерным обществом «Корпорация

Развития». Выделим из документа некоторые пункты, так, например, в ст. 6 «Социально-экономическое развитие автономного округа, муниципальных образований округа» отмечено, что Корпорация придерживается принципов создания благоприятных условий для повышения уровня жизни населения автономного округа..., повышения уровня занятости населения на территории округа, создания новых рабочих мест... [2]. Эти и другие принципы договоренности направлены на стабильное развитие экономики Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Масштабы промышленной деятельности проекта «Урал Промышленный – Урал Полярный» в Уральском Федеральном округе огромны, в том числе затрагивают территорию Полярного и Приполярного Урала, его восточные пределы являются границами и для Березовского района. В частности, на территории муниципального образования зарегистрированы дочерние предприятия мегапроекта. Так, например, исходя из официальных данных Корпорации, ОАО «Полярный кварц» (п. Саранпауль) осуществляет свою деятельность с целью добычи полезных ископаемых в районе [1].

Березовский район не относится к нефтедобывающим районам округа, и, соответственно, нет тесной связи на основе компенсационных соглашений между представителями коренных малочисленных народов, проживающих в районе, и нефтяными компаниями. В масштабах данного района вопросы, связанные с нефтяной промышленностью, не так актуальны, как например, для коренных жителей нефтедобывающих районов Югры. Результаты исследований, направленные на изучение состояния проблем экологического и социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера, позволяют говорить, что коренное население, проживающее и ведущее традиционный образ жизни в Нефтеюганском, Нижневартовском, Сургутском районах волнуют вопросы недропользования в границах территорий их традиционного

природопользования, компенсационных выплат владельцам родовых угодий на основе подписанных соглашений между нефтяными компаниями, вопросы сохранения экологического состояния мест традиционного природопользования [3, 167, 177-178], [4, 106-112], [5, 83-92], [6, 189-194].

В июне 2012 г. сотрудниками¹ Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (ОУИПИИР) в Берёзовском районе был проведен социологический опрос, в ходе которого затрагивались вопросы промышленного освоения Урала. Всего в опросе приняло участие 106 респондентов, это коренные жители из 6 сельских поселений. Исходя из анкетных данных, основное число опрошенных пришлось на п. Теги (34,9%). Для справки отметим, что, по данным списочного состава администрации сельского поселения Теги, в 2012 г. на территории поселения насчитывалось 627 чел. из числа КМНС.

Следующую группу опрошенных составили респонденты п. Хулимсунт (20,9%), сюда вошли коренные жители п. Няксимволь, д. Нерохи, д. Яны-пауль. В деревнях Нерохи, Яны-пауль проживают в основном манси, занимающиеся традиционными видами хозяйственной деятельности (охотничий, рыболовный промыслы, сбор и заготовка дикоросов).

Количество опрошенных респондентов из крупных населенных пунктов района составило 43,4%: п. Сосьва – 24,5%, р.п. Березово – 12,3%, Саранпауль – 6,6%.

Национальный состав респондентов следующий: манси – 59,4%, ханты – 34%, ненцы – 0,9 % и другие – 5,7%. По возрастным категориям наибольшую возрастную группу составили опрошенные в возрасте 41 – 50 лет – 35,8%, затем 31 – 40 лет – 24,5%, молодежь в возрастных

---

¹ Эмпирический опрос на местах провели: научный сотрудник ОУИПИ и Р Ткачук Н.В., начальник Березовского филиала ОУИПИ и Р Кашлатова Л.В. Обработку результатов в социологической программе «Vortex» подготовила Ткачук Н.В.

отрезках 16 – 20 лет и 21 – 30 лет, участвовавшая в опросе составила 18,8%, респонденты в возрасте 61 год и старше составили самую маленькую группу (6,6%).

Участникам опроса предлагалось ответить на вопросы с обоснованием своих ответов: «Как Вы относитесь к работе проекта «Урал Промышленный – Урал Полярный», «Как Вы относитесь к тому, что разрабатываются месторождения полезных ископаемых в районе Вашего места жительства?». Из диаграммы видим, что опрошенные, отвечая на первый вопрос, большинством голосов указали ответ «никак» (52,80%)

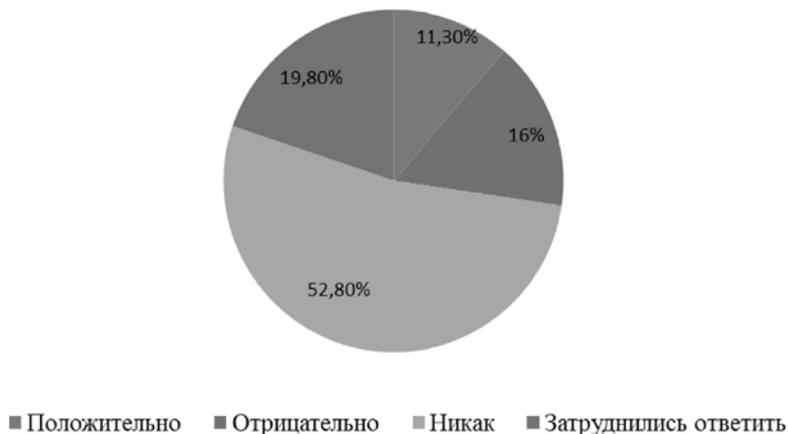

Рисунок 1. Ответы на вопрос «Как Вы относитесь к работе проекта «Урал Промышленный – Урал Полярный»? (n* = 106), где n- число респондентов

О неоднозначности ответов говорят показатели в вариантах «положительно», «отрицательно». Ответ «отрицательно» указали 16% респондентов. Чтобы выяснить причину выбора отрицательного варианта ответа, нами был задан уточняющий вопрос «Если отрицательно, то почему?». 15,9% респондентов ответили на данный вопрос и указали следующее: «Бесконтрольный вывоз добытого»,

«Ухудшение экологии», «Большое количество приезжих», «На работу местных жителей не трудоустраивают», «Ничего не знаем о работе проекта, и нам толку от этого проекта нет», «Загрязнили наши реки, природу», «Стала пропадать рыба редкой породы», «Отходы от промышленности выливаются в наши реки».

Вариант «положительно» выбрало наименьшее количество респондентов (11,3 %). Положительные ожидания от крупного проекта местное население видит в перспективном экономическом развитии района: так, например, респонденты, указавшие ответ «положительно», отмечали: «Думаю, что подобные проекты дадут возможность развивать социальную сферу в нашем районе», «Доходы, налоги от промышленных проектов должны дать возможность развиваться экономике района», «Нужно развивать социальную сферу в районе».

Рассмотрев распределение ответов по возрастным категориям участников опроса, можно сказать, что одинаково положительно о работе проекта высказались молодежь (20-35 лет) и респонденты более старшего возраста (36-61 лет), соответственно – 7,0% / 7,1 %. В ходе личных бесед выяснилось, что молодые респонденты трудоспособного возраста, занимающиеся поисками работы, уже имеют некоторый опыт трудоустройства на сезонные работы в геологоразведочные экспедиции в рамках промышленного проекта.

Таким образом, опираясь на результаты ответов и высказывания респондентов на поставленный вопрос: «Как Вы относитесь к работе проекта «Урал Промышленный – Урал Полярный»?». Можно отметить, что местные жители одновременно выражали свою обеспокоенность неудовлетворительным состоянием экологии, а также надежду на улучшение социально-экономического положения района.

Беспокойство и ожидания жителей Березовского района от работы промышленного проекта справедливы. Как отмечают некоторые исследователи, «...с точки зрения увеличения занятости населения и обустройства территории, данный проект, несомненно, может сыграть

положительную роль <...>, с другой стороны, обусловит негативные последствия для проживания здесь коренного населения и природной среды» [7, 61-70]. По их же мнению, положительным моментом станут рост социальной обустроенности сельских населенных пунктов, снижение безработицы, повышение доходов населения; а также выделены значимые вопросы о том, что необходимо учитывать интересы всего населения района: «Для населения, которое хочет сохранить традиционный образ жизни, следует создавать этнические территории, где они смогут беспрепятственно заниматься привычными для них видами деятельности, и где их приоритетные права на природные ресурсы будут законодательно закреплены. При невозможности выполнения таких условий представителям КМНС должен быть полностью компенсирован вред, нанесенный техногенными отраслями» [7, 69].

Социальная, экономическая значимость проекта изложена в «Стратегии социально-экономического развития Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2020 года» (далее – Стратегия). Документом предусмотрены комплексные планы и ход действий при различных вариантах, но, так или иначе, авторы – разработчики Стратегии все сценарные подходы развития Березовского района связывают с работой на его территории мегапроекта «Урал Промышленный – Урал Полярный». В Стратегии отмечено, что, в зависимости от степени интегрированности мегапроекта «Урал Промышленный – Урал Полярный» в районную экономику, можно предложить в прогнозный период три сценария развития района: колониальный мобилизационный; раскола района на западную и восточную части; гармоничный инновационный [8, 75]. В апреле 2014 г. подготовлена корректировка Стратегии социально-экономического развития муниципального образования «Березовский район» на период до 2020 г. и доработка на перспективу до 2030 года, в которой по-прежнему остаются три ведущих сценарных подхода: инерционный, модернизационный, инновационный сценарии. В основе

инновационного сценарного подхода лежит реализация проекта «Урал Промышленный – Урал Полярный» [9].

Как указано выше (см. рис.), на вопрос отношения респондентов к работе проекта последовало больше отрицательных ответов, связанных с беспокойством об окружающей среде. Но далее, по результатам ответов, полученных на другой вопрос, без привязки к конкретному проекту, участники опроса в большинстве своем указали положительные ответы. Так, например, на вопрос «Как Вы относитесь к тому, что разрабатываются месторождения полезных ископаемых в районе Вашего места жительства?», большинством был выбран вариант «положительно» (48,1 %) (табл.1).

Таблица 1

Ответы респондентов на вопрос «Как Вы относитесь к тому, что разрабатываются месторождения полезных ископаемых в районе Вашего места жительства?»

Варианты ответа	Число ответивших	% от числа опрошенных
Положительно	51	48,1
Отрицательно	37	34,9
Равнодушно	6	5,7
Другой ответ	4	3,8
Затруднились ответить	8	7,5
Итого	106	100,0

По мнению жителей, для территории выгодно проведение работ по разработке месторождений полезных ископаемых (21,7%), потому что создаются новые рабочие места (19,8%), улучшается социальная инфраструктура района (17,9%) (табл.2).

Таблица 2

Ответы респондентов на вопрос «Если положительно, то почему?»
(выделите наиболее приемлемый вариант) n=106

Варианты ответа	% от числа опрошенных*
Это выгодно для экономики региона (близлежащей территории)	21,7
Помогает улучшению и обустройству социальной инфраструктуры района	17,9
Создаются новые рабочие места	19,8
Другое	3,8
Затруднились ответить	48,1

* Сумма превышает 100%, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно.

Как показали результаты проведенного опроса, ответы респондентов на вопросы, затрагивающие работу промышленного проекта в Березовском районе, неоднозначны. Мнения опрошенных коренных жителей по упомянутым вопросам условно можно разделить на две категории. С одной стороны, респонденты выражали беспокойство об окружающей среде: по их мнению, причиной этого может быть промышленное освоение района. С другой стороны, местное население выражало надежды на улучшение социально-экономического положения жителей района, т.к. достижению этого может способствовать разработка месторождений и добыча полезных ископаемых в районе.

Литература

1. Официальный сайт Корпорации Урал промышленный - Урал Полярный [Электронный ресурс]. URL: http://www.cupr.ru/project_opinion_print.html (дата обращения: 04.03 2014).
2. Соглашение о сотрудничестве между Правительством

- Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и открытым акционерным обществом «Корпорация развития». Официальный сайт органов государственной власти Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gov.admhmao.ru/wps/portal/prav/home> (дата обращения: 03.03.2014).
3. Хакназаров С.Х. Социологический анализ проблем территории традиционного природопользования коренных народов Севера // Культурные и филологические аспекты генезиса и трансформации исторических общностей коренных народов Югры. Серия: научные труды ОУИПИИР. Ханты-Мансийск: Изд-во Юграфика, 2012. С.167, 177-178.
  4. Хакназаров С.Х. Компенсационные выплаты в аспекте социологических исследований: на примере Сургутского района ХМАО - Югры // Вестник угроведения. – 2011. – № 4 (7). – С. 106-112.
  5. Хакназаров С.Х. Взгляды жителей Югры на создание территории традиционного природопользования коренных народов Севера: социологический анализ // Вестник угроведения. – 2012. – № 4 (11). – С.83-92.
  6. Хакназаров С.Х. Вопрос о взаимоотношениях между представителями коренных народов Севера и недропользователей: о компенсационных выплатах // Матер. VI междун. конг., науч.-практич. конф. «Геополитические факторы устойчивого развития Арктики и инновационные технологии прогнозирования и предотвращения чрезвычайных ситуаций» (Санкт-Петербург, 15-16 ноября 2013 г.). СПб., 2013. – С.189-194.
  7. Логинов В.Г., Мельников А.В. Трудовые ресурсы и занятость населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: проблемы и перспективы. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009. 78 с.

8. Стратегия социально-экономического развития Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа Югры до 2020 года. Официальный сайт Березовского района Ханты - Мансийского автономного округа - Югры [Электронный ресурс]. URL: <http://www.berezovo.ru/activity/economy/strategy.php> (дата обращения: 03.03.2014).
9. Отчет о результатах научно-исследовательской работы по теме: «Корректировка действующей стратегии социально-экономического развития Березовского района на период до 2020 года и доработка на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.berezovo.ru/strategy/> (дата обращения: 23.04.2014).

**Межэтническая интеграция и перспективы ее развития
в Ханты-Мансийском автономном округе (Югре)¹**

Е.А. Ерохина, кандидат философских наук, доцент
Институт философии и права СО РАН, Новосибирск

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования, осуществленного в Ханты-Мансийском автономном округе в 2013 г. На основе результатов экспертного опроса дана оценка состояния этносоциальной ситуации в региональном межэтническом сообществе Югры, проанализированы тенденции развития этнонациональной политики в округе, выявлены наиболее существенные проблемы, существующие в сфере межэтнических отношений. Полученные результаты будут положены в основу разработки инструментария массового опроса в рамках конкретно-социологического исследования «Актуальные проблемы межэтнических отношений и этнонациональной политики в регионах Сибири в оценках массового сознания».

Ключевые слова: Югра, межэтнические отношения, этнонациональная политика, интеграция.

В настоящее время остро стоит проблема совершенствования принципов федерализма и поиска новых оснований этнонационального и национально-государственного развития. В этой связи интерес вызывают модельные, с точки зрения этнического разнообразия, регионы и соответствующие им региональные сообщества, развитие которых, как в капле воды отражает наиболее серьезные проблемы РФ – ориентацию на сбыт ресурсов, навязанную сырьевую

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 14-03-18032 «Актуальные проблемы межэтнических отношений и этнонациональной политики в регионах Сибири в оценках массового сознания».

специализацию, низкую степень интегрированности локальных и региональных сообществ в единое социокультурное пространство страны, недостаточное развитие транспортной и коммуникационной инфраструктуры, демографическое сжатие населения азиатской части России при увеличении миграционного притока выходцев с Кавказа и Средней Азии. Одним из таких регионов является Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, этническая структура населения которого сформирована двумя этническими группами старожильского населения (народами Севера и русскими), двумя группами «старых мигрантов», прибывших осваивать Север в советский период (славянами – русскими, украинцами, белорусами, и народами Поволжья – татарами и башкирами), а также новыми диаспорами, возникшими в постсоветский период (кавказской и среднеазиатской).

Югра представляет собой в настоящее время зону межэтнического сотрудничества представителей разных народов в социальном пространстве России. Можно выделить две актуальные, с точки зрения этносоциального развития региона, проблемы: 1) проблему сохранения культуры и образа жизни старожильского населения, прежде всего коренных народов Севера; 2) проблему адаптации и интеграции в принимающее сообщество иноэтничных мигрантов, выходцев с Кавказа и Средней Азии.

В этом аспекте чрезвычайный интерес вызывают модели межэтнической интеграции и управления этносоциальными процессами, а также тенденции развития межнациональных отношений в округе. В статье представлены результаты конкретно-социологического исследования «Межэтническая интеграция: государственная и региональные модели управления», осуществленного в Ханты-Мансийском автономном округе в 2013 г. Инструментарием исследования послужила анкета – интервью с экспертами. Респондентами стали представители органов власти и местного самоуправления, специалисты в области науки и образования, предприниматели и представители

бизнес-элиты, общественные деятели и журналисты – представители этнических групп, имеющих крупное численное представительство в структуре населения округа (русские – 55 чел, представители коренных малочисленных народов Севера – 17 чел, а также выходцы с Поволжья, Кавказа и Средней Азии – 31 чел). Всего было опрошено 103 эксперта (в том числе 48 сургутян и 39 жителей столицы округа). Данная работа является составной частью ряда конкретно-социологических исследований, которые на протяжении нескольких десятков лет осуществлялись в Югре сотрудниками Института философии и права Сибирского отделения РАН В.В. Мархининым, И.В. Удаловой, Ю.В. Попковым при активном участии Г.А. Выдриной, советника Губернатора ХМАО (1995-2010 гг.) А.В. Филипенко [1; 2; 3; 4].

В ходе экспедиции было обследовано два города (Сургут и Ханты-Мансийск) в Ханты-Мансийском автономном округе – субъект РФ, регионе – доноре российского бюджета. Здесь добывается около 60% российской нефти. Сургут является крупнейшим городом Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, а Ханты-Мансийск – его столицей. Высокий уровень доходов от добычи сырьевых ресурсов привлекает в регион представителей народов Кавказа (азербайджанцев, кумыков, лезгин) и Средней Азии (узбеков и таджиков).

Как показывает сравнение результатов переписей 2002 и 2010 годов, в этнической структуре населения Югры существенно возросла численность этих народов при небольшом сокращении количества и сохранении доли представительства русских, некотором численном росте коренных народов Севера (ханты и манси), существенном сокращении численности славянских народов (украинцев и белорусов), немцев, молдаван, чувашей [5, 583-594; 6].

Как отмечают эксперты, среди наиболее заметных изменений этносоциальной ситуации можно выделить увеличение доли мигрантов (84%) и усиление межнациональной напряженности (46%). При этом в Сургуте и других городах округа степень остроты межнациональных

отношений и частоты конфликтов на межнациональной почве выше, по мнению экспертов, нежели в самом Ханты-Мансийске. Так, например, эксперты из Сургута выделили эти факторы в числе значимых причин изменения этносоциальной ситуации – 56 и 35% респондентов, эксперты из других населенных пунктов округа – 50 и 31% соответственно, тогда как эксперты из Ханты-Мансийска – всего 31 и 18%. Эти оценки не являются бесосновательными. Они подтверждаются текущими изменениями этнической структуры населения округа (табл. 1).

Таблица 1.

Этнический состав населения

Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2002 и 2010 годах.

Народы	2002		2010		2010 в % к 2002
	чел	% к итогу	чел	% к итогу	
Югра, все население	1432817	100	1532243	100	6,9
Русские	946590	66,06	973978	63,58	2,9
Татары	107637	7,51	108899	7,11	1,2
Украинцы	123238	8,60	91323	5,96	-25,9
Башкиры	35807	2,50	35428	2,31	-1,6
Азербайджанцы	25088	1,75	26037	1,70	3,8
Ханты	17128	1,20	19068	1,24	11,3
Белорусы	20518	1,43	14703	0,95	-28,3
Кумыки	9554	0,67	13849	0,90	45,0
Чуваши	15261	1,07	13596	0,89	-10,9
Лезгины	8580	0,60	13335	0,87	55,4
Манси	9894	0,69	10977	0,72	10,9
Узбеки	5182	0,36	9970	0,65	92,4
Таджики	5651	0,39	9793	0,64	73,3
Молдаване	10861	0,76	9476	0,62	-12,8
Марийцы	7309	0,51	7289	0,48	-0,27
Чеченцы	6943	0,48	6889	0,45	-0,8
Немцы	8292	0,58	6828	0,45	-17,7

По мнению 61% экспертов, межэтнические отношения в округе за последние 2-3 года ухудшились. По данным нашего исследования, наиболее заметно это ухудшение ощутили сургутяне (65%, отметивших ухудшение, против 25% респондентов, не заметивших изменений), наименее – жители Ханты-Мансийска (54 и 33% соответственно). Народы Севера более остро почувствовали это ухудшение, нежели русские (71 против 63%).

Среди значимых тенденций развития межэтнических отношений в региональном межэтническом сообществе Югры наблюдается рост этнической мозаичности при дистанцировании региональной власти от решения проблем, вызванных ею. Общественное мнение стремительно поляризуется. Хотя Сургут и многие другие населенные пункты в Югре имеют давнюю историю, подавляющее большинство жителей округа являются мигрантами в первом или втором поколении. Тем не менее, в региональном сообществе зреет убеждение, что в ухудшении ситуации виновны сами мигранты. Так, например, 61% респондентов связывает причину усиления межэтнической напряженности в округе с увеличением доли мигрантов. В то же время региональная власть предпочитает перекладывать бремя решений нестандартных ситуаций на муниципалитеты.

Оценивая уровень конфликтности межэтнических отношений как средний, эксперты высказывают беспокойство по поводу неуважения к национально-культурным особенностям разных народов (55%), разжигания розни различными, в том числе криминальными, группировками (37%), борьбы за престижные и доходные рабочие места (25%).

Одной из самых существенных проблем является, по мнению экспертов, несовершенство национальной политики (48%). Если власть избегает поднимать определенные вопросы в информационном пространстве – такое замалчивание способно усиливать взаимное непонимание. Любой, даже бытовой конфликт, может быть

интерпретирован его участниками в этнических терминах. Нежелание увидеть этническую составляющую в спорной ситуации нередко приводит к таким недоразумениям, которые приходится разрешать уже силовыми средствами. Конфликт развивается по своим законам, и умение перевести его в позитивное русло как раз и отличает компетентного управленца от чиновника, действующего согласно букве закона, но не его духу.

По мнению экспертов, в настоящее время эффективной национальной политики в Ханты-Мансийском округе нет (42%), либо о ней ничего определенного нельзя сказать (30%). При этом наиболее категоричны в негативной оценке русские (49%). В числе приоритетных для государства областей регулирования межэтнических отношений эксперты на первые места ставят миграционную политику (74%), правоохранительную (51%) и связанные с ними направления деятельности по интеграции мигрантов в российское принимающее сообщество: улучшение нормативно-правового регулирования (54%), повышения степени занятости населения (49%), эффективности системы образования (46%) и молодежной политики (41%).

Эксперты в своем большинстве оценивают сложившуюся к настоящему времени модель регулирования межэтнических отношений как региональную с сохранением поддержки определенных этнических групп (63%). В ближайшем будущем, по мнению многих, она подвергнется трансформации. Однако единства мнений по поводу вектора трансформации нет. Часть экспертов полагает, что по мере развития глобализационных процессов, этнические различия будут становиться незначимыми, сама Россия все более и более будет приближаться к мультикультурной модели управления этническим многообразием (39%). Другая часть экспертов убеждена, что наиболее вероятным является усиление общероссийского гражданского патриотизма и ослабление национальных различий (35%).

Эти ответы косвенным образом подтверждают, что эксперты

связывают рост межэтнической напряженности с усилением этнического многообразия. Наиболее желательной для части респондентов оказалась гражданская модель с перспективой перехода к административно-территориальному устройству (42%). Для другой части привлекательность сохранила региональная модель (32%). Немалую часть составили и приверженцы глобализационной модели с опорой на мультикультурализм (26%).

Ценностью для населения Югры остается, по мнению экспертов, объединяющая роль русских. С высказыванием «Национальное возрождение народов России невозможно без национального возрождения русского народа» полностью согласились 62%, скорее согласились, нежели нет, 25% респондентов.

Из личных наблюдений стало очевидным, что патерналистская модель управления этническим многообразием округа, которая осуществлялась экс-губернатором А. В. Филиппенко, пришла в упадок со сменой власти. В настоящее время региональная власть предпочитает перекладывать существующие в этой сфере проблемы на муниципалитеты, изредка отмечаясь эффектными пиар-акциями, ориентированными, скорее, на оценку федерального центра, нежели на мнение регионального сообщества. Однако, при всей значимости местного самоуправления в регулировании межэтнических отношений, данная проблема требует решения на региональном и федеральном уровнях. Этничность остается не только проблемой местного значения, но и политической проблемой. Следовательно, она должна решаться, как таковая, и на региональном, и на центральном уровнях государственной власти.

Самой серьезной социальной проблемой в сфере межэтнических отношений остается проблема коррупции. Хотя она и не рассматривалась специально в рамках данного исследования, однако в числе самых острых проблем для будущего регионального межэтнического сообщества эксперты назвали те стороны жизни, которые связаны с коррупцией: на

первом месте по остроте оказалось усиление криминогенной обстановки (51%). На третьем месте эксперты отметили незаконный вывоз прибыли за пределы округа, что, без сомнения, также имеет свою коррупционную составляющую (43%).

В числе значимых факторов, осложняющих межэтнические отношения в округе, эксперты указали также экологическую проблему. В разрушении традиционной среды обитания виновны не только жители округа, но и нефтедобывающие компании: некоторые из них оказались замеченными в нарушениях, связанных с ведением хозяйственной деятельности: неконтролируемым увеличением шламовых амбаров, карьеров, нефтеразливами. Данный фактор остается вторым по остроте в экспертных оценках (49%).

Таким образом, исследование подтвердило первоначальную гипотезу о Югре как регионе в высокой степени межэтнической напряженности, вызванной миграционным притоком в округ. При этом дискурсивные способы управления этническим многообразием региона менее востребованы окружной властью в сравнении с административными инструментами регулирования межэтнических отношений. Точки межэтнической напряженности, степень социальной и культурной дистанции, существующие между группами старожилов и мигрантов округа, факторы сближения этнических групп регионального сообщества — эти и другие факторы станут предметами изучения массового конкретно-социологического исследования, которое будет проводиться в округе в рамках проекта РГНФ «Актуальные проблемы межэтнических отношений и этнонациональной политики в регионах Сибири в оценках массового сознания» в 2014 г.

Литература

1. Мархинин В.В., Удалова И.В. Межэтническое сообщество: состояние, динамика, взаимодействие культур: (по материалам

- социол. исслед. в р-нах традиц. сев. природопользования коренного нац. и рус. старожильч. населения Ханты-Манс. автоном. округа). Новосибирск: Наука, 1996. 191 с.
2. Мархинин В.В., Удалова И.В. Традиционное хозяйство народов Севера и нефтегазовый комплекс: социологическое исследование в Ханты-Мансийском автономном округе: [монография]. Новосибирск: Наука, 2002. 254 с.
  3. Тюгашев Е.А., Выдрина Г.А., Попков Ю.В. Этноконфессиональные процессы в современной Югре. Новосибирск: Нонпарель, 2004. 224 с.
  4. Удалова И.В., Мархинин В.В., Выдрина Г.А. Динамика межэтнических отношений в Югре: по материалам социологических исследований 1991-2009 гг. в Ханты-Мансийском автономном округе. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2010. 176 с.
  5. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 4. книга 1. Национальный состав и владение языками, гражданство. Москва: ИИЦ «Статистика России», 2004.
  6. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010. Национальный состав населения по субъектам РФ. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/per-itog/tab7

Психологические особенности учащихся из числа коренной молодежи в условиях ранней алкоголизации

А.А. Ковешников

*Ханты-Мансийский клинический психоневрологический диспансер,
Ханты-Мансийск*

Аннотация. Выявлены значимые корреляционные связи между депрессией и враждебностью, а также между нейротизмом и интегральной агрессией, что свидетельствует о значимости указанных свойств в алкогольных реализациях в подростково-юношеском возрасте. Таким образом, состояние, характеризующееся признаками тревожного ряда, у лиц потебляющих алкоголь (ПА) сопровождается максимальными поведенческими сдвигами в области социальных взаимодействий, а депрессивные тенденции, в свою очередь, сопровождаются увеличением аутоагрессивных проявлений.

Ключевые слова: коренное малочисленное население Севера, алкоголь, табак, патологическая зависимость, страх, депрессия

Среди симптомов, которые в первую очередь подталкивают человека к употреблению алкоголя, оказывается страх, тревога, депрессия и их разновидности [1]. Данные Ю.В. Рыбаковой и соавт. (2014) указывают на допущение возможности влияния тревоги на раннюю алкоголизацию [2]. В связи с этим были обследованы учащиеся школы-интерната п. Русскинские, Ханты-Мансийского автономного округа-Югры и п. Ныда Ямало-Ненецкого автономного округа. Обследованные представители коренного малочисленного населения Севера (КМНС) относились к финно-угорской (ханты) и самодийской (ненцы) группе. Численность обследованных аборигенов Севера с потреблением алкоголя (АС ПА) составила 58 человек (30 юношей и 28 девушек; возраст в среднем 15,6 года), без потребления алкоголя (БПА) – 86 чел. (24 юноши, 62 девушки;

возраст в среднем 12,9 года).

Использовались методики: Шкала сниженного настроения-субдепрессии (Self Rating Depression-SDS, Т.И. Балашова, 1988; W.W.K. Zung, N.S. Durham, 1965), Личностная шкала проявлений тревоги (Taylor's Manifest Anxiety Scale-TMAS; Тейлор Дж., 1953; адаптация Немчина Т.А., 1966), Шкала личностной и ситуативной тревожности (State-Trait Anxiety Inventory-STAI; Ю.Л. Ханин, 1976; С.Д. Spielberger, 1970), Модифицированный личностный опросник Айзенка (Eysenck Personality Inventory-EPI; адаптация Русалова В.М., 1992), опросник Басса-Дарки (Buss-Durkey Inventory – BDI; А. Басс, А. Дарки, 1957; адаптация А.К. Осницкого, 1994).

Цель исследования – изучить психологические особенности учащихся из числа коренной молодежи в условиях ранней алкоголизации.

Результаты исследования: Высокий уровень тревоги по ТМАС чаще характеризовал АС ПА, по сравнению с АС БПА, и такая тенденция сохранялась в обеих половых группах. При сравнительном анализе значения тревоги по ТМАС у девушек ПА были значимо выше, по сравнению с девушками БПА ($p = 0,021$). Сравнение средних значений позволило выявить достоверное повышение показателей уровня тревоги у девушек ПА в сравнении с юношами из аналогичной группы ($p = 0,004$). Анализ данных показал, что высокая тревога вдвое чаще характеризует девушек ПА по сравнению с юношами ПА. Свидетельством тому является тот факт, что высокий и средний (с тенденцией к высокому) уровень тревоги значимо чаще обнаруживался у девушек ПА по сравнению с юношами ПА ($t = 2,229, p < 0,05$).

Высокая ЛТ по STAI у юношей ПА обнаруживалась чаще по сравнению с юношами БПА. Кроме того, у юношей ПА высокая ЛТ фиксировалась значимо чаще по сравнению с РТ ($t = 2,029; p < 0,05$). Также у девушек ПА чаще обнаруживалась высокая ЛТ по сравнению с РТ, однако без значимых различий. В то же время высокая реактивная тревожность обнаруживалась примерно у половины обследованных девушек ПА, что

значимо чаще по сравнению с юношами ПА ($t=2,099$, $p < 0,05$).

У девушек АС ПА отмечается значительное увеличение, по сравнению с юношами АС ПА, численности сильных корреляций в исследованиях тревоги. Так, получены значимые корреляционные связи между показателями хронических реакций тревоги (ТМАС) с одной стороны и обидой ($r = 0,7658$, $p = 0,0000$), личностной тревожностью ($r = 0,6776$, $p = 0,0011$), чувством вины ($r = 0,6707$, $p = 0,0032$), нейротизмом ($r = 0,6652$, $p = 0,0036$), раздражением ($r = 0,5808$, $p = 0,0145$), реактивной тревожностью ($r = 0,5794$, $p = 0,0074$), враждебностью ($r = 0,5498$, $p = 0,0222$) и косвенной агрессией ($r = 0,4901$, $p = 0,0458$) – с другой.

У юношей ПА, в свою очередь, получены значимые корреляционные связи между личностной и реактивной тревожностью ($r = 0,7138$, $p = 0,0000$), а также между личностной тревожностью и вербальной агрессией ($r = 0,5330$, $p = 0,0497$). У девушек ПА между личностной и реактивной тревожностью корреляции также значимы ($r = 0,5981$, $p = 0,0000$). При исследовании показателей тревоги у девушек ПА реактивная тревожность тесно коррелирует с физической агрессией ($r = 0,7763$, $p = 0,0083$), раздражением ($r = 0,7427$, $p = 0,0139$), общей агрессивностью ($r = 0,7075$, $p = 0,0221$) и обидой ($r = 0,6818$, $p = 0,0299$). Поведенческие реакции, непосредственно расцениваемые как проявления агрессивности и враждебности, у лиц ПА тесно связаны с выраженностью тревоги, особенно у девушек ПА, что отражается в наличии достоверной корреляции между выраженностью поведенческих реакций и уровнем тревоги.

В целом, состояние, характеризующееся признаками тревожного ряда, у лиц ПА сопровождается максимальными поведенческими сдвигами в области социальных взаимодействий, а депрессивные тенденции, в свою очередь, сопровождаются увеличением аутоагрессивных проявлений. При корреляционном анализе у девушек ПА и БПА наиболее разнились корреляционные связи по силе между депрессией и тревогой ($r = 0.6269$, $p = 0.0000$), нейротизмом

($r = 0.5852$, $p = 0.0036$), реактивной тревожностью ($r = 0.5852$, $p = 0.0136$), раздражением ($r = 0.4797$, $p = 0.0439$) и чувством вины ($r = 0.4700$, $p = 0.0490$). У девушек подбные БПА связи были слабыми и незначимыми.

Известно, что важную роль в формировании алкоголизма у коренных народов играют этнокультуральные особенности преморбидной структуры личности [1]. Результаты исследования по методике FPI свидетельствуют о том, что значительная часть среди лиц изучаемой этногруппы подростково-юношеского возраста потребители алкоголя независимо от пола имеют высокие показатели по шкале нейротизма. Значения нейротизма у девушек АС ПА были выше шкальных оценок юношей АС ПА и составили соответственно $12,40 \pm 1,43$ баллов и $9,07 \pm 0,95$ баллов ($p = 0,054$). При анализе корреляционных связей у юношей АС ПА выявлены значимые корреляционные зависимости между возрастом и нейротизмом ($r = 0,5878$, $p = 0,0064$), а также негативизмом ($r = 0,4373$, $p = 0,0538$), что вполне объяснимо с позиции проявления нормативных возрастоспецифических особенностей поведения.

Изучая проявления социальной дезадаптации у финно-угров, страдающих алкоголизмом, исследователи пришли к выводу, что агрессивность является одной из наиболее частых ее признаков [3]. Предпочтительными формами агрессивного поведения как у юношей АС ПА, так и у девушек АС ПА были вербальная и физическая агрессия. Также у юношей установлено чувство вины, а у девушек АС ПА – раздражение. Как юноши АС ПА, так и девушки АС ПА продемонстрировали высокую склонность к враждебности. У юношей и девушек АС ПА сильные корреляции получены между враждебностью и подозрительностью ($r = 0,9033$, $r = 0,8176$), а также обидой ($r = 0,8782$, $r = 0,8476$), что указывает на трансформацию внутреннего конфликта у лиц АС ПА и активизацию аутоагрессивных механизмов. Сенситивность, ранимость, аутоагрессию исследователи относят к этнотипологическим

особенностям личности финно-угров [1].

Раздражение как форма агрессии у девушек АС ПА оказалась более выражена, нежели у юношей АС ПА ($p = 0,010$). Вместе с тем, девушки АС ПА в меньшей степени, чем юноши АС ПА, приемлют использование физической силы ($p = 0,036$). У юношей ПА тесные корреляционные связи получены между общей агрессивностью и такими проявлениями агрессии, как вербальная ($r = 0,7972$, $p = 0,0000$) и косвенная агрессия ($r = 0,7256$, $p = 0,0000$). У девушек ПА сильные корреляционные связи установлены между общей агрессивностью и такими формами ее проявления, как вербальная ($r = 0,8793$, $p = 0,0000$), физическая ($r = 0,8392$, $p = 0,0000$) и косвенная агрессия ($r = 0,7135$, $p = 0,0000$).

Приведенные данные позволяют считать, что исследование агрессивности, как в форме поведенческих проявлений, так и при сопоставлении с данными, отражающими состояние аффективной сферы, может быть использовано как для оценки личности индивидов, потребляющих психоактивные вещества (алкоголь), так и для изучения половозрастных особенностей при формировании алкогольных аддикций.

Заключение. Установлены значимые различия по уровню тревоги ($p = 0,021$) и частоте встречаемости высокотреховных лиц ($p < 0,05$) при алкогольных реализациях и без таковых. Доля лиц с высокой личностной тревожностью значимо выше, чем с реактивной ($p < 0,05$). Выявлены значимые различия в показателях физической агрессии ($p = 0,036$), нейротизма ($p = 0,05$) и раздражения ($p = 0,010$) у юношей и девушек с признаками алкоголя, свидетельствующие о половозрастной специфике формирования алкогользависимого поведения.

Литература

1. Дмитриева Т.Б., Положий Б.С. Этнокультуральная психиатрия. – М.: Медицина, 2003. – 448 с.
2. Рыбакова Ю.В., Илюк Р.Д., Крупицкий Е.М., Бочаров В.В.,

- Вукс А.Я., Незнанов Н.Г. Роль клинических и социально-психологических факторов в формировании алкогольной анозогнозии // *Обзор психиатрии и медицинской психологии*. – 2014. – №2. – С. 77-84.
3. Балашов П. П., Савченко М. Е., Аболонин А. Ф. Оценка взаимосвязи количества тяжких преступлений и состояния алкогольного опьянения у коренных народов в Ямало-Ненецком автономном округе // *Современные проблемы этнокультуральной психиатрии и аддиктологии: сборник тезисов докладов Всероссийской научно-практической конференции, Томск, 21-22 июня 2012 г. / под ред. В. Я. Семке, Н. А. Бохана*. – Томск : Изд-во «Иван Федоров», 2012. – С. 17-19.

Психофизиологические характеристики трудовой деятельности в популяции коренного населения северного региона

В.А. Лобова, кандидат психологических наук

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
Ханты-Мансийск*

С.И. Логинов, доктор биологических наук

Сургутский государственный университет, Сургут

Аннотация. В работе представлены результаты исследования биоритмологического статуса лиц трудоспособного возраста из числа коренного населения Ханты-Мансийского автономного округа, колебаний работоспособности и индивидуальных свойств личности в рамках выявленного хронотопа. В исследованной группе было выявлено преобладание независимого и утреннего хронотипов. Данные проведенного тестирования позволили определить индивидуальный суточный тип (хронотип) у представителей из числа коренного населения (ханты) и сделать вывод о его устойчивости по отношению к воздействию внешних факторов при выполнении профессиональных нагрузок.

Ключевые слова: психофизиология, трудовая деятельность, биоритм, хронотип, коренное население, ханты

Биоритмологический статус характеризуется устойчивыми индивидуальными свойствами и может рассматриваться в качестве важного предиктора работоспособности каждого индивида. Деление людей на лиц с вечерним («сов»), утренним («жаворонков») и смешанным/независимым («голубей») типами относится к одной из самых распространенных биоритмологических классификаций. Она зародилась в начале XX века и явилась важным методологическим критерием в исследованиях биологов, психофизиологов, адаптологов и

других специалистов по методам системного оздоровления человека и повышению уровня его адаптационных резервов (птичьи обозначения были введены позднее – в 1939 году – Г. Лампертом).

В дальнейших исследованиях была показана связь между биоритмологическими типами, с одной стороны, и поведенческими и психологическими, адаптивными особенностями, с другой [1, 2, 3]. В частности, выявлено, что люди утреннего и вечернего типов имеют разный порог возбудимости, склонность к экстра- или интраверсии. В то же время лица с утренним типом работоспособности характеризуются высоким уровнем тревоги, низкой устойчивостью к фрустрирующим факторам.

Деление людей по суточной активности чрезвычайно важно для разработки режимов труда и отдыха при выполнении поставленных задач, особенно в интенсивно развивающихся северных регионах, при разработке приемов рационального использования суточного времени и повышения трудоспособности населения [4].

В наших исследованиях для оценки биоритмологического статуса была использована методика «Биоритмологический статус-БРС». Исследования показали, что лиц с утренним пиком работоспособности, то есть ярко выраженных «жаворонков», среди обследованных представителей ханты – 28,5 процентов, то есть каждый третий из числа обследованных лиц. Данный хронотип характеризуют легкость утреннего пробуждения, ощущение свежести и бодрости сразу после подъема. Как показали исследования, наибольшая активность, наилучшее самочувствие и более высокая продуктивность деятельности наблюдались у них в первой половине дня. Период оптимальной работоспособности был непродолжительным, и в вечернее время тонус быстро снижался.

Ярко выраженные «жаворонки» чаще всего обнаруживались среди мужчин, что составило 37,5 процента. Среди женщин такой хронотип обнаруживался у 25,0 процентов от общей численности обследованных

лиц. При исследовании работоспособности у лиц данной категории в условиях ненормированного рабочего дня фиксировались хроническое утомление, физиологический и когнитивный дискомфорт, демотивация. Появление данных неблагоприятных признаков можно расценивать с позиции высоких нагрузок на организм, поскольку Югра относится к территориям с экстремальными условиями для работы и проживания. Показатели монотонии, как правило, у данной категории лиц имели умеренную степень выраженности. В то же время, как показали исследования, аффективные нарушения для них были не столь характерны.

Данные рекомендации для лиц с утренним пиком работоспособности включали обоснования, связанные с психофизиологическими затратами организма при нарушении привычного временного графика, режима сна и бодрствования. В частности, были включены предостережения относительно того, что в случае ломки стереотипа распределения нагрузки в течение дня, которая тяжело переносится при данном хронотипе, может проявляться дистресс. Тяжело переносится также трансмеридианальные авиаперелеты. В случае если подобные нарушения привычного паттерна активности приобретают повторный или хронический характер, легко развивается десинхроноз, возможны невротизация с тревожными и депрессивными реакциями, психосоматические нарушения (гипертоническая болезнь и др.). Виды деятельности, предполагающие необходимость работы в вечернее или ночное время, а тем более работу в условиях изменяющегося графика, категорически не рекомендовались.

При последующем мониторинговании ситуации, когда рекомендации работниками строго соблюдались, было отмечено изменение профиля работоспособности. В частности, значения вегетативного коэффициента фиксировались на уровне выше среднего. Средним уровнем были отмечены показатели тревоги, эксцентричности и аутогенной нормы. Уровень ниже среднего обозначал такие

составляющие профиля, как усталость и концентричность. Низким у представителя указанного типа оказалась значения гетерономности.

В наших исследованиях умеренно выраженный «жаворонок» обнаруживался исключительно у женщин ханты, что составило 30% обследованных лиц. Для данного типа характерно то, что паттерн активности и ощущение хорошего самочувствия относительно нерезко смещены к утренним часам, а в вечернее время тонус обычно был снижен. Адаптация к сменному графику работы протекала несколько медленнее, чем у «сов», но была возможна, что фиксировалось при дополнительном тестировании. Виды деятельности, предполагающие варьирование графика работы в разное время суток, для лиц этой категории нежелательны, на что указывалось в предлагаемых рекомендациях.

Независимый или смешанный хронотип «голубь» фиксировался в 37,5 процентах случаев. Как у мужчин, так и у женщин ханты он выявлялся примерно с одинаковой частотой (37,5 и 35,0 процента соответственно). Для данного типа не было явного предпочтения утренних или вечерних паттернов активности. При изучении работоспособности были установлены умеренная степень монотонии, психического пресыщения и стресса, низкая степень утомления.

Результаты теппинг-теста показывали средний уровень активированности нервной системы, среднюю скорость изменения знака возбуждения в двигательных центрах. Проявлялись высокая стабильность действий, высокие резервы выносливости при выполнении быстрых циклических действий. В то же время при исследовании простой сенсомоторной реакции были получены высокие показатели латентности, низкий уровень концентрации внимания и его устойчивости. Регистрировалась также низкая скорость простой зрительно-моторной реакции и низкая стабильность исполнительских действий.

Показатели теста цветовых выборов при смешанном хронотипе

располагались в пределах средних и низких значений. Средний уровень фиксировался по параметрам усталости, тревоги и концентричности. Показатель отклонения от аутогенной нормы также регистрировался в пределах средних значений. Ниже среднего были показатели работоспособности, вегетативного коэффициента, автономности и гетерономности.

В данных рекомендациях лицам указанной группы была показана фиксированная локализация рабочего графика во времени суток, поскольку к сменному графику работы специалисты с данным хронотипом адаптируются с трудом, а часто меняющийся график может вызвать явления десинхроноза. Вместе с тем, было отмечено, что лица, относящиеся к данному типу, могли бы адаптироваться к сменному графику работы успешнее, чем «жаворонки», хотя и менее успешно, чем пластичные «совы».

Вечерний хронотип – умеренно выраженная «сова» – фиксировался у представителей ханты в 10,0 процентах случаев. В наших исследованиях – это мужской хронотип, поскольку обнаруживался только у мужчин, что составило 25,0 процентов от общего числа обследованных. Среди характерных проявлений отмечалось, что оптимальная продуктивность деятельности была смещена на более позднее время и занимала довольно продолжительный период времени. Была затруднена адаптация к работе в утреннюю смену и графикам работы, предполагающим варьирование профессиональных нагрузок в течение суток. Было отмечено, что в случае работы в утреннюю смену, как правило, лица указанного типа страдали от недостаточности сна. Во второй половине активность была значимо выше, а самочувствие лучше, нежели в первой.

В наших исследованиях вечерний хронотип, ярко выраженная «сова», обнаруживался без учета пола в 7,1 процентах случаев. В то же время, при учете фактора пола, данный хронотип обнаруживался только у женщин, что составило 10,0 процентов случаев. Для данного

хронотипа характерно то, что утреннее пробуждение было затруднено, и всякий раз, когда позволяли обстоятельства, оно могло быть смещено на более поздние часы. Характерным признаком было отсутствие ощущения свежести и бодрости сразу после пробуждения. Общий жизненный тонус постепенно нарастал в течение первой половины дня и достигал своего максимума (наилучшее самочувствие, наибольшая активность, более высокая продуктивность деятельности) во второй половине дня.

При исследовании работоспособности у лиц, относящихся к указанному хронотипу, фиксировалась низкая степень утомления, и умеренная степень психического пресыщения, монотонии и стресса. В то же время исследование сенсомоторной реакции выявило высокую стабильность исполнительских действий и высокий уровень концентрации и устойчивости внимания. Скорость простой зрительно-моторной реакции располагалась в пределах средних значений.

Среди преимуществ для лиц вечернего хронотипа было указано на более широкий временной диапазон оптимальной работоспособности, нежели это фиксировалось у представителей утреннего типа. Кроме того у них отмечалась устойчивость к различным социальным и природным воздействиям, быстрее восстанавливался исходный функциональный уровень, они легче адаптировались к различным видам профессиональных нагрузок. Важным показателем данного хронотипа явилась незначительная склонность к развитию тревожных и депрессивных реакций. Среди рекомендаций обследованным лицам из данной группы предлагалось неукоснительное соблюдение режима труда и отдыха, и предпочтительно гибкий или смещенный график работы на вторую половину дня.

В целом, проведенное исследование показало, что существуют различия психофизиологических показателей у взрослых ханты с разным хронотипом, в зависимости от биоритмологической организации, что необходимо учитывать при осуществлении профессиональ-

ного отбора и построении профилактических программ.

Литература

1. Агаджанян Н.А., Баевский Р.М., Берсенева А.П. Проблемы адаптации и учение о здоровье. М.: Изд-во РУДН, 2006. 284 с.
2. Борисенков М.Ф. Хронотип человека на Севере // Физиология человека. – 2010. – Т. 36. – № 3. – С. 117-122.
3. Хаснулин В.И., Хаснулина А.В. Хронотип и устойчивость к психоэмоциональному стрессу в дискомфортных климатогеографических условиях // Медицинские науки. – 2012. – №12. – С. 154-160.
4. Медико-экологические основы формирования, лечения и профилактики заболеваний у коренного населения Ханты-Мансийского автономного округа: Метод. пособие для врачей / Под ред. В.И. Хаснулина. Новосибирск: СО РАМН, 2004. 316 с.

Освоение Арктики и коренные малочисленные народы Севера¹

В. Г. Логинов, доктор экономических наук, доцент

Институт экономики Уральского отделения РАН, Екатеринбург

Аннотация. В настоящее время Арктика, включающая северные окраины страны и акваторию Северного Ледовитого океана, выделена в самостоятельный объект государственной политики, что обусловлено особыми национальными интересами России в этом регионе, его геостратегическим положением.

Ключевые слова: Арктика, промышленное освоение, коренные малочисленные народы Севера, традиционные отрасли.

Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ) включает территории различного уровня освоенности, хозяйственного развития и заселения. Ее экономика базируется на использовании потенциала невозобновимых (минеральных и топливно-энергетических), возобновимых (рыбных, охотничьих, дикорастущих) природных и рекреационных ресурсов. Основой жизнедеятельности коренного населения Арктики является традиционное природопользование с его главной отраслью – оленеводством.

В составе АЗРФ ведущее место по социально-экономическому развитию и природно-ресурсному потенциалу принадлежит арктическим районам Красноярского края и Ямало-Ненецкому автономному округу, занимающим срединное положение в Арктическом регионе страны, что дает основание выделения их в Срединный арктический регион.

Промышленный потенциал территории, опирающийся на ресурсы

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Формирование институциональных основ и организационно-экономических механизмов инновационного освоения арктических территорий» №12-7-8-007-АРКТИКА,

крупнейшего Норильского медно-никелевого месторождения, на разведанные запасы нефти и природного газа Ямала и Таймыра, представлен отраслями горнодобывающего производства и предприятиями переработки сырья; компаниями, занимающимися добычей и транспортировкой нефти, конденсата и природного газа.

Основными отраслями традиционного сектора хозяйства остаются рыболовство, охота и оленеводство, являющиеся материальной базой сохранения и социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера.

Промышленное и транспортное освоение территории с одной стороны обеспечивает внутренние потребности страны и международного рынка в энергоносителях и металлопродукции, с другой стороны техногенные отрасли являются основными загрязнителями, нанося невосполнимый ущерб арктическим экосистемам.

Освоение нефтегазовых и минерально-сырьевых ресурсов напрямую затрагивает интересы проживающих здесь коренных малочисленных народов Севера (КМНС), значительная часть которых ведет традиционный образ жизни, занимаясь оленеводством, рыболовством, охотничьим и другими промыслами. Несмотря на относительно небольшую численность, КМНС широко расселены по территории, и их промысловые угодья зачастую совпадают с местами разработки природных ресурсов, ограничивая ареалы традиционного природопользования.

В связи с этим развитие региона должно базироваться не только на экономической эффективности, но и на обеспечении условий сохранения природной среды, традиционной хозяйственной деятельности и качества жизни проживающего здесь коренного и пришлого населения.

Обширность территории региона, высокий удельный вес сельского и кочующего населения позволили сохранить процесс расширенного

воспроизводства КМНС.

Общая численность коренных этносов в ЯНАО составила, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., 41415 чел., в Таймырском муниципальном районе – 10013 чел. (удельный вес в населении – 29,1%).

Среди северных народов наиболее высокие темпы прироста населения были характерны для ненцев, которые за 50 лет увеличили свою численность в 2,1 раза, в т.ч. в 2,13 раза ЯНАО и в 1,9 раза на Таймыре, что позволило повысить их долю среди КМНС с 57 до 65%.

У вторых и третьих по численности народов: хантов и долган эти показатели были ниже, соответственно в 1,7 и 1,35 раз. У селькупов – в 1,6 раза. В целом в пределах рассматриваемой территории проживал каждый пятый представитель коренных малочисленных народов России (табл. 1).

Таблица 1

Национальный состав КМНС, динамика численности, чел.

Национальность	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
ЯНАО	20974	25954	25597	29910	37164	41415
Таймырский МР	6906	7769	7767	8648	9839	10013
Всего	27880	33723	33364	38558	47003	51428
В т.ч. ненцы	15855	19785	19749	23363	29489	33344**
Уд.вес, %	56,9	58,7	59,2	60,6	62,7	64,7

* Учитывались вместе с ненцами.

**Вместе с ГО Норильск.

Среди сельского населения Ямало-Ненецкого автономного округа доля КМНС составляет 43,7%, достигая 72,4% в Тазовском и 66,0% в Ямальском районах, в сельской местности Таймырского района их удельный вес равен 75%.

В настоящее время общая численность коренных этносов превышает таковую других национальностей, за исключением русских

и украинцев, причем со вторыми она уже сопоставима.

Изменение численности отдельных народов между переписями 2002 и 2010 гг. отражает в основном региональный характер их воспроизводства, связанный не только с его естественным приростом, но миграционным движением. Так, селькупы, имевшие прирост численности в этот период в пределах рассматриваемой территории, в целом по стране сократили свою численность, это относится и к энцам. И, наоборот, народы, численность которых уменьшилась в регионе, имели общий прирост, например, долгане, численность которых за этот же период увеличилась на сопредельных территориях Республики Саха (Якутии) (табл. 2).

Таблица 2

Изменение общей численности КМНС РФ в 2010 г.
по сравнению с 2002 г.

Народы, имеющие положительный прирост	Народы, численность которых сократилась
Ненцы (+3777), ханты (+729), селькупы (+191), энцы (+7)	Долганы (-124 чел.), эвенки (-39) манси (-6), нганасаны (-19)
Итого: 4704 чел.	-188 чел.

Характерной особенностью сельского коренного населения является наличие значительного числа кочующего населения. В ЯНАО к ним относится 36,5% от общей численности коренных этносов, в Таймырском муниципальном районе – 20% (табл. 3).

Таблица 3

Динамика численности кочующего населения ЯНАО, на 01.01. 2012 г.

Муниципальное образование	1987 г.		1997 г.		2007 г.		2012 г.	
	х-ва	чел.	х-ва	чел.	х-ва	чел.	х-ва	чел.
ГО Салехард	14	94	7	61	11	54	12	58
Красноселькуп. МР	41	149	14	30	137	289	121	202

Продолжение таблицы 3

Муниципальное образование	1987 г.		1997 г.		2007 г.		2012 г.	
	х-ва	чел.	х-ва	чел.	х-ва	чел.	х-ва	чел.
Надымский МР	112	570	101	454	106	550	121	558
Приуральский МР	170	812	261	1329	367	1533	450	1905
Пуровский МР	146	700	213	1026	158	801	235	1035
Тазовский МР	603	3205	947	5096	1087	5252	1180	5357
Шурышкарский МР	49	224	41	146	24	82	56	237
Ямальский МР	669	3456	911	5074	971	5287	1048	5664
Итого	1804	9210	2495	13216	2861	13848	3223	15016

За период с 1987 по 2012 гг. количество кочующих хозяйств увеличилось в 1,8 раза (на 1419 ед.), а населения в них – в 1,6 раза (на 5,8 тыс. чел.). Наиболее быстро число кочующих субъектов росло в тундровых районах ЯНАО – основных районах развития оленеводства: в Тазовском районе число хозяйств увеличилось в 2 раза, населения – в 1,7 раза, в абсолютном отношении самый значительный рост – в Ямальском МР – на 2,2 тыс. чел.

Кочующее население, за небольшим исключением (около 100 чел. коми), относится к КМНС. В этническом плане оно представлено главным образом, ненецкими и хантыйскими многодетными семьями, и является носителем материальной и духовной культуры этих народов. Это наиболее здоровая в физическом и нравственном плане часть этих народов, воспроизводящая их идентичность. Они сохранили традиционное репродуктивное поведение, для которого характерен высокий уровень рождаемости, а своевременное оказание медицинской помощи позволило снизить смертность населения, что в совокупности обеспечивало их расширенное воспроизводство.

Промышленное и транспортное освоение арктических районов оказывает также непосредственное влияние на развитие традиционных отраслей хозяйствования, возможности которых и так имеют определенные ограничения в связи с их низким потенциалом на

единицу площади и невысокой способностью природного комплекса к самовосстановлению в экстремальных климатических условиях.

Самой широко охватывающей пространством и вместе с тем самой этносохраняющей отраслью среди них является оленеводство. Россия является крупнейшей оленеводческой державой в мире. На ее долю приходится около 70% мирового поголовья домашних оленей. Еще в начале 1990-х гг. поголовье северных оленей в стране превышало 2 млн гол. Самые крупные стада находились в Магаданской области – 568,1 тыс., в Тюменской области – 552,6 тыс. и Якутии – 348,8 тыс. (1991 г.).

Являясь наиболее экстенсивной формой сельскохозяйственного производства, домашнее оленеводство для своего развития требует огромное количество сменяемых по сезонам года пастбищ. Они располагаются в тундровой, лесотундровой и таежной зонах, занимая 339,8 млн. га., из которых 318,8 млн. га располагаются в районах Севера (93,8%), в том числе 214,3 млн. га в Арктической зоне страны (67,2%).

Здесь на протяжении столетий сложилась своеобразная оленеводческая цивилизация с кочевым и полукочевым населением, к числу которого относятся коренные малочисленные народы Севера (коряки, манси, ненцы, ханты, чукчи, эвенки и др.) и представители более крупных северных народов – коми и якуты. Для этих народов оленеводство является основой их образа жизни, представляя собой непрерывный каждодневный рутинный процесс с периодической сменой используемых пастбищ. Олень обеспечивает коренное население необходимым материалом для жилищ, одеждой и пищей. Излишки продукции обменивались на необходимые для оленеводов товары: металлические изделия, ткани и др. И в настоящее время олени являются движимым капиталом, от величины которого зависит благосостояние семей кочевого населения.

В XX столетии на развитие отрасли оказали влияние: коллективизация 30-х гг., промышленно-транспортное освоение

северных районов 60-80 гг. и рыночные реформы 90-х гг. Это проявилось как в изменении численности поголовья животных, так и в изменении форм собственности. Последнее было связано с ростом общественных стад и снижением личных (частных) – в 30-80-е годы. В 90-е гг., до начала 2000-х гг. наблюдалась обратная картина (табл.4).

Таблица 4

Поголовье северных оленей в регионах Севера, на конец года, тыс.гол.

Регион Севера	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1990 г.	1996 г.	2000 г.	2003 г.	2008 г.	2011 г.
Всего	2084,0	2449,2	2250,4	2250,3	1588,0	1196,4	1245,7	1522,8	1583,0
<i>Уд.вес, %</i>	13,8	13,2	12,8	19,0	40,1	47,1	47,9	34,9	30,6
Европейский	379,7	421,5	367,5	391,5	396,9	296,4	270,6	317,1	325,7
<i>Уд.вес, %</i>	9,6	11,4	10,7	13,1	19,4	26,3	25,9	23,8	20,8
Уральский	400,5	480,9	418,0	537,6	554,0	531,2	603,3	680,6	718,9
<i>Уд.вес, %</i>	28,4	33,0	34,5	47,9	59,8	67,3	70,9	57,8	52,7
Сибирский	152,2	191,3	138,9	120,4	66,3	49,3	52,8	71,9	89,7
<i>Уд.вес, %</i>	12,0	13,4	13,8	22,0	62,3	68,0	86,0	3,9	2,3
Дальневосточный	1148,1	1355,5	1326,1	1200,8	583,6	319,5	317,4	453,2	448,6
<i>Уд.вес, %</i>	10,3	6,8	6,4	9,8	32,6	29,1	17,0	10,6	8,1

Примечание: Уд. вес – доля поголовья личного (частного) сектора.

Рассчитано по источникам: Экономика и культура районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера за 1940-1985 гг. М.: ЦСУ РСФСР, 1986. С. 85,87; Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в 1998-2010 годах¹.

Основное оленепоголовье сосредоточено в арктических районах, где выпасается 85% от его общего количества (1351 тыс. гол., 2012 г.).

Переход к коллективному хозяйству вызвал общее снижение поголовья оленей, которое было восстановлено лишь в 1950-е гг.

¹ URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_22/Main.htm

Воздействие техногенных отраслей на развитие оленеводства до конца 1960-х гг. в большинстве северных регионов было минимальным.

С 1970-х гг. начался процесс широкомасштабного освоения территории Севера, интенсивность которого постепенно возрастала с запада на восток, в том же направлении шел процесс снижения поголовья оленей. Однако следует отметить, что процесс промышленного освоения территории Севера, несмотря на все негативные моменты, в целом по России существенного воздействия на численность оленепоголовья до начала 1990-х гг. не оказывал. Кризисное положение в оленеводстве сложилось в период реформирования экономики страны. Особенно пострадало таежное оленеводство. Отдельные регионы, такие, как Республика Бурятия, Забайкальский край, Иркутская и Сахалинская области, в настоящее время можно отнести к территориям с исчезающим оленеводством.

На этом фоне статистические показатели рисуют вполне благополучную картину в Ямало-Ненецком автономном округе, где, несмотря на непрекращающийся процесс освоения газовых ресурсов в тундровой зоне, большое количество уничтоженных пастбищ (только от пожаров пострадало более 1 млн га) и браконьерство, поголовье увеличилось на 71,7 тыс. гол., а с 1991 по 2013 гг. – на 213 тыс. гол.

В 1990-е гг. это произошло благодаря увеличению поголовья оленей в личных подсобных хозяйствах коренного населения. Общественное стадо здесь на протяжении трех последних десятилетий снижалось, а в личных хозяйствах росло (за период с 1970 по 2001 гг. поголовье оленей в личном секторе увеличилось в 2,6 раза).

В нулевые годы ситуация несколько изменилась: начался рост поголовья, главным образом, за счет увеличения общественных стад. В целом по стране количество оленей в общественном секторе в 2000-е гг. увеличилось в 1,8 раза, а его удельный вес вырос до 68% от общего поголовья.

Это коснулось также оленеводства Ямало-Ненецкого автономного

округа, где общественное поголовье в 2010 г., по статистическим данным превысило уровень советского периода. Однако, это произошло в результате объединения стад частных в общины, начавшегося с 2007 г. Этот процесс шел на фоне безудержного роста общего поголовья, которое с 2000 по 2013 гг. увеличилось на 200 тыс.гол., достигнув 704 тыс.гол, тем самым превысив проектную оленеемкость пастбищ в 1,5 раза.

В Таймырском муниципальном районе ситуация с оленеводством была схоже с общероссийской. После спада в 1990-е гг. началось его возрождение, наиболее активно осуществляющееся после 2005 г. Данный процесс происходил на фоне резкого снижения поголовья личных стад (с 95 до 10%), с 2003 по 2013 гг. и такого же роста в общественных хозяйствах в результате создания национальных общин (табл. 5). При этом следует отметить, что проектная оленеемкость (123,5 тыс. гол.) пока не превышена, но здесь у домашних оленей в отношении использования пастбищ имеются конкуренты – дикие олени, численность которых, по оценкам, составляет более 500 тыс. гол.

Промышленное освоение территории оказало негативное влияние на развитие оленеводства, особенно в районах интенсивного недропользования северо-таежной зоны, где возможности его функционирования были всегда более ограничены по сравнению с тундровым оленеводством. В настоящее время продовольственное значение отрасли здесь уменьшилось в связи с сокращением поголовья оленей и значительным ростом пришлого населения. Однако возросла его социальная и продовольственная значимость для коренного населения при снижении товарности, что позволило в большей степени удовлетворять собственные потребности КМНС в оленеводческой продукции.

Таблица 5

Поголовье северных оленей в регионе, на конец года, тыс. гол.

Регион	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1990 г.	1996 г.	2000 г.	2003 г.	2008 г.	2012 г.
Всего РФ	2084,0	2449,2	2250,4	2250,3	1588,0	1196,4	1245,7	1522,8	1596,1
В т.ч. част.	286,9	324,5	287,6	426,9	636,1*	563,0	597,1	519,8	509,9
Уд.вес, %	13,8	13,2	12,8	19,0	40,1	47,1	47,9	34,1	31,9
ЯНАО	335,9	414,2	363,2	490,5	517,7	504,7	574,5	651,1	704,0
В т.ч. част.	104,2	143,7	131,3	245,1	319,8	346,4	415,5	379,1	373,7
Уд.вес, %	31,0	34,7	36,2	50,0	61,8	68,6	72,3	58,2	46,9
Таймыр. МР	85,0	123,0	88,0	77,1	50,6	40,6	43,4	61,4	85,1
В т.ч. част.	н.д.	н.д.	14,7*	22,4*	35,7	28,4	41,3	1,5*	9,1*
Уд.вес, %	н.д.	н.д.	19,4	29,1	70,6	70,0	95,1	2,2	10,7
Итого	420,9	537,2	451,2	567,6	568,3	545,3	617,9	712,5	789,1
Уд.вес в РФ, %	20,2	21,9	20,0	25,2	35,8	45,6	49,6	46,8	49,4
Частн. х-ва	-	-	146,0	267,5	355,5	374,8	456,8	380,6	382,8
Уд.вес в РФ, %	-	-	50,8	62,7	55,9	66,6	76,5	73,2	75,1

Примечание: в 1940 г. поголовье оленей составляло: Россия – 1372, ЯНАО – 362, Таймыр – 78 тыс.гол.

*Оценка.

На фоне общего снижения поголовья в арктических районах страны ЯНАО и Таймырский муниципальный район занимают выигрышные позиции. Здесь общее поголовье оленей за период с 1991 по 2013 гг. увеличилось. Соответственно выросла их доля с 40,1 до 64,7% (табл.6).

Таблица 6

Поголовье оленей арктических районов

Регион	Поголовье оленей				2013 г. к 1991 г., гол/%
	на 01.1991 г.		на 01.2013 г.		
	тыс. гол.	уд.вес, %	тыс. гол.	уд.вес, %	
Ямало-Ненецкий АО	490,5	30,5	704,0	52,1	213,5/143,5
Таймырский МР	77,1	4,8	85,1	6,3	8,0/110,4

СОЦИОЛОГИЯ. ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

Итого	567,6	35,3	789,1	58,4	221,5/139,0
Районы Арктики	1610,3	100,0	1351,5	100,0	-258,8/83,9
Всего Север	2250,3/ 25,2		1596,1/ 49,4		-654,2/70,9

Примечание: под чертой удельный Срединного региона по отношению к северным районам страны.

Ямало-Ненецкий автономный округ занимает 1 место, а Красноярский край (95% поголовья приходится на Таймырский МР) – 5-6 места по поголовью оленей из 18 субъектов Федерации, имеющих домашних оленей.

Основными причинами уменьшения общественного стада явились: деградация оленьих пастбищ в связи с промышленно-транспортным освоением территории округа и превышением количества выпасаемых оленей над оленеемкостью пастбищ в районах размещения оленеводческих хозяйств; неблагоприятные погодные условия весеннего периода последних лет XX столетия, а главное – социально-экономические последствия переходного периода. Увеличение финансовой поддержки как общественного, так и личного оленеводства позволило повысить товарность отрасли. После спада производства оленины в 1990-е гг. со второго пятилетия 2000-х гг. идет ее постепенный рост, вплотную приблизившись к показателям советских времен.

В связи с неблагоприятными погодными условиями ряда лет и экономическими факторами шел процесс снижения в общественных хозяйствах делового выхода телят по сравнению со средними показателями 1970-х и 1980-х гг. Постепенно повышаются деловые показатели оленеводства, также приблизившись к таковым советского периода (табл.7).

Деловые показатели оленеводства
по сельскохозяйственным организациям ЯНАО

Показатель	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Родилось телят, тыс. гол.	134,2	94,9	69,2	103,9	181,4	200,0
На 100 январских маток (гол.)	73,0	58,6	58,1	60,3	64,6	67,5

Имеются определенные отличия в качественном составе общественных и личных стад. Первые стараются создать оптимальную структуру за счет более высокой доли важенок (она в среднем на 26% выше, чем в личных хозяйствах), благодаря этому получается более высокий ежегодный прирост поголовья (выше на треть, чем у частных). Соответственно и выше товарность хозяйств.

Сохранение оленеводства предполагает качественное состояние и развитие трех равнозначных компонентов: пастбище – олень – оленевод. Основополагающим здесь является сохранение соответствия поголовья кормовой базе и обеспечение своевременного воспроизводства рабочей силы.

Это по-разному реализуется в пределах отдельных территорий. На тех, где идет процесс восстановления оленеводства, возникает проблема пастухов и поголовья. В таких субъектах, как ЯНАО – недостаток пастбищ.

В целом, несмотря на небольшие объемы товарной продукции, отрасль вносит свой вклад в продовольственное обеспечение коренного населения, особенно в местах его традиционного проживания, в рационе питания которого мясо оленины, являющееся по своим свойствам диетическим, по-прежнему занимает важное место. Охватывая небольшой сегмент продовольственного рынка, в качественном отношении продукты оленеводства обеспечивают

организм необходимыми микроэлементами, способствующими адаптации аборигенного населения к суровым природно-климатическим условиям. Помимо этого, продукция оленеводства используется для пошива обуви и одежды, шкура является материалом для строительства чума, сам олень используется как транспортное средство. В социальном плане сохранение этой отрасли позволяет представителям коренных народов ощущать себя самостоятельным этносом, обеспечивая их устойчивое социально-экономическое развитие в рыночных условиях.

В новом столетии промышленное освоение будет развиваться дальше вширь со сдвигом в арктические районы, охватывая новые ареалы традиционной хозяйственной деятельности КМНС. Это предопределяет столкновение интересов, конфликты между коренными сообществами и разработчиками природных ресурсов арктической зоны.

Пересечение интересов КМНС и недропользователей обуславливает проблемы, которые необходимо решать, не ущемляя интересы коренного населения. Это в первую очередь связано со снижением негативного воздействия техногенных отраслей на традиционную деятельность коренных малочисленных народов.

Промышленная политика в районах нового освоения должна учитывать все эти нюансы и соблюдать интересы коренного населения, используя при этом современные технологии, снижающие вред, наносимый окружающей природной среде. Социальная политика должна быть направлена на сохранение сложившегося уклада жизни КМНС, в ином случае требуется их согласие на изменение своего статуса. К изменившимся условиям, как свидетельствует опыт, безболезненно может приспособиться только незначительная часть коренных жителей. Для населения, которое хочет сохранить традиционный образ жизни, следует создавать этнические территории, где они смогут беспрепятственно заниматься привычными для них

видами деятельности, и где их приоритетные права на природные ресурсы будут законодательно закреплены. При невозможности выполнения таких условий представителям КМНС должен быть полностью компенсирован ущерб, нанесенный техногенными отраслями.

В связи с этим до начала реализации проекта необходимо выделить зоны, полностью или частично закрытые для промышленного и транспортного освоения.

При транспортном строительстве и развитии горно- и нефтегазодобывающей промышленности следует:

- широко внедрять технологии щадящего природопользования;
- определить районы организации особо охраняемых природных, этноприродных и рекреационных территорий;
- сохранить условия для развития традиционных отраслей (оленоводства, рыболовства, охоты, сбора дикоросов) с созданием баз длительного хранения продукции и углубленной переработки сырья с учетом экологических ограничений и возможностей природно-ресурсного потенциала территории.

**Психотерапевтический опыт работы ООО «КОД» в рамках
эмоционально-стрессовой терапии методом А.Р. Довженко
в лечении алкогольной зависимости в условиях
Севера Тюменской области**

В.Л. Михайловский

ООО «КОД», Нижневартовск

Аннотация. Рассматривается вопрос о распространенности хронического алкоголизма в Западной Сибири, в том числе в среде коренных жителей Ханты-Мансийского округа, клинические особенности алкогольной зависимости у аборигенов Севера. Описывается психотерапевтический опыт работы по борьбе с этим заболеванием в национальных поселках, приводятся аналитические данные лечения хронического алкоголизма у аборигенов психострессовой терапией по методу А.Р. Довженко.

Ключевые слова: А.Р. Довженко, алкогольная зависимость, психотерапия, абориген, Ханты-Мансийский автономный округ.

Тюменская область, занимает центральное место на карте России. На ее территории находится географический центр бывшего СССР и географический центр бывшей Российской Империи. Около пятидесяти лет назад началось интенсивное освоение Севера Западной Сибири, привлекшее на сибирскую землю людей со всего бывшего СССР. Вот почему сегодня Север Западной Сибири может служить некой моделью России, учитывая представленный в регионе национальный состав, социокультурно-разнообразие. Особенностью Севера Западной Сибири является многонациональный состав населения. Существовавший ранее и существующий в настоящее время отбор рабочих, годных для работы в условиях, приравненных к Крайнему Северу, способствовал тому, что на Севере реже встречаются зависимости,

связанные с органическими заболеваниями мозга, здесь преобладают поведенческие нарушения, связанные с особыми условиями труда и быта – это и вахтовые методы работы вдали от дома, семьи, что является само по себе психо-травмирующим фактором. Большая часть обращающихся за помощью – это люди рабочих профессий: водители, сварщики, слесари, буровики, строители. Среди них много социально неустроенных, живущих вне семьи, или не имеющие таковой. Они живут либо в общежитиях, либо прямо на предприятиях: в бытовках, вагончиках, производственных помещениях, оторванные от своих корней, родных людей, своих родителей. Находясь на работе и вне ее, в среде, где проповедуются ценности отнюдь не высоконравственного образца, лишённые необходимого внимания со стороны семьи, они находят свое утешение в алкоголе.

Но есть еще одна особенность Западной Сибири – это её коренные жители, представители коренных малочисленных народов Севера: ханты, манси, селькупы, ненцы и другие. Они всегда жили на этих территориях и, естественно, приняли на себя тяжелый прессинг нефтяной экспансии, который испытывают и по сей день.

Ханты-Мансийский автономный округ Ямало-Ненецкий автономный округ

Всего населения –	1432817	Всего населения –	507006
Из них: ханты –	17128	Из них: ханты –	8760
ненцы –	1290	ненцы –	26435
манси –	9894	манси –	172
селькупы –	22	селькупы –	1797

Автор статьи изучил причины смертности среди коренных жителей Нижневартовского района за период с 20-х годов прошлого столетия по начало 2000-х годов.

В 30-е годы прошлого столетия преобладала детская смертность в основном от инфекционных заболеваний. Она (смертность) составляла от 71% в 1938 году до 42% в 1942 году от общей смертности. Среди взрослых инфекционные болезни также были на первом месте. Каждый третий взрослый в 30-е годы прошлого столетия умирал от инфекционных болезней, в том числе каждый четвертый – от туберкулеза. Болезни сердца поражали людей от 1,2% случаев в 1937 году, до 16,9% в 1944 году. От травм, в том числе и связанных с употреблением алкоголя, погибали в 7-12% случаях.

Новые условия жизни породили и новую тенденцию в изменении причин смертности в настоящее время: за последние два-три десятилетия уровень общей смертности значительно снизился по сравнению с началом прошлого века (30,9 чел. на 1000 населения в 1937 году, 77,9 чел. на 1000 населения в 1938 году и 15 чел. на 1000 населения в 2000 году). Изменилась и структура смертности.

Катастрофически вырос уровень смертности от несчастных случаев и травматизма (2,5% в 1938 году, 12,1% в 1939 г., до 37,1% в 1996 году и до 60% случаев в 1997 году), связанного с алкогольным опьянением, принявшим размеры эпидемии [1].

Боль за свой народ выразила Т.А. Молданова: «Человек остался один на один с надвигающейся опасностью, не готовый ни психологически, ни физически противостоять ей. На наш взгляд, именно в этой внутренней растерянности кроется причина тяжелого, депрессивного состояния многих членов этноса, что находит отражение в пьянстве, преступности, самоубийствах. Набор защитных механизмов, переданных предками, оказался явно недостаточным для уберечения от опасностей».

К 80-м годам прошлого столетия в Западной Сибири в условиях масштабного освоения северных территорий сформировались условия для распространения алкогольной зависимости как среди прибывших из разных регионов СССР переселенцев, так и среди коренных жителей. В приведенной таблице (см. табл. 1) публикуются данные,

подвергнутые статистической обработке. Всего же пролеченных в ООО «КОД» более 60 тысяч человек.

Таблица 1.

Количество коренных жителей, пролеченных в ООО «КОД»

Наименование	1987-2013	1999	2000	2010	2011	2012	2013
Пролечено всего	42536	1297	1333	1587	1463	1477	1253
Из них:							
Коренные жители всего	1793	112	81	62	65	48	56
В том числе							
ХМАО	963	62	56	39	19	22	16
ЯНАО	748	47	23	22	46	24	37
Юг Тюменской обл.	28	3	2	1	-	2	3
Томская обл.							

Чтобы справиться с проблемой, было создано большое количество наркологических кабинетов, укреплялась материально-техническая база местных наркодиспансеров, появились новые и уже зарекомендовавшие себя на практике методики лечения зависимостей. К лечению зависимостей, имеющих огромную клиническую вариабельность необходимо подходить также вариабельно, используя самые различные методы. Об этом более 100 лет назад (1906 год), очень аргументировано сказал В.М. Бехтерев на Киевском Съезде отечественных психиатров: «Алкоголики, как больные, должны подлежать индивидуальному лечению всеми признанными современной медициной наиболее пригодными для этого мерами, каковы суть: а) временные убежища для лиц, находящихся в состоянии острого опьянения; б) амбулатории для алкоголиков, могущих пользоваться гипнозом и другими физиотерапевтическими и фармацевтическими средствами; в) лечебницы для стационарных больных» [2] Уже в то время В. М. Бехтерев выступил инициатором создания Экспериментально-клинического института по изучению алкоголизма, в котором предполагалось использовать провозглашенные им подходы в лечении алкогольной зависимости.

«Должно, однако, признать, что и в применении физических способов лечения по отношению к алкоголизму далеко не сказано еще последнего слова. Как ни странным может показаться с самого начала, но представляется действительным фактом то, что физическая и даже лекарственная терапия алкоголизма представляется гораздо менее разработанной, нежели психическая терапия, выступившая на борьбу с алкоголизмом в сравнительно недавнее время» [2]. Великий ученый ясно представлял себе всю многообразную палитру средств в борьбе со «злом, именуемым алкоголизмом», не исключая, а, может быть, даже отдавая приоритет «психическим методам» лечения алкогольной зависимости. В. М. Бехтерев огромное значение в лечении алкоголизма отдавал «психотерапии высшего порядка», когда «должно действовать внушение без усыпления», не исключал великий ученый и применения «гипнотического внушения».

Одна из методик лечения алкогольной зависимости – психострессовая терапия по методу А. Р. Довженко во-первых, абсолютно отвечает концепции «психической терапии» (по В. М. Бехтереву), а во-вторых, органично встроилась в возникшие реалии. В условиях Сибири метод А. Р. Довженко начал применяться с 1987 года в г. Нижневартовске. Сначала был организован хозрасчетный кабинет при городском психоневрологическом диспансере, затем, в силу того, что данная методика не могла быть встроена в общую систему государственной наркологической службы, Эпштейном Ильей Цаликовичем, учеником А. Р. Довженко, было создано предприятие ООО «КОД». За 28 лет накоплен большой опыт работы, пролечено свыше 60 тысяч человек, поступавших на лечение из многих областей и республик нашей страны, даже из других стран: Германии, Канады, Израиля и др. стран дальнего и ближнего зарубежья. В настоящее время сеансы лечебного гипноза проводят врачи: Илья Цаликович Эпштейн – руководитель учреждения, и Михайловский Валерий Леонидович. Сама методика оказалась эффективной в условиях Сибири, но ее преимущество состоит еще и в

том, что больные лечатся амбулаторно, имеют возможность поддерживать связь с врачами с целью закрепления кода, продления, а также получения квалифицированной психотерапевтической, психологической помощи, консультаций. Способствует обратной связи с больными то, что адрес предприятия, оказывающего психотерапевтическую помощь больным с алкогольной зависимостью, остается неизменным уже более двадцати пяти лет, врачи работают на постоянной основе. Их помощь доступна для всех нуждающихся. Преемственность в работе обеспечивается ведением необходимой медицинской документации. Проводится контроль качества путем выборочного контроля амбулаторных карт ежемесячно, с фиксацией в специальном журнале выводов. Ежегодно подводятся итоги работы с выведением качественных и количественных показателей. Но нельзя забывать главного – работу с больным. И здесь хотелось бы возразить тем, кто незаслуженно пытается критиковать метод А. Р. Довженко за «одноразовость», за «скоротечность». Это в корне неверное представление о методике-открытии, временем доказавшей свою состоятельность, эффективность и востребованность. Уже в первое знакомство с врачом, пациенту оказывается помощь в обучении более гибким способам мышления, изменению ситуации к лучшему, а по сути – это есть когнитивно-поведенческая терапия, исповедующая три важных принципа: РАСПОЗНАТЬ ситуации, в которых пациент может употребить алкоголь; по возможности ИЗБЕЖАТЬ попадания в эти ситуации и более эффективно СПРАВИТЬСЯ с проблемами и проблемным поведением, связанным со злоупотреблением алкоголем [3].

С другой стороны, врач уже в первое посещение проводит как бы биопсихосоциальную оценку пациента и с точки зрения перспективности лечения методом Довженко, и с точки зрения показанности такого лечения именно этой методикой.

На лечебный сеанс пациент попадает, будучи подготовленным, нацеленным на лечение, которое избавит его от многих проблем, –

таких как социальная изоляция, отсутствие работы, финансовые проблемы, возникшие проблемы со здоровьем и др. И в дальнейшем пациент имеет возможность получить всю необходимую помощь в нашем медицинском центре в борьбе с кризисами в своей жизни и в приобретении необходимых навыков, которые помогут ему взять верх над всплеском эмоций и удержат его от повторного приема алкоголя.

«Метод А.Р. Довженко, направлен на осознание больным проявления болезни, восстановление нарушенных отношений больного к самому себе и окружающим; изменение мировоззрения, жизненных позиций и установок больного. Возможно, самым главным является снижение и исчезновение тяги к спиртному. Патолофизиологически это объясняется формированием очага возбуждения, возникающего в мозгу больного вследствие мощного, разностороннего психотерапевтического воздействия (кроме собственно эмоционально-стрессового эффекта на больного действуют более 30 психотерапевтических приемов и способов психотерапии, так или иначе включенных в методику А.Р. Довженко). Очаг возбуждения вступает в конкурентные отношения с патологическим влечением к алкоголю и «блокирует» его» [4].

Вызывает уважение доверительное отношение больных – коренных жителей Севера – к лечению, желание лечится именно этим методом.

Понимая, что зависимый человек «обречен» на полную трезвость, мы все же приветствуем лечение коренных жителей на небольшие сроки, особенно в случаях изменения личности, но рекомендуем продление курса, закрепление в случаях возникновения тяги. Необходимо помнить о том, что коренные жители Севера, ставшие на трезвый путь, сталкиваются с большими трудностями в повседневной трезвой жизни: это и косвенное провоцирование со стороны пьющих родственников и соседей, это и прямые провокации, когда бывшие собутыльники предлагают выпить, это и бытовые проблемы, безработица. Коренному жителю некуда «убежать» от такой действительности, потому что часто аборигены живут большими семьями в одном доме,

в одном небольшом селении, на стойбище. Но есть примеры и другого характера, когда пролечившийся человек устанавливает свои правила поведения на стойбище, запрещая гостям привозить спиртное; он становится примером для других пьющих сородичей, которые потом следуют его примеру. Кто-то не выдерживает, «срываясь». Чаще это происходит в стрессовых ситуациях.

Но, даже в случаях рецидива, мы, врачи центра ООО «КОД», стараемся подбодрить больного, указывая на его сильные стороны: «Ты же много раз отказывался от алкоголя, даже в стрессовых ситуациях», «ты смог не пить три года, и многого добился за это время». Вот почему они идут на повторное лечение без чувства ущербности. Такое ступенчатое «кодирование» более приемлемо для коренных жителей, чем опрометчивое взятие на себя обета трезвости на большие сроки или на всю жизнь.

В последние годы мы иногда применяем «индивидуальные сеансы», т.е. индивидуальное лечение без предшествующего сеанса лечебного гипноза. Разумеется, больному подробно объясняем принцип лечения и последствия нарушения кода, подчеркивая доверие врача именно к данному больному («Вам делается исключение из общего правила, потому что мы верим – вы не подведете ни себя, ни нас»). На индивидуальное лечение берутся больные с очень тяжелыми соматическими заболеваниями, когда сеанс лечебного гипноза может быть опасным для здоровья пациента; больные с открытой формой туберкулеза из-за опасности заражения окружающих. Индивидуально мы лечим также больных с вялотекущими эндогенными психическими заболеваниями, олигофренией, но настроенных на трезвость; больных с языковым барьером, когда индивидуальный сеанс проводится с помощью переводчика. В исключительных случаях проводим индивидуальные сеансы больным, приехавшим из отдаленных стойбищ и не имеющим возможности дождаться планового сеанса.

Коренные жители достаточно внушаемы в силу своего

мировоззрения, доверительно относятся к лечащему врачу, выполняют рекомендации, особенно те, которые касаются закрепления и продления кода. Но они требуют особого, индивидуального подхода, терпения. Приведу два клинических случая для иллюстрации сказанного.

Выписка из амбулаторной карты:

Егина Любовь Сидоровна, ханты, 1965 года рождения, замужем, 3 детей, с. Аган, Нижневартовский район, Ханты-Мансийский автономный округ. Работает сторожем.

Лечилась впервые в 1987 году 21 августа на 3 года. Рецидив случился через 1 год и 4 месяца на Новый год.

Взята на повторное лечение 27.04.1998 на 1 год на индивидуальный сеанс. В ремиссии была 2 года.

Поступила на повторное лечение 16.05.2000 года. Возникли проблемы на работе, требуют справку. Лечилась индивидуально на 1 год. В ремиссии была более года.

27.06.2001 года поступила на лечение, прошла лечение на общем сеансе. Требовала, чтобы «закодировали» на 6 месяцев, потом передумала и пролечилась на один год. Рецидив через месяц после лечения. Случившийся «срыв» пояснила тем, что «хотела кодироваться на полгода, а закодировали на 1 год», и от этого у нее «немееет все тело». После снятия кода и индивидуального лечения на 1 год была в ремиссии 3 года.

17.03.2004 года снова прошла индивидуальное лечение на 1 год (боится идти на сеанс – беременность). В ремиссии была больше года.

28.10.2005 года взята на индивидуальное лечение на один год.

3.11.06 г. – в ремиссии 1 год, приехала для продления кода с опозданием. Код продлен на 3 года. Была в ремиссии более 4-х лет.

01.07.2011 г. – прошла лечение на 1 год. 2.10.12г. – в ремиссии 1г. 3 мес., пришла «закрепить» код. Со слов: «дочь посадили», воспитывает внуков. Взята на лечение на 1 год.

26.02.14г. Была в ремиссии более 1 года. Со слов, выпила только один раз и вновь решила лечиться – «внуков нужно воспитывать». Взята на лечение на 1 год. Рекомендовано закрепить код через 6 мес. (Лечение проходила бесплатно)

В данном случае больная обращалась в наш медицинский центр за помощью девять раз. Не всегда лечение оказывалось эффективным (случились два рецидива до снятия кода), но все же за период с 1987 года по настоящее время, а это составляет 27 лет, больная находилась в ремиссии в общей сложности более 10 лет. За это время она родила двоих детей, работает. Больная справлялась с вызовами повседневной жизни в условиях небольшого поселка, где ситуации риска провокаций подстерегают на каждом шагу. К сожалению, ее старшая дочь тоже пристрастилась к спиртному, почему и попала в поле зрения правоохранительных органов и сейчас отбывает наказание в изоляции за допущенное правонарушение. Не исключено, что после отбывания наказания она обратится к нам за медицинской помощью, во всяком случае, такое пожелание высказала ее мать (Егина Л. С).

Чтобы не сложилось впечатление, будто все коренные жители ориентируются сугубо на небольшие сроки трезвости, привожу пример, когда Пяк В.А., проживающий в Тарко-Сале, первоначально лечился на срок 5 лет, затем, после семилетней ремиссии, выбрал срок трезвости на 3 года. Необходимо обратить внимание на то, что Пяк В.А. проживает в Тарко-Сале, что находится в 1000 километрах от Нижневартовска, а вышеупомянутая Егина Л.С. проживает в с. Аган, что в 170 километрах от нашего медицинского центра. Фактор доступности тоже влияет на принятие решения коренными жителями, лечившимися у нас. Пациенты издалека выбирают чаще больший срок трезвости, чем жители близлежащих селений.

Выписка из амбулаторной карты:

Пяк Владимир Альвович, ненец, 1967 г.р., женат, 1 ребенок, рыбак-

охотник, Тарко-Сале, Ямало-Ненецкий автономный округ.

Лечился 27.06.02 г. на 5 лет (бесплатно). Был в ремиссии 7 лет. 27.08.09. взят на индивидуальный сеанс на 3 года (бесплатно). В ремиссии был 4 года. 5.07.13г. лечился (полный сеанс) на 3 года (оплата 50% стоимости). В настоящее время – в ремиссии.

Автором статьи проводились выездные сеансы в отдаленных национальных поселках по просьбе проживающих там больных, (в с. Ларьяк, с. Корлики, с. Саранпауль.) Дело в том, что из дальних сел у малоимущих аборигенов нет возможности добраться до Нижневартовска. Выездные сеансы проводились на безвозмездной основе. В основном они проводились в рамках научно-исследовательских экспедиций под руководством автора статьи. Метод А.Р. Довженко хорош тем, что его применение возможно даже в «полевых» условиях [5].

Хотелось бы остановиться на итогах работы ООО «КОД» за 28 лет деятельности. Прежде всего обращаю внимание на то, что наш медицинский центр по оказанию психотерапевтической помощи людям, попавшим в зависимость от алкоголя, методом психо-стрессовой терапии по А. Р. Довженко работает непрерывно, не меняя своего юридического адреса; работает системно в том плане, что на протяжении всего времени со дня основания ведется вся необходимая документация в рамках требований, предъявляемых к медицинским учреждениям Российской Федерации. Ежегодно подводятся итоги и проводится анализ работы. В таблицах (табл. 2, 3) приведены данные, обработанные с помощью электронного учета (специальной программы). Количество обработанных амбулаторных карт – около 75%, что отвечает репрезентативной выборке.

Как следует из данных, приведенных в таблицах 2 и 3, подавляющее число обратившихся за помощью в наше учреждение – это представители рабочих профессий (около 69,1%). Бросается в глаза то, что хронический алкоголизм поражает самую активную часть населения, это люди от 30 до 50 лет, на этот возраст приходится около 68% всех пролеченных.

Анализ показывает, что среди страдающих алкогольной зависимостью в Западной Сибири 24% – это холостяки, вдовцы, вдовы и разведенные, то есть социально неустроенные люди с психотравмой.

Таблица 2

Распределение больных по возрасту

Пролечено Всего	По полу		По возрасту					
	м	ж	До 20 лет	20-30	31-40	41-50	51-60	Старше 60
Абс. 42586	35341	7245	105	8579	15858	13035	4445	564
Уд.вес. 100%	83%	17%	0,2%	20,2%	37,2%	30,6%	10,4%	1,4%

Таблица 3.

Распределение больных по социальному положению (статусу)

Наименование	Абс. число	Удельный вес
Рабочие	29435	69,1%
Служащие	6978	16,4%
Предприниматели	276	0,6%
Не работающие	4056	9,5%
Пенсионеры	1398	3,3%
Инвалиды	379	0,9%
студенты	64	0,2%
ВСЕГО	42586	

Таблица 4.

Эффективность лечения в ООО «КОД»

(методика психо-стрессовой терапии по А.Р.Довженко)

Наименование	Находились в ремиссии весь срок кода (среди поступивших на повторное лечение)		Снявшие код до рецидива (ремиссия более года)		Снявшие код после рецидива (ремиссии более года)		Рецидивы До 1 года		Эффективность
	Абс.	Уд. вес	Абс.	Уд. вес	Абс.	Уд. вес	Абс.	Уд. вес	
Имеются сведения о пролеченных: 22579	11351	50,2%	3925	17,3%	2107	9,4%	5196	23,1%	76,9%

Необходимо оговориться, что анализировать эффективность лечения зависимостей задача непростая. Ибо возникает в первую очередь вопрос: а что же считать ремиссией? Видимо, один год, как минимальный срок кода можно было бы условно принять за результативную ремиссию. В разговоре с Бернардом Сегалом, доктором философии из Центра изучения алкоголизма штата Аляска на Северном Форуме в 2006 году, я имел возможность обсудить коротко этот вопрос, и он при обсуждении пространно говорил о том, что надеяться на полное излечение наркозависимых и алкогользависимых людей было бы не совсем верно, ибо эти люди обречены на постоянную помощь со стороны врачей, психологов; и об этом должны помнить и врачи и пациенты. Мы пришли к согласию, что годовичная ремиссия – это уже большое дело, и такая ремиссия, конечно же, дает возможность больному обрести чувство собственной значимости, обрести уверенность. Большинство врачей, занимающихся проблемой зависимостей, думают, скорее всего, так же и, наверное, не будут спорить о том, что анализ эффективности лечения всегда будет носить налет некоторой субъективности. Но, даже несмотря на субъективность и отсутствие четких ориентиров, можно смело считать метод психо-стрессовой терапии по А. Р. Довженко достаточно эффективным и действенным – практика применения его в условиях Севера Западной Сибири доказала это.

В заключение хотелось бы выразить недоумение тем, что многие врачи-наркологи «не признают» метод А. Р. Довженко, обвиняя учеников Довженко чуть ли не в шаманизме и оккультизме, не вникая в суть самой методики. И. Ц. Эпштейн, один из учеников А. Р. Довженко поясняет: «При кажущейся простоте метод вобрал в себя многие психотерапевтические методики – это психотерапия и в бодрствующем, и в фазовом, и в стрессовом состояниях; это и индивидуальная, и групповая, и коллективная психотерапия; это и рассудочно-ассоциативная, и активизирующая, и радикально-разрешающая психотерапия; это и активная психотерапия, и пассивная; это малая психотерапия (частичная методика) и большая

(гипноз, радикальная психотерапия). По сути, в своем методе А. Р. Довженко сумел добиться интеграции и диалектического взаимодействия большого количества методов психотерапии» [6].

Необходимо отмежеваться от «кодировщиков», которые заполнили все пространство России от Калининграда до Владивостока. Они наносят непоправимый урон престижу метода, бросают тень на врачей, честно занимающихся важной работой по лечению больных алкоголизмом, по возвращению их к активной полноценной жизни. Возможно, необходимо запатентовать само слово-символ «код»? Но это может сделать только организация, которая приобретет такое право, например, ассоциация учеников А. Р. Довженко. А экспертный совет при такой ассоциации сможет активно выявлять деструктивных «кодировщиков», он же сможет защищать права добросовестных врачей, работающих по методике гениального врача А. Р. Довженко.

Литература

1. Михайловский В. Л. О причинах смертности коренных жителей Нижневартковского района // Северный форум. Ханты-Мансийск, 2006.
2. Бехтерев В.М. Вопросы алкоголизма и меры борьбы с его развитием // Классики русской медицины о действии алкоголя и алкоголизме. Москва, «Медицина», 1988. С.300.
3. Бернард Сегал. Современные тенденции в возникновении и лечении наркологических и психиатрических заболеваний // Северный форум. Ханты-Мансийск, 2006. С. 128.
4. Эпштейн И.Ц. Частица души врача – в каждом больном // Трезвость и культура. – №1-2. – 2010. – С. 27-31.
5. Михайловский В.Л. Великий северный путь. Томск: Печатная мануфактура, 2010, 328 с.
6. Эпштейн И.Ц. Двадцатилетний опыт применения психотерапевтического метода А.Р. Довженко. Нижневартовск, 2007.

Влияние этнической культуры на социально-экономическое развитие Арктики (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа)

В.И. Сморгцова, доктор экономических наук, профессор
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва

Аннотация. В статье раскрывается проблема влияния этнической культуры на социально-экономическое развитие Арктики, проводится анализ взаимного влияния культуры и экономики в ЯНАО, структуры системы управления на федеральном, региональном и муниципальном уровне, предлагаются пути совершенствования управления развитием сферы культуры с учетом региональных и этнических особенностей.

Ключевые слова: система управления, стратегическое планирование, культура коренных народов Севера, Арктика.

В процессе формирования новой системы отношений в социально-трудовой сфере характерной ее особенностью становится социальная ориентированность, востребованность интеллектуальных и нравственных ресурсов. В обществе заметно повышается роль региональных особенностей культуры, местных традиций, усиливается их влияние на стиль мышления и развитие духовных качеств людей, на экономическое поведение работников. За годы реформ коренным народам Арктики удалось сохранить культурные традиции и обычаи, формировавшиеся веками и складывающиеся многими поколениями.

Для арктических регионов России характерно наличие многих конфессий и культур. Этническая культура оказывает все большее влияние на управление развитием региона. В презентациях Чукотского, Ненецкого, Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов на региональных и международных площадках участвуют

национальные ансамбли песни и танцев; элементы этнической культуры присутствуют во многих брендах северных регионов и их компаний. Знаменит своими коллекциями и Окружной музейно-выставочный комплекс им. И. С. Шемановского в Салехарде; работы художников – косторезов Уэленской мастерской из Чукотского автономного округа украшают многие музеи страны и мира.

Как показывает исторический опыт развития, именно традиционная культура в самые трудные времена в судьбе российского Севера оставалась наиболее устойчивой областью. На передачу молодому поколению традиционных знаний, национальных обычаев, культуры ведения традиционного хозяйствования не влияли негативные явления экономической жизни страны.

В этой связи сегодня, в условиях трансформации и модернизации экономики, необходимо с большой продуманностью и бережностью подступать к реформам в системе управления развитием культуры народов Севера, чтобы реализовать ее потенциал в полную силу.

Начиная с 1990-х годов появилось большое число трудов о развитии культуры народов Севера, написанных самими представителями этих народов, что свидетельствует об усилении тенденции к самопознанию культуры. Известные исследователи традиционной культуры и истории Е. Айпин, У.А. Винокурова, Т.В. Волдина [1], Е.И. Ромбандеева [2], А.М. Сязи [3], Г.П. Харючи [4], Н.Н. Ядне [5] и другие направили свои научные исследования и организационные усилия на сохранение традиционного уклада жизни, фольклора, языков северных народов. Многолетние исследования культурного наследия Арктики под руководством известного полярника и ученого П.В. Боярского вносят значительный вклад в укрепление национальной безопасности России в этом регионе.

Система управления развитием сферы культуры в РФ основывается на тесной связи и взаимодействии центральных, региональных и муниципальных органов управления.

Исполнительным органом государственной власти Ямало-Ненецкого автономного округа, осуществляющим функции по выработке государственной политики, правовому регулированию, обеспечению реализации полномочий автономного округа в сфере культуры является Департамент культуры Ямало-Ненецкого автономного округа. На муниципальном уровне соответствующие функции выполняют Управления культуры.

Кроме того, на развитие культуры оказывают также существенное влияние следующие государственные учреждения культуры ЯНАО:

Окружной Дом ремесел,

Культурно-деловой центр,

Окружной центр национальных культур,

Национальная библиотека ЯНАО,

Окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С.Шемановского и др.

При общей численности населения в 541 тыс. человек в автономном округе работает 224 учреждения культуры, в том числе 6 государственных и 218 муниципальных; в том числе 79 библиотек, 81 учреждение культурно-досугового типа, 38 образовательных учреждений культуры и искусства, 19 музеев.

Государственная политика в сфере культуры на территории Ямало-Ненецкого автономного округа реализуется в соответствии с принятой окружной долгосрочной целевой программой «Культура Ямала 2011 – 2015 годы», согласно которой в 2012 году на реализацию мероприятий программы было выделено 1563375,0 тыс. рублей, в том числе по подпрограмме «Развитие культуры, искусства и кинематографии» – 101239,0 тыс. рублей.

Реализация окружной долгосрочной целевой программы позволила улучшить показатели по охвату населения услугами профессионального искусства, услугами культурно-досуговых и музейных учреждений. По данным Ямалстата, около 30% населения автономного округа в 2012 г.

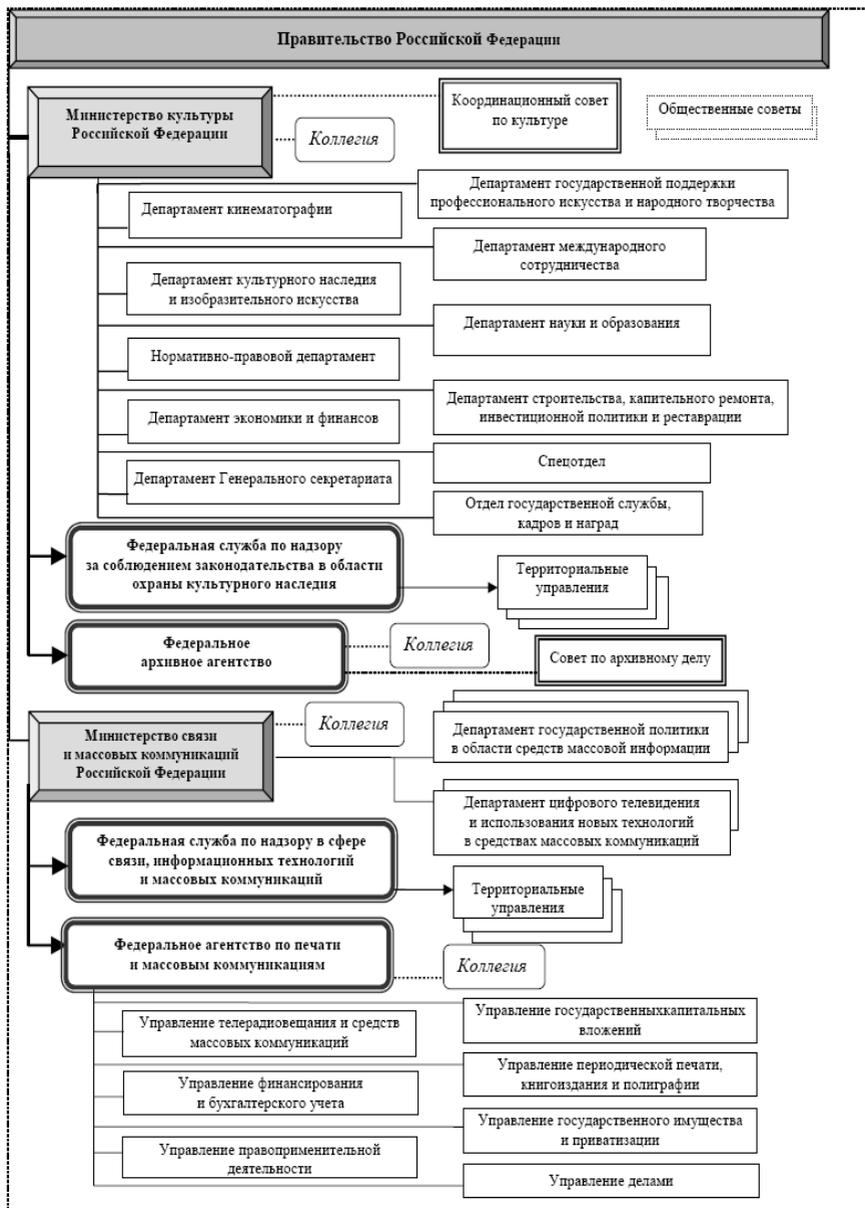

Схема. Структура системы управления развитием культуры

посетили музейные учреждения. В электронный музейный каталог было внесено 205 488 единиц хранения, что составляет 85% от совокупного музейного фонда автономного округа.

В округе уделяется внимание сохранению и развитию библиотечного фонда. Значительно улучшился показатель «Количество экземпляров новых поступлений в библиотечные фонды общедоступных библиотек на 1 тысячу человек населения», который по итогам 2012 года составил 253 экземпляра книг (2011 год – 206 экз.) при нормативе 250 экземпляров. Данный показатель с 2010 года имеет положительную динамику и превышает общероссийский показатель и показатель по субъектам Уральского федерального округа. В библиотеки автономного округа в 2012 году поступило 135 900 экземпляров книг (в 2011 году – 108 238). Доля библиотечного фонда, занесённого в электронный каталог, составила по итогам 2012 года 95 % от общего объёма фонда.

Приоритетными направлениями в рамках Стратегии социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2020 года являются строительство и реконструкция объектов культуры.

В рамках подпрограммы «Строительство объектов культуры на территории Ямало-Ненецкого автономного округа» окружной долгосрочной целевой программы «Культура Ямала (2011 – 2015 годы)» в 2012 году было построено 14 объектов культуры: культурно-спортивные комплексы в Красноселькупском и Шурышкарском районах, Центр национальных культур с музейно-библиотечным комплексом и архивом в с. Яр-Сале, сельские дома культуры в Ямальском и Надымском районах, детские школы искусств в г. Тарко-Сале, г. Губкинском и с. Горки Шурышкарского района, детский парк отдыха и парк Победы в Салехарде и др.

В целях модернизации и развития социальной инфраструктуры осуществляется реализация проектов по созданию на селе мобильных

сельских библиотек и мобильных сельских домов культуры.

В 2012 году была проведена модернизация муниципальных библиотек в Приуральском и Пуровском районах в рамках окружной целевой программы «Сохранение объектов культурного наследия Ямало-Ненецкого автономного округа на 2012 – 2014 годы». На ее реализацию в 2011 году было выделено 7000 тыс. рублей, в 2012 году – 17 260 тыс. рублей.

Год от года увеличивается количество мероприятий по проведению историко-культурной экспертизы, совершенствуются и отрабатываются на практике принципы определения предмета охраны объекта культурного наследия, определения зоны охраны и границы. Во время проведённой в 2012 г. инвентаризации удалось определить состояние и месторасположение 38 памятников истории и культуры.

В рамках программы проделана работа по сохранению уникального объекта культурного наследия «Комплекс городской усадьбы: жилой дом, ворота, амбар (1898 г.)» – памятника архитектуры обдорской застройки конца XIX века. Реконструкция памятника позволила создать для местного населения новые рабочие места и в дальнейшем использовать его в туристических целях в качестве музея старожильческого населения. Ведется работа и по созданию историко-мемориального комплекса «ГУЛАГ 501», что укрепляет туристический потенциал округа.

На социально-экономическое развитие ЯНАО в целом оказывают влияние и другие программы социальной направленности: «Сохранение традиционного образа жизни, культуры и языка коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа на 2012 – 2015 годы», «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту на 2010 – 2014 годы», «Комплексные меры по противодействию экстремизму, гармонизации межэтнических и межкультурных отношений, профилактике проявлений ксенофобии, укреплению толерантности на

территории Ямало-Ненецкого автономного округа на 2011 – 2014 годы».

Проведение различных культурно-массовых мероприятий и конкурсов (межрегиональный конкурс эстрадного творчества «Полярная звезда», конкурс молодых исполнителей «Песня не знает границ» Уральского федерального округа, окружной праздник татарской и башкирской культур «Сабантуй», фестиваль любительских театральных коллективов «Ямальская рампа») направлено на воспитание культуры и чувства уважения к человеку труда.

Статус «Губернаторский» придаёт мероприятиям (фестиваль семейного кино «Мамонтоша») особую привлекательность и социальную значимость.

Большое внимание окружной властью уделяется развитию межрегионального и международного сотрудничества. Музейный фестиваль «Музейный калейдоскоп» способствует укреплению связей с Ненецким автономным округом и Архангельской областью [6]. Регулярно проводятся детские спортивные соревнования по зимним видам спорта с Канадой и Аляской (США).

В рамках окружной долгосрочной целевой программы «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту на 2010 – 2014 годы» реализуется несколько проектов, из которых наиболее значимые: «Мир без одиночества» (ГАУК ЯНАО «Окружной Центр национальных культур»), фестиваль детского кино «Синяя птица» (г. Ноябрьск), проект «Город мастеров» (граффити торцевых стен домов, подъездов, остановочных павильонов, г. Муравленко).

На территории Ямало-Ненецкого автономного округа четыре специализированных учреждения занимаются вопросами возрождения, сохранения и развития народных промыслов: муниципальное учреждение «Городской Центр ремёсел» (г. Ноябрьск), «Районный Дом ремёсел» (с. Красноселькуп), «Дом ремёсел» (с. Толька, Красноселькупский район) и ГБУК ЯНАО «Окружной Дом ремёсел».

В 2012 году численность работников в данных учреждениях, в том числе штатных, составила 95 человек (2011 год – 102 человека), из них 39 человек являются специалистами культурно-досуговой сферы, 42 человека относятся к основному персоналу.

Общее количество мастеров и художников, работающих в области народных художественных промыслов, на территории округа составляет около 850 человек.

Межкультурный диалог, опора на краеведческие знания, поиск новых презентационно-просветительских форм в деятельности учреждений культуры имеют большое значение для формирования гражданского общества. В приобщении к историко-культурному наследию страны формируется основа российского патриотизма, который способствует поддержанию межнационального согласия и сохранению единства в многонациональном российском обществе [6].

В целях информационно-методического обеспечения отрасли информирование специалистов культуры и жителей автономного округа об основных направлениях культурной политики, а также о реализуемых культурных проектах в округе осуществляется через сайт «Культура Ямала» (www.cultura-yamala.ru). В on-line режиме функционируют новостной раздел и интернет-приёмная, организовано три публичных обсуждения проектов законов и культурных инициатив. Кроме того, выпускается сборник информационно-аналитических материалов «Культура Ямала».

В 2012 году, в связи с объявлением Президентом России 2012 года Годом российской истории, один из четырех выпусков сборника был посвящён истории развития культуры в ЯНАО.

Несмотря на то, что за последние годы в ЯНАО много сделано для сохранения и развития культуры, существующая система управления сферой культуры не в полной мере учитывает духовные потребности местного этнического сообщества.

В последние годы в стране происходит ускоренное формирование

многоуровневой системы программно-целевого планирования и управления, которая способствует более прочной и устойчивой взаимосвязи федеральных, региональных и муниципальных программ, их привязке к бюджетам соответствующих уровней. В настоящее время в контексте общей реформы государственного управления один из основных акцентов трансформаций в сфере культуры, как представляется, следует сделать на дальнейшем расширении практики применения и использования стратегического планирования.

Ряд исследователей, и автор с ними солидарен, предлагают стратегическое планирование в сфере культуры проводить на уровне регионов в виде системы взаимосвязанных и взаимодополняющих друг друга плановых документов [7]. Эти стратегические плановые документы следует рассматривать как единую систему взаимосвязанных структурных элементов. Верхний уровень планирования, как представляется, должен основываться на Концепции развития сферы культуры в регионе, которая по своему содержанию является документом, формулирующим приоритетные направления развития и стратегические цели, базовые принципы и реально доступные средства их реализации. В свою очередь, к ключевым инструментам осуществления региональной и муниципальной концепций развития сферы культуры можно отнести целевые отраслевые и территориальные программы. Одним из основополагающих принципов регионального стратегического планирования в сфере культуры рекомендуется сделать совмещение территориальных и отраслевых особенностей.

Стратегическое планирование в сфере культуры позволит задавать перспективные направления развития организаций и учреждений; определять основные виды этнокультурной и просветительской деятельности; увязывать в единую комплексную систему маркетинговую, проектную, сервисную, финансовую составляющие.

В настоящее время особое значение приобретают институты, основанные на неформальных межэтнических отношениях

(традициях, обычаях), которые в существенной мере способны повлиять на укрепление процессов стабилизации в обществе. Развивается диалог между коренными малочисленными народами Севера и представителями крупного бизнеса России при участии органов власти, что позволяет сгладить существующие противоречия и конфликты.

В канадских бизнес-школах преподают предмет «Этика бизнеса», который учитывает многогранность особенностей жизнедеятельности в Арктике. Это способствует у работников лучшему пониманию особенностей традиционного образа жизни коренного населения, выработке чувства уважения к ним, развитию диалога, пониманию потребностей этнических сообществ. Среди российских компаний, ведущих свою деятельность в Арктике, практикуется издание брошюр, отражающих особенности традиционной хозяйственной деятельности коренных народов Севера и уклада жизни на территории присутствия [8; 9]. После проведения в стране ряда реформ становится все более очевидным, что при принятии управленческих решений необходимо учитывать не только природные региональные особенности, но и культуру проживающих здесь этнических сообществ. Чтобы более точно планировать и прогнозировать развитие Арктики, надо хорошо знать прошлое региона с его традиционными ценностями, помнить исторические уроки освоения, изучать национальную культуру проживающих здесь народов, самобытный образ их жизни и традиционные виды деятельности (оленоводство, рыболовство, охота и др.) как основу самой жизни, адаптированной к экстремально жестким природным условиям.

Литература

1. Волдина Т.В. Библиографический указатель по фольклору хантов:1880-1999 гг. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 128 с.
2. Ромбандеева Е.И. История создания научного центра по

- изучению обско-угорских языков и культуры в Ханты-Мансийске / Этнокультурное и социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера: материалы международной научной конференции. Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2013. С. 6-10.
3. Сязи А.М. Орнамент и вещь в культуре хантов Нижнего Приобья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 248 с.
  4. Харючи Г.П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса (вторая половина XX века). Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2001. 228с.
  5. Ядне Н.Н. Я родом из тундры. Кн. 2. М.: ППО «Известия», 1999. 152 с.
  6. <http://cultura-yamala.ru>
  7. Пакулина И.С. Стратегия государственного регулирования развития сферы социальных услуг // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Вып. 1. Ч. I. Тула: Изд-во ТулГУ, 2012. С. 325-335.
  8. Сморгочкова В.И. Перспективы развития традиционной хозяйственной деятельности коренных народов Севера: опыт Ямала / Этнокультурное и социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера: материалы международной научной конференции. Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г.Ханты-Мансийск», 2013. С. 371-379.
  9. Кугаевский А.Н., Сморгочкова В.И. Арктика – территория инновационного поиска. М.: РАГС, 2011. 130 с.

**Особенности социальной самоорганизации коренных
малочисленных народов Дальнего Востока**

З.И. Сидоркина, кандидат географических наук

Тихоокеанского института географии ДВО РАН, Владивосток

Аннотация. Проанализированы изменения социально-демографической ситуации в районах проживания коренного населения при переходе к рынку. Рассматривается возможность перехода к управляемой этнической самоорганизации как способу оздоровления жизнедеятельности малых этносов.

Ключевые слова: демографическая ситуация, коренные малочисленные народы, адаптация, собственность на землю, этническая социальная самоорганизация

Имеющиеся многочисленные исследования по арктическим и субарктическим территориям и населяющим их народам показывают, что актуальность проведения подобных исследований не ослабевает. С точки зрения долговременных тенденций можно предполагать, что одним из важнейших факторов, определяющих расстановку и взаимодействие различных сил в XXI в., будет нарастание геоэкономических противоречий в Арктике, связанное с ее ресурсным потенциалом [1]. На Российском Севере сконцентрирована значительная часть общероссийских и общемировых запасов минерального и углеводородного сырья, рыбных, лесных ресурсов.

Кроме того, широкий общественный интерес к аборигенной северной культуре как природно-историческому и социальному явлению связан с новым уровнем экологического мышления, на котором ведутся поиски наиболее приемлемых форм и путей дальнейшего человеческого развития. Население северных территорий обладает большим историческим опытом успешной адаптации,

в том числе в условиях быстрых и глубоких перемен, подобных происходящим сегодня. Адаптивность северных культур основана на свойстве реагировать на резкие изменения экосистем и даже извлекать выгоды из биофизических и социальных сдвигов для улучшения своего состояния.

В настоящее время в Российской Арктике проживает немногим более 2 млн. человек. Известно, что население зарубежного Севера неуклонно растет, а у нас оно сократилось почти на 1,5 млн. человек. В 2002 г. численность коренных малочисленных народов составляла 210 тыс. чел., из них на Дальнем Востоке – 99,4 тыс. чел. По данным ВПН 2010 г. их насчитывалось 258 тыс. чел., на Дальнем Востоке проживает около 105 тыс. чел. Рост составил 105,4 %, а по отдельным территориям, например, в Магаданской области – 2,2%, Республике Саха (Якутии) – 21,5 %, Чукотском автономном округе – 0,6%.

Жизнедеятельность и развитие коренных народов Сибири и Дальнего Востока всегда зависела от целенаправленной политики государства, начиная от политики невмешательства, попыток их интеграции в общегосударственную систему и заканчивая полным патернализмом. Колоссальное администрирование заложило и многолетнее высокомерное отношение к аборигенному населению в официальной политике и научных исследованиях. К настоящему времени становится очевидной ошибочность мнения, что эти народы развиваются замедленно, потеряли внутренние факторы саморазвития. Уклад их жизни, сформировавшийся в определенных природно-климатических условиях, степень занятости традиционными занятиями изменяются медленнее, чем экономические условия.

Основа жизни этих народов, определяющая их этническое и духовное развитие, оставаясь традиционной в системе форм хозяйственной жизнедеятельности (оленоводство, охота, рыболовство и собирательство), претерпела качественные изменения. Способность северных народов использовать преимущества, предоставляемые

современными практиками и технологиями (снегоходы, вертолеты, Интернет), должна восприниматься как признак жизнеспособности, а не упадка их культуры.

Воспроизводство малых этнических групп отличается от общепринятых стандартов, национальными традициями, уровнем личного и общественного сознания, социальными установками, возникающими под влиянием политических и экономических преобразований. Среди существенных отличий следует отметить увеличение прироста аборигенного населения за счет восстановления своей этничности. Например, в Республике Саха (Якутии) часть лиц, ранее считавших себя якутами (саха), восстановили свою этническую принадлежность и стали долганями [4]. В смешанных браках предпочтение тоже отдается в пользу принадлежности к этническому меньшинству, удельный вес метисных детей составляет от 50 до 80 %. У титульного населения Республики Саха (Якутии) – саха – на смешанные браки приходится детей в 5–6 раз меньше, чем у малочисленных этносов.

В естественном воспроизводстве складываются заметные отличия. Рождаемость среди аборигенных этносов наполовину выше средних показателей по субъектам Федерации. В 1990-е гг. наиболее высокий прирост рождаемости отмечен у эвенов – на 50,4 %, юкагиров – 32,5 %, чукчей – 25,4 %. Превышение рождаемости у коренных жителей по сравнению с приезжими установилось в 2000-е годы. Как следствие, коэффициент воспроизводства коренного населения по автономным округам приблизился к 3,0 на 1000 женщин фертильного возраста.

Однако показатели смертности по национальным территориям остаются существенно выше средних значений. Смертность у аборигенов на 15-20 %, а младенческая смертность – в 2-3 раза выше, чем у остального населения. Для коренных жителей средняя продолжительность жизни снизилась до 44,7 лет у мужчин и 55,6 лет у женщин. Малочисленные народы севера, обладая генетической

адаптацией к условиям окружающей среды, оказались менее приспособленными к отрицательным искусственным воздействиям социально-экономических факторов, оказывающих влияние на эмоционально-психологическую сферу; появлению и скоротечному развитию различного рода заболеваний, приводящих к смерти.

Экономика районов проживания коренных этносов при диверсификации северного хозяйства осталась моноструктурной. Тяжким бременем для малочисленных этносов стала безработица. По оценкам специалистов, люди годами не имеют никакого заработка и не получают государственных пособий. Доля таких людей доходит до 80 % трудоспособного населения [4]. Происходившее в последние годы снижение уровня жизни на Севере было более интенсивным, чем в стране в целом (за исключением Ханты-Мансийского автономного округа). Доля бедного населения здесь примерно на 20 % выше, чем в среднем по России. В большинстве северных регионов почти у 2/3 хозяйств из-за низкой зарплаты доходы ниже прожиточного минимума. Народы Севера России оказались самой уязвимой частью населения: остались без государственной поддержки, не имеют возможности интегрироваться в экономическую систему со своим традиционным хозяйством.

Сравнительный анализ политики России, США, Канады и стран Скандинавии по заселению Севера и освоению его ресурсов показал, что на определенном этапе такая политика повсеместно приводила к доминированию властей в вопросах использования ресурсов северных территорий. Коренные жители лишались самоуправления, теряли доступ к земле и ресурсам, не могли достигнуть равенства с некоренным населением по вкладу в экономику и по уровню благосостояния. Системным результатом такой политики стали острые социальные проблемы коренных народов Севера: потеря ценностных ориентиров, чувство безнадежности и бессмысленности жизни, алкоголизм, суициды, экономическая и социальная апатия.

В настоящее время наиболее эффективные модели позиционирования северных меньшинств на Аляске, в Гренландии, Лапландии основаны на структурировании региональной идентичности, сочетающей ценности северных меньшинств и пришлого населения. На зарубежном Севере повсеместно, наряду с финансовой, земельная политика стала важнейшим конкретным инструментом, обеспечивающим преодоление былой жесткой зависимости северной периферии от центра-метрополии [1]. Ярким примером прекрасного решения проблем национальных меньшинств является аландская модель шведского этноса в Финляндии. На Аландских островах вся земельная собственность переходит по наследству, и каждый аландец уже с рождения является крупным землевладельцем. Жители островов убеждены, что сохранение земель в руках коренных жителей – непрменный залог их экономического успеха. По уровню жизни Аландские острова оставили далеко позади многие страны ЕС [2].

В XXI в возможности коренных народов Севера значительно увеличиваются с использованием механизмов территориальной социальной самоорганизации. Первоначально эволюционное развитие этносов по количеству и характеру потребления ресурсов происходило при минимальном влиянии на эти процессы внешних антропогенных факторов, приближалось к состоянию динамического равновесия с окружающей природной средой. Имела место свободная самоорганизация этнических сообществ, определяемая их территориальной автономией от индустриально развитых районов. Аборигены жили в условиях системы самоограничений, которые не допускали перехода пределов воздействия на природную среду. В системе «этнос–ландшафт» коренным народам Севера обратные связи без промедления указывали на недопустимый характер воздействия. Существование коренных народов поддерживалось эволюционно сформированной системой природопользования, которая позволяла им неопределенно долго существовать, не нарушая целостности

природных экосистем.

В индустриальный период развитие происходило в условиях ограниченной самоорганизации, под сильным воздействием государственной власти. Для индустриальной системы хозяйствования обратные связи часто становились отсроченными, когда система не имела индикаторов предела допустимого воздействия [5]. Большинство народов находилось в состоянии, когда потеря адаптивных навыков грозила деградацией и вырождением, утратой целостности.

В настоящее время наблюдается активизация процессов самоорганизации в этносоциальной сфере северных территорий. Это проявляется в спонтанном возрождении традиционной культуры и системы природопользования, традиций территориального самоуправления. С точки зрения социальной самоорганизации это оценивается как процесс налаживания нарушенных взаимосвязей в системе «этнос-ландшафт», что соответствует принципу «разумной достаточности», обеспечивает их уверенность в собственном будущем и будущем их детей. Залогом целенаправленного развития социальной самоорганизации северных этносов, способным повлиять позитивно, является собственность на землю. Регулирование земельных отношений является главным аттрактором в социальной самоорганизации населения при высокой неопределенности прав собственности на богатства территории [6]. Используя сложившуюся мировую практику, в сферу национальных интересов аборигенов должна войти собственность на земли различных видов назначения, включая лес и все его ресурсы, недра. Размеры национальных территорий определяются по-разному – от 100-250 до 750-500 кв. км. на 1 чел. [3, 7]. Предоставление земли в собственность в пределах 200-400 кв. км на одного человека становится необходимым условием активизации жизни на российском Севере, причем с условием ее наследования.

Право собственности государства на нетрадиционные природные

ресурсы (недра) должно ограничиваться и сопровождаться согласием жителей района на такие действия и солидными компенсациями. На территориях, где промышленное развитие только начинается, принципиальное значение приобретает сотрудничество коренных этносов с промышленными корпорациями и государством для создания и развития собственных предприятий. Эти взаимоотношения государства и аборигенного населения сводятся к следующему:

1. Состояние общественного развития аборигенных народов оценивается как остро неудовлетворительное и требует со стороны государства специальных мер по жизнеобеспечению, сохранению среды обитания, помощи в переходе к более передовым типам хозяйствования.

2. Закрепление в собственность земель приведет в условиях социальной самоорганизации к активизации деятельности не только коренного, но пришлого населения.

Исследования проблем коренных народов севера показывают, что при планировании промышленных проектов на Российском Севере целесообразно использовать лучшие зарубежные модели отношений с коренными народами.

Литература

1. Пилясов А.Н., Голдсмит С., Кнапп Г., Кресдж Д., Ядрышников Г.Н. Северная экономика и радикальная реформа (американский опыт и российские реалии). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996. 180 с.
2. Север: арктический вектор социально-экологических исследований / науч. рук. акад. А. Г. Гранберг; отв. ред. В. Н. Лаженцев. Сыктывкар, 2008. 408 с.
3. Быстрицкий С.П., Заусаев В.К., Хорошавин А.В. Дальний Восток России: становление новой экономики. Хабаровск: Изд-во ДВГАС, 2008. 346 с.

4. Игнатьева В.Б., Абрамова С.В., Павлов А.А. и др. Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия): Потенциал, тенденции, перспективы / отв. ред. В. Н. Иванов. Новосибирск: Наука, 2000. 277 с.
5. Черникова С.А. Некоторые проблемы развития северных территорий: синергетический подход // Самоорганизация и организация власти: материалы 4 Всероссийского постоянно действующего науч. семинара «Самоорганизация устойчивых целостностей в природе и обществе». Томск: Спектр: ИОА СО РАН, 2000. С. 198-199.
6. Сандарчук М. В. Самоорганизация в динамическом хаосе социальных процессов // Самоорганизация и организация власти: материалы 4 Всероссийского постоянно действующего науч. семинара «Самоорганизация устойчивых целостностей в природе и обществе». Томск: Спектр: ИОА СО РАН, 2000. С. 57–65.
7. Бочарников В.Н. Биоразнообразие: оценка и сохранение на основе технологий ГИС. Владивосток: Дальнаука, 2003. 102 с.

**Проблемы предпринимательства и пути их решения
(по результатам соцопроса в городе Березники Пермского края)**

В.В. Шилов, кандидат исторических наук

Л.Н. Веденева, кандидат химических наук, доцент

А.В. Мирошникова

А.С. Турубарина

*Березниковский филиал Пермского национального исследовательского
политехнического университета, Березники*

Аннотация. Развитие малого предпринимательства в регионе выступает важнейшим инструментом стимулирования конкурентных отношений, занятости населения, повышения уровня и качества жизни в хозяйствующем субъекте. В статье приводятся результаты социологического опроса представителей малого и среднего бизнеса, на основе которых авторами представлены рекомендации для местных и региональных властей, которые должны способствовать организации собственного бизнеса и успешного его функционирования на их территории.

Ключевые слова: малые предприятия, организация собственного бизнеса, занятость населения, бюрократические барьеры, стимулы для предпринимательства.

Стремление властей активно развивать постиндустриальную модель российской государственности (вступление в ВТО, создание Евразийского союза) можно только приветствовать, но без роста благосостояния населения, повышения покупательной способности жителей региона вряд ли выбранный курс будет успешно реализован.

В свою очередь, уровень и качество жизни населения во многом зависит от развития малого предпринимательства в государстве, в конкретных регионах как инструмента стимулирования конкурентных

отношений.

На это не раз обращали внимание российские и зарубежные исследователи, эксперты: А.Б. Кулешова [1, 15], В. Попков, Д. Берг, М. Капралов [2], К.Р. Макконнелл, С.Л. Брю [3, 35], Б. Гейтс [4, 68].

Объективности ради отметим, что об этом часто говорится и с самых высоких трибун в РФ, создаются конкретные нормативно-правовые «стимулы» на всех уровнях государственной власти. Приведём примеры:

1. ФЗ от 24 июля 2007 года № 209 «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ» [5]:

- описывает основные критерии малого и среднего предпринимательства (ст. 4 (количество человек, выручка за период);
- регламентирует деятельность региональных целевых программ развития бизнеса и разграничивает полномочия;
- устанавливает основные цели и принципы поддержки бизнеса (прежде всего стремление к увеличению налоговых поступлений).

2. «Краевая целевая программа развития малого и среднего предпринимательства в Пермском крае» [6]:

- основными целями программы наряду с увеличением доли налоговых поступлений, являются: трудозанятость населения, рост благосостояния, продвижение местных производителей.

3. На местном уровне (г. Березники, Пермский край): Постановление главы города Березники от 15.05.2009 № 759 «Об утверждении городской целевой программы «Развитие малого и среднего предпринимательства в городе Березники» [7]:

- способствует увеличению предпринимательской активности населения,
- поддерживает деятельность малых предприятий (регламентирована постановлениями администрации города принятых, как правило, вследствие реализаций краевых целевых программ).

Рассматривая программы поддержки предпринимателей региональных и местных властей [8], первоначально проведём статистические данные и анализ сложившегося положения в объекте нашего исследования – Пермском крае.

Количество зарегистрированных субъектов малого и среднего бизнеса в Пермском крае в 2011 году достигло 132,2 тысячи, увеличившись в сравнении с 2010 годом на четыре процента, и составило 137 280 (2,98% от количества по России – 4,6 млн.), предполагалось к 2014 году увеличить численный показатель малых предприятий о 144 тысяч (2,99% от общероссийского).

Благодаря созданию новых экономических агентов создано 12200 рабочих мест в 2011 году, что соразмерно росту на 35% по отношению к 2010 году (9000 трудоустроенных).

Данная статистика свидетельствовала о росте общего количества малых предприятия, что связано, прежде всего, с эффективной реализацией краевых целевых программ на местах, а показатель прогнозного периода свидетельствует о намерении увеличения общего числа агентов малого бизнеса на рынке региона на 4,9%, что реализуемо в случае дальнейшей продуктивной работы муниципальных образований в сфере информационной пропаганды «открытия собственного дела».

Приведённые данные наглядно иллюстрируют процесс увеличения численного показателя малых предприятий в 2011 году на 35% по сравнению с 2010 годом, что связано с процессами нормализации экономики после кризисных явлений 2008-2010 годов, а так же с реализацией эффективной маркетинговой стратегии региональных брендов (например: «покупай пермское»). К сожалению, непродуманное повышение налога на уровне РФ привело к значительному снижению количества предпринимателей в 2013 г., но признание властью ошибки в этом вопросе позволяет надеяться на рост предприятий малого и среднего бизнеса уже в 2014 году.

Обратимся вновь к исследуемому региону – Пермскому краю.

Проанализировав работу, социальную значимость краевых целевых программ, необходимо более детально рассмотреть организационную работу муниципалитетов в сфере поддержки малого предпринимательства, а так же осветить основные проблемные аспекты деятельности и предложить рекомендации по ее модернизации, целесообразно сделать это на примере конкретного хозяйствующего субъекта.

В г. Березники Пермского края реализуется несколько программ поддержки малого предпринимательства (численность населения Березников по последней переписи в РФ 2010 года составила 156 340 человек), но тем не менее проведенный нами опрос представителей малого бизнеса в г. Березники (76 опрошенных экспертов) в конце 2013 года показал, что существует ряд проблем, с которыми постоянно сталкиваются представители бизнеса. Так, основными проблемами в процессе осуществления деятельности, по мнению респондентов, являются:

1. Недостаточное количество арендных площадей, (77% опрошенных) и, вместе с тем, получение здания в оперативное управление связано с предоставлением документов в муниципалитет, необходимостью выделения времени (играет значение фактор упущенной выгоды: сбор документов требует вложения дополнительных финансов), а так же необходимостью выиграть конкурс.

2. Чрезмерный бюрократизм чиновничьего аппарата (54% опрошенных) на создание малого предприятия может быть затрачено более трёх месяцев

3. Дороговизна маркетинга (51% респондентов). Например, рекламные услуги в г. Березники представлены в изобилии, но их эффективность достаточно низка, поскольку лишь малое количество агентств предлагают действительно эффективную стратегию развития малого предприятия не только через традиционные средства рекламы, но и через Интернет.

4. Недостаточное консультирование по вопросам открытия

собственного дела (36% опрошенных). Основная причина состоит в том, что фактически данная услуга предоставляется Центром занятости населения (ЦЗН) только безработным гражданам, хотя «малыми предпринимателями» потенциально имеют возможность стать все жители города трудоспособного возраста.

Рассматривая основные проблемы жизнедеятельности малого предпринимательства, повышения эффективности данного сегмента экономики в г. Березники, представим ряд рекомендаций, которые должны способствовать нормализации и эффективности деятельности субъектов малого и среднего бизнеса, а так же увеличению общей численности «среднего класса»:

– необходимо упростить систему получения помещения в аренду или оперативное управление (особенно по приоритетным направлениям деятельности);

– действенным фактором, способствующим развитию предпринимательства, будет создание единого справочного окна;

– целесообразно действенным образом координировать деятельность управляющих органов для более слаженной работоспособности (зачастую проверки государственных органов дублируют друг друга, а малый предприниматель в это время «упускает возможность заработать»);

– важнейшим инструментом нормализации осуществления деятельности предпринимателя должна стать борьба с коррупцией (проверки в современных условиях могут служить фактором не эластичной конкуренций);

– необходимо создать государственную организацию осуществляющую маркетинг в Интернете, что будет способствовать привлечению дополнительных денежных средств в бюджет, а также позволит поддерживать высокое качество предоставляемой услуги.

– целесообразно открытие частных консультационных агентств по открытию собственного дела.

Подводя итог эффективности законодательной политики государства в сфере развития малого предпринимательства, необходимо отметить, что в совокупности факторов реализация потребности по открытию собственного дела в РФ в целом, или в субъекте федераций в частности осуществима, однако ряд злободневных проблем так и остаётся нерешёнными. В числе таких нерешённых проблем следует особо выделить:

а) бюрократизм чиновничества (в Испании открытие собственного дела занимает 24 часа);

б) недостаток арендных площадей (и их дороговизна) ставят предпринимателя в условия жесткой конкурентной борьбы, а зачастую и перед выбором нарушить закон или закрыть собственное дело.

Литература

1. Кулешова А.Б. Конкуренция в вопросах и ответах: учеб. пособие. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2010. 256 с.
2. Попков В., Берг Д., Капралов М. Количественная классификация конкурентных стратегий поведения российских банков [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bogdinst.ru/HTML/Researches/Economy/Grant2001/Grant2001.htm>.
3. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономика: принципы, проблемы и политика: пер. с англ. изд. М.: ИНФРА-М, 2009. XXXVI. 972 с.
4. Гейтс Б. Бизнес со скоростью мысли: пер. с англ. –2-е изд., испр. М.: ЭКСМО-Пресс, 2008. 480 с.
5. «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ»: ФЗ от 24 июля 2007 года № 209.
6. МСП Банк «Антикризисная поддержка» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mspbank.ru> (дата обращения: 12.12.2013).
7. РИА новости [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru> (дата обращения: 25.12.2013).
8. Фонд поддержки малого бизнеса [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nanocorp.info> (дата обращения: 21.12.2013).

**О создании в образовательных учреждениях
условий для изучения родных языков народов Севера
(на материалах Ханты-Мансийского автономного округа – Югры)**

И.Б. Лисютина, кандидат педагогических наук

Департамент образования и молодежной политики

Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Ханты-Мансийск

Родной язык – основной признак принадлежности к соответствующей этнической группе. Для формирования национальной идентичности необходимо сформировать у каждого индивида стремление к действенности, при освоении родного языка.

Ханты-Мансийский автономный округ – Югра – один из самых крупных этнокультурных субъектов в составе Российской Федерации, где проживают более ста народов и народностей. В округе создаются условия, позволяющие коренным малочисленным народам Югры изучать родной язык, развивать свою национальную культуру, сохранять и приумножать традиции своих предков. Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 01.07.2013 № 68-ОЗ «Об образовании в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» предусматривает создание в государственных и муниципальных образовательных организациях автономного округа условий для изучения родных языков, литературы и культуры народов ханты, манси и ненцев, а также иных предметов этнокультурной направленности.

Основные мероприятия по созданию таких условий, их финансовое обеспечение заложены в государственных программах автономного округа:

«Развитие образования в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре на 2014-2020 годы»;

«Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на

2014-2020 годы».

Количество детей из числа коренных малочисленных народов Севера в Югре возрастает. В 2013-2014 гг. в 270 детских садах и 277 школах получают общее образование более 7 896 (2012 год – 7 696).

Наибольшее количество школьников обучаются:

- в Березовском районе – 1 506 человек в 39 образовательных учреждениях;
- в г. Ханты-Мансийск – 1 139 детей в 29 образовательных учреждениях;
- в Кондинском районе – 895 детей в 33 образовательных учреждениях;
- в Нижневартовском районе – 726 детей в 34 образовательных учреждениях;
- в Белоярском районе – 694 ребенка в 21 образовательном учреждении;
- в Сургутском районе – 691 ребенок в 33 образовательных учреждениях.

Среди детей из числа коренных малочисленных народов Севера (КМНС), получающих общее образование, преобладают ханты (64%). По сравнению с 2012 годом численность обучающихся ханты возросла на 8%; доля манси – на 32%, а их численность, напротив, снизилась на 8%, ненцы составляют 4%, также отмечено некоторое снижение их численности (на 2%).

Право на родной язык коренных малочисленных народов Севера – неотъемлемое право этих народов, гарантированное международным, федеральным и региональным законодательством. Сохранение и развитие национальных языков КМНС во всех сферах жизни Севера имеет огромное значение.

Народы с дисперсным проживанием наиболее подвержены языковому подавлению со стороны доминирующей культуры. В связи с сокращением территории и частоты использования в повседневной

жизни родного языка КМНС снижается запрос родителей на изучение родных языков детьми в образовательных учреждениях. В 2013-2014 гг. численность детей, изучающих родной язык как учебный предмет в школе, составила 1 466 чел. (2012 год – 1 542).

Основные образовательные программы образовательных учреждений предусматривают изучение родных языков через вариативную часть, формируемую участниками учебного процесса (учащимися, родителями и педагогами) в формах:

- учебных предметов;
- факультативов и объединений в системе дополнительного образования - 228 человек;
- внеурочной деятельности.

По состоянию на 2013-2014 учебный год в школах Ханты-Мансийского автономного округа – Югры изучают в качестве родных языков (как учебный предмет и факультативно) 1 694 обучающихся:

- хантыйский язык на казымском, сургутском, ваховском, средне-обском диалектах – 1 138 обучающихся, 32% обучающихся из числа ханты в 20 школах (2012 год – 1 000);

- мансийский язык – 436 обучающихся, 24% обучающихся из числа манси в 8 школах (2012 год – 423);

- ненецкий язык – 64 обучающихся, 28% обучающихся из числа ненцев в 1 школе (2012 год – 44);

- коми – 56 обучающихся в 1 школе (2012 год – 75).

Обучение родным языкам организовано в 28 общеобразовательных учреждениях 8 муниципальных районов автономного округа, являющихся местами традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности КМНС. В 2 школах изучается по 2 родных языка:

- «Варьеганская СОШ» Нижневартовского района (ненецкий и хантыйский);

- «Саранпаульская СОШ» Березовского района (мансийский и коми).

С целью обеспечения права на сохранение родного языка в муниципальных образованиях проводится анкетирование среди детей и родителей из числа КМНС по выявлению потребности в изучении родного языка.

В связи с этим в учреждениях дополнительного образования детей создаются творческие объединения, программы которых предусматривают изучение родных языков КМНС. В таких кружках (объединениях) могут заниматься все желающие поселка, города. Такая возможность обеспечивается детям:

- поселка Игрим Березовского района;
- городов Ханты-Мансийска и Лангепаса.

В программы 8 дошкольных образовательных учреждений Белоярского, Березовского и Нижневартовского районов включено изучение родных языков. Всего в детских садах имеют возможность изучать родной язык 244 воспитанника из числа коренных малочисленных народов Севера (11%).

Этнокультурные особенности и традиции КМНС транслируются через учебные предметы этнокультурной направленности. Так, родную литературу изучают 305 (13%) воспитанников в 12 детских садах и 741 ученик в 15 школах (13%).

Помимо предметов этнокультурной направленности в школах реализуются дополнительные образовательные программы, такие как бисероплетение, «Мой край», «Окружающий мир», «Технология», экологический курс «Мы – дети природы», «Природная мастерская», «Сорни ясанг», рыболовство, охотоведение, народные традиционные промыслы.

При этом, с целью знакомства с обычаями и традициями коренных жителей Севера, обучения традиционным видам их деятельности, используются пришкольные музеи, промысловые базы школ автономного округа.

Методологическая основа федерального государственного

образовательного стандарта позволяет конструировать новые учебные предметы и курсы, проекты, направленные на участие школьников в деятельности по сохранению традиционной культуры.

С целью разработки моделей этноберегающего образования для детей КМНС осуществляется поддержка и развитие опытно-экспериментальной и инновационной деятельности образовательных учреждений:

– в 5 дошкольных образовательных учреждениях (Березовский и Белоярский районы) реализующих инновационный проект «Языковое гнездо». Цель проекта – формирование синхронного детского двуязычия в условиях максимально раннего включения в процесс освоения родного языка. С этой целью воспитательно-образовательный процесс ведется на хантыйском и мансийском языках;

– в 5 общеобразовательных учреждениях (Белоярский, Нижневартовский, Кондинский районы), реализующих опытно-экспериментальные проекты социально-профессионального самоопределения КМНС.

С целью распространения инновационного опыта этноберегающего образования для детей КМНС 4 муниципальные образовательные организации (Сургутский, Октябрьский районы, г. Ханты-Мансийск) перешли в разряд стажировочных площадок.

С целью стимулирования обучающихся к освоению родного языка, традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера в округе проводится региональная олимпиада школьников по родным языкам и культуре КМНС.

В текущем учебном году 270 обучающихся приняли участие в олимпиаде на уровне школы, около 100 человек стали участниками муниципального этапа. В региональном этапе олимпиады приняли участие 17 школьников (2013 год – 6) из 6 муниципальных образований автономного округа (Кондинский, Нижневартовский, Белоярский, Октябрьский, Березовский, Сургутский районы) 9 школ (2013 год – 4).

Конкурсы для детей школьного возраста – «Лучший переводчик», «Сохраним язык в семье»; исследовательские работы по истории родного края – «Живые страницы истории», «Угорское наследие», конкурсы детского творчества – «Мой мир: семья, Югра и Я» и др..

Система конкурсов и олимпиад для учащихся ежегодно охватывает свыше 600 обучающихся из числа КМНС.

Основным звеном в системе этнокультурного образования является педагог. Всего педагогических работников, использующих родные языки КМНС в образовательной деятельности, – 62 человека. Многие педагогические работники из числа КМНС имеют среднее профессиональное образование.

С целью обеспечения готовности педагогических работников к осуществлению образовательной деятельности с учетом этнокультурной составляющей организованы:

– курсовая подготовка учителей родных языков и литературы, учителей-предметников, педагогов дополнительного образования детей, воспитателей дошкольных образовательных организаций с этнокультурной составляющей содержания образования. В период с 2011 по 2013 гг. обучение по образовательным программам (модулям) прошли 889 человек;

– конкурсы профессионального мастерства. В рамках конкурса «Педагог года Югры» ежегодно определяется лучший учитель родного языка и литературы. В период 2011-2013 гг. в конкурсе приняли участие 16 учителей родного языка и литературы;

– «Лучший урок родного языка, литературы и культуры коренных народов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры с использованием информационно-коммуникационных технологий», «Лучшее учебно-методическое пособие по родному языку коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры».

Кроме этого, ежегодно педагоги становятся участниками

региональных и межрегиональных конференций по проблемам сохранения языка и традиционной культуры финно-угорских народов.

Для обеспечения качественного образования на родном языке необходимо обеспечить образовательные организации, руководящих и педагогических работников, инструментарий для использования в образовательном процессе.

Научно-методическое обеспечение школ с этнокультурной составляющей содержания образования в округе осуществляют:

– бюджетное учреждение Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок» (в части проведения научных исследований в области сохранения и развития языков коренных малочисленных народов Севера; разработки научно-образовательных программ и проектов);

– организации высшего образования автономного округа: ГОУ ВПО «Сургутский государственный университет Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» и ГОУ ВПО «Сургутский государственный педагогический университет»;

– федеральные образовательные организации высшего образования: ФГОУ ВПО «Нижевартовский государственный университет» и ФГОУ ВПО «Югорский государственный университет». С сентября 2013 года в Югорском государственном университете создано структурное подразделение - институт народов Севера;

АУ ДПО ХМАО – Югры «Институт развития образования» (в части повышения квалификации педагогических работников в сфере этнообразования).

В округе осуществляется разработка и издание учебно-методических комплексов, необходимых для обеспечения получения основного общего и среднего общего образования на родном языке обучающимися из числа коренных малочисленных народов Севера.

За период 2011-2013 гг. разработаны и изданы на национальных языках коренных малочисленных народов Севера 9 изданий, учебно-

методической литературы – 27 изданий.

В настоящее время, требования федерального законодательства в отношении печатных образовательных ресурсов изменились. С 2013 года в школах не предусматривается использование учебников и учебных пособий, если они:

- не входят в федеральный перечень учебников, рекомендуемых к использованию при реализации образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования;
- выпущены организациями, не входящими в перечень осуществляющих выпуск учебных пособий.

На сегодняшний день ни один из имеющихся учебников по родным языкам не отвечает современным требованиям. В связи с чем приказом Департамента образования и молодежной политики Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 07.03.2014 № 242 утвержден план мероприятий по разработке, изданию и включению в федеральный перечень учебников, рекомендуемых к использованию в школах, учебников по родным языкам Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Разработка учебников по родным языкам осложняется отсутствием единых правил графики и орфографии хантыйского языка. В настоящее время алфавит хантыйского и мансийского литературного языков, утвержденный решением исполнительного комитета Совета народных депутатов Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области от 25.04.1990 № 73, используется в различных вариантах.

Проблемы сохранения родного языка и традиционной культуры КМНС Ханты-Мансийского автономного округа – Югры являются предметом обсуждения Научно-координационного совета по вопросам сохранения родного языка и традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, объединяющего представителей органов государственной власти автономного округа, образовательных

организаций, общественных объединений коренных малочисленных народов Севера, научно-педагогической общественности, средств массовой информации.

В сентябре 2013 г. в Департаменте образования и молодежной политики Ханты-Мансийского автономного округа – Юры образован отдел непрерывного образования коренных малочисленных народов Севера, выполняющий координирующую роль в решении проблем учета региональных и этнокультурных особенностей на различных уровнях общего и профессионального образования.

Имеющийся в Югре опыт способствует реализации прав граждан на выбор языка обучения и воспитания, а также сохранению уникальной культуры коренных малочисленных народов Севера.

Актуальные вопросы взаимодействия разных типов научных и образовательных учреждений ХМАО-Югры при сопровождении учебного процесса детей коренных малочисленных народов Севера (на примере Обско-угорского института прикладных исследований и разработок)

Н.А. Белова, кандидат филологических наук

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
Ханты-Мансийск*

Аннотация. В условиях языковой ассимиляции школа остается едва ли не единственным из социальных институтов, способствующих сохранению родного языка. В статье рассматриваются основные направления деятельности Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (ОУИПИИР) по сопровождению преподавания родного языка и литературы в школах округа – прежде всего, разработка УМК и внедрение электронного депозитария фольклорного фонда института в образовательный процесс. Определяются проблемы, связанные с необходимостью переработки учебников и учебно-методических изданий в соответствии с Законом об образовании, и намечаются пути их преодоления.

Ключевые слова: языки КМНС, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, учебно-методический комплекс, электронный депозитарий, детская литература на родных языках.

БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок» является единственным специализированным центром изучения языка, истории и культуры коренных народов Севера на территории нашего округа. В институте трудятся 5 докторов наук, 15 кандидатов наук, специалисты по

лингвистике, истории, фольклору народов ханты, манси, ненцев. Целью учреждения является научная деятельность в области сохранения и развития языка, фольклора и культуры коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Наряду с научными исследованиями в ОУИПИиР разрабатывается учебно-методическое сопровождение преподавания родного языка и литературы детям из числа коренных народов Югры. Отвечая на вопрос: что институт может предложить школе сегодня, стоит остановиться более подробно на 4 основных направлениях нашей деятельности.

Прежде всего, это разработка, методическое сопровождение и внедрение учебно-методических комплексов, дидактических материалов на диалектах хантыйского языка, мансийском и ненецком языках. Для решения этих задач в 2010 году в институте была образована лаборатория по разработке Учебно-методических комплексов по родному языку и литературе. На сегодняшний день сотрудниками института разработаны и изданы УМК по хантыйскому языку (казымский, сургутский, ваховский диалекты), мансийскому языку для 1 – 5 классов. В УМК входят:

- Букварь;
- Азбука. Наглядно-дидактический материал для 1 класса;
- Учебник родного языка;
- Занимательная грамматика;
- Рабочая тетрадь;
- Тестовые задания для обобщающего контроля;
- Сборник заданий и упражнений;
- Книги для чтения на родных языках;
- Книга для чтения. Сборник фольклорных текстов;
- Хрестоматия по родной литературе.

Наиболее полно представлены УМК по хантыйскому (казымский и сургутский диалекты) и мансийскому языкам. Требуют доработки

УМК для изучения ваховского диалекта хантыйского языка и ненецкого языка (лесной диалект). В ближайших планах института – заполнение существующих лагун и разработка УМК для 5-9 классов.

В связи с новыми требованиями к учебникам и учебным пособиям, изложенными в Законе об образовании от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ, первоочередной задачей стала переработка учебников для начальной школы. Большая часть учебников по родным языкам с 1 по 4 класс была издана в 2008 году и распределена по школам округа с этнокультурным компонентом. Начиная с 2010 года, ОУИПИиР дополняет УМК по родным языкам, издавая литературу методического характера: рабочие тетради, сборники упражнений, тесты и прочее по всем диалектам и языкам КМНС.

В течение 5 лет учебники по родным языкам проходили апробацию в школах округа. Изменились требования к учебникам, накопилось определенное количество замечаний, высказанных учителями, которые используют наши учебники в школьной практике. Возникла настоятельная необходимость в их переработке с учетом новых требований. При решении этой задачи авторы учебников столкнулись с несколькими проблемами: во-первых, Закон об образовании предусматривает использование в образовательном процессе лишь тех учебников, которые представлены в Федеральном перечне; во-вторых, не решен вопрос с утверждением новой орфографии хантыйского языка, и, в-третьих, государственные стандарты по родным языкам находятся в стадии разработки.

Порядок введения учебника в перечень достаточно подробно описан в Законе, но сложность его выполнения заключается в том, что этот путь очень затратен и не оправдан с финансовой точки зрения. В ходе консультаций с представителями таких издательств, как «Просвещение», «Бичик», «Дрофа», было установлено, что издание учебников для коренных малочисленных народов Севера для последующего внесения в Федеральный перечень не представляется

экономически оправданным. По мнению специалистов, затраты на разработку, издание и проведение 5 экспертиз не окупаются из-за малого тиража и отсутствия необходимости в переиздании. Ни одно из вышеперечисленных издательств после отмены Федеральной программы издания учебной литературы для КМНС на протяжении последних 5 – 10 лет не занимается изданием учебников по родным языкам для малочисленных народов Севера. Издаются лишь те учебники, которые могут быть востребованы в учебном процессе на протяжении длительного времени большим количеством учеников, либо учебники по родному языку, который в ряде территорий РФ является государственным языком наряду с русским, например, хакасский язык в Республике Хакасия. Таким образом, издательства заинтересованы в издании и продвижении учебников по языкам, количество обучающихся на которых во много раз превышает количество учеников, изучающих хантыйский, мансийский и ненецкий языки.

По данным Департамента образования и молодежной политики ХМАО – Югры за 2013 – 2014 учебный год^[1], родной язык изучается в 30 школах округа. Казымский диалект хантыйского языка преподается в 7 школах 486 ученикам, сургутский диалект хантыйского языка – в 5 школах 346 ученикам, ваховский диалект изучают в 6 школах 223 человека. Мансийский язык представлен в образовательном процессе в 10 школах, общее число учеников, изучающих язык, составляет 472 человека. Ненецкий язык преподается в 1 школе, число обучающихся ненецкому языку – 64 человека. Таким образом, количество учеников, изучающих родной язык, в 2013 – 2014 учебном году составило 1736 человек.

В этой ситуации надеяться на то, что учебники по хантыйскому (казымский, сургутский, ваховский диалект), мансийскому и ненецкому

---

¹ <http://www.doinhmao.ru/KMNS/stat/>

языкам войдут в Федеральный перечень изданий, рекомендованных к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования, не приходится. Успешность проектов по изданию учебников татарского, башкирского, якутского языков обусловлена многочисленностью представителей того или иного народа, а следовательно, необходимостью ежегодного переиздания учебников, что уменьшает их стоимость. Издательство «Просвещение» ежегодно обращается в Министерство образования и науки РФ с просьбой вернуть Федеральную программу по изданию учебников для коренных малочисленных народов Севера, усматривая в этом единственную возможность для их издания. Но пока решение о возрождении Федеральной программы не принято. Представляется, что для малочисленных народов Севера, в частности, населяющих ХМАО – Югру, наиболее оптимальным с точки зрения соотношения затрат на издание, включение в Федеральный перечень и степени востребованности в учебном процессе является форма учебного пособия по родному языку, выполняющего функции учебника.

Сложность создания учебника по родному языку заключается еще и в том, что не существует стандарта для такого рода изданий. Авторы могут ориентироваться на общие требования к учебной литературе. Авторский коллектив должен разработать авторскую программу на основе примерных программ по родному языку и литературе, после чего сформировать рабочие программы для каждого учебника и класса. По свидетельству заместителя директора Санкт-Петербургского филиала издательства «Просвещение» А.В. Бабурина, создать единый шаблон учебника для изучения языков северных народов, в который можно было бы вносить разный языковой материал, не представляется возможным. Подобные попытки предпринимались, но оказались безуспешными. Поэтому необходимо разработать региональные стандарты для издания учебной и учебно-методической литературы

по языкам коренных народов округа и на их основании создавать и перерабатывать учебные издания. Именно эту задачу призвана решить рабочая группа по разработке учебно-методических материалов, необходимых для преподавания родных языков в образовательных организациях ХМАО, созданная в соответствии с поручением Научно-координационного совета по вопросам сохранения родного языка и традиционной культуры коренных малочисленных народов Югры от 20 мая 2014 года. В рабочую группу входят представители ОУИПИиР, Института развития образования, и, что особенно важно, учителя-практики, преподающие родные языки в школах округа, многие из которых, начиная с 2008 – 2010 годов, ведут занятия по учебникам родного языка для 1 – 4 классов, разработанным сотрудниками нашего института. Назрела необходимость, объединив научный и методический потенциал двух специализированных учреждений округа – Института развития образования и Обско-угорского института прикладных исследований и разработок – с опытом учителей родного языка, создать региональный стандарт преподавания родных языков как обязательное условие разработки новых и переработки уже существующих УМК по хантыйскому, мансийскому и ненецкому языкам.

В течение 2013 года ОУИПИиР проводилась оценка эффективности экспериментальных учебников, в связи с необходимостью переиздания учебно-методической литературы по истечении 5 лет использования в образовательной практике. Были получены письма от учителей и директоров школ округа, в которых преподается хантыйский язык (казымский диалект), с замечаниями и предложениями по улучшению учебных изданий. В 2014 году начат мониторинг учебных и учебно-методических изданий института по мансийскому языку. В связи с этим наиболее продуктивным представляется не создание новых УМК, а переработка уже существующих учебников и дидактических материалов с учетом новых требований и замечаний учителей.

И еще одна проблема – отсутствие единых принципов орфографии хантыйского языка – не может быть решена без усилий с нашей стороны. На сайте ОУИПИИР <http://оуипиир.рф/> организовано обсуждение плюсов и минусов новой орфографии. Свое мнение высказали представители научного сообщества, но, к сожалению, точка зрения учителя в этом диалоге не представлена. Для того, чтобы принять взвешенное решение, необходимо знать суть проблемы. Сотрудники ОУИПИИР доктора филологических наук В.Н. Соловар, Н.Б. Кошкарёва проводят семинары по вопросам новой орфографии. Необходимо, чтобы учителя, преподающие хантыйский язык, приняли участие в этих семинарах.

Чрезвычайно продуктивным направлением взаимодействия института и школ округа является возможность использования фондов фольклорного архива института в образовательном процессе. В фольклорном архиве ОУИПИИР хранятся полевые материалы на хантыйском, мансийском, ненецком, русском языках, собранные сотрудниками института с начала 90-х гг. прошлого века преимущественно на территории Ханты-Мансийского автономного округа. Здесь сосредоточены собранные за 20 лет записи песен, сказок, преданий, мифов, верований, праздников и обычаев обско-угорских народов. Общий объем записей фонда составляет 3500 часов. Весь фондовый материал архивного отдела можно разбить на четыре основных вида коллекции: это фонд видеокассет, фонда аудиоматериалов, фонд фотографий (фотографии печатные и фотографии цифровые), документальный фонд. В 2012 году в фольклорном отделе и в двух филиалах (Березовском и Белоярском) была внедрена программа КАМИС, позволяющая систематизировать и каталогизировать фонды. Был создан электронный депозитарий, в который вошли оцифрованные архивные материалы. В настоящее время близка к завершению работа по созданию информационно-справочной системы, с помощью которой виртуальные посетители сайта института могут ознакомиться

с аудиовизуальным наследием коренных народов Югры. Учителя, преподающие родные языки, часто жалуются на отсутствие текстов для лингвистического или литературоведческого анализа, постановки правильного произношения. С включением электронного депозитария в образовательное пространство возникает уникальная возможность получить доступ к коллекциям фонда института в режиме онлайн, услышать звуки древней сказки или священной песни с медвежьего праздника на языках коренных народов Югры. Кроме этого, станет возможным распечатка текста и перевода, а также комментирование того или иного произведения. Электронный депозитарий – хранилище богатств фольклорного фонда института – будет доступен всем пользователям Сети с сентября 2014 года. Аудиоматериалы фонда можно будет использовать при изучении фонетики, синтаксиса того или иного языка, при написании изложений и творческих работ, в исследовательской и проектной деятельности учащихся.

29 мая 2014 года в нашем Институте состоялось открытие Общественного музея Науки и Образования. За годы существования института сложилась достаточно интересная коллекция мемориальных предметов, состоящая из рукописей, книг, личных вещей выдающихся ученых финно-угроведов, многие из которых продолжают трудиться в нашем институте. Целями и задачами музея являются: сохранение историко-культурного наследия коренных народов ХМАО – Югры, совершенствование научного и образовательного процесса на территории округа, исследование творческого пути лиц, внесших значительный вклад в науку, сферу образования и краеведения ХМАО – Югры.

Музей призван сохранить для потомков сведения о жизни, вкладе в науку людей, связавших свою судьбу с округом, институтом, филологией и фольклором. Имена этих первопроходцев известны всем. Во время открытия Музея состоялась презентация мемориальных предметов выдающегося филолога, основоположника отечественного

хантыведения, первого ученого из народа ханты – Н.И. Терешкина (1913 – 1986), просветителя хантыйского народа, педагога, писателя, заслуженного деятеля культуры России А.М. Сенгепова (1932 – 2004), ученого-метеоролога, почетного полярника, исследователя Антарктиды, кандидата географических наук Г.И. Бардина (1932 – 1998) и ненецкого поэта, общественного деятеля, сотрудника института в период с 1996 по 2013 год Ю. Вэлла (1948 – 2013). Эти удивительные люди сумели расширить наши горизонты по множеству направлений: от особенностей хантыйского языка до знаний о далекой Антарктиде. На выставке представлены личные вещи, фотографии и рукописи выдающихся исследователей. Первые экскурсанты уже посетили наш музей – это были участники «Летней проектной школы» при Межшкольном учебном комбинате – и по их реакции мы поняли, что идея создания музея была удачной. Представляется, что помимо просветительской деятельности, популяризации знаний об истории становления науки в нашем округе, музей может помочь школьникам в разработке творческих проектов по истории, краеведению, родному языку и литературе. Сотрудники института с удовольствием поделятся своими знаниями, проведут консультации, познакомят с коллекцией музея.

IV. И наконец, еще одно направление нашей работы связано с изданием книг для детей на родном языке. Потребность в литературе на национальных языках для детей отмечают воспитатели детских садов, учителя родного языка и литературы, родители и представители общественности, заинтересованные в сохранении национального языка. Но центральные издательства, опять же в силу отсутствия финансовой заинтересованности, не издают книги на языках северных народов. Сотрудники ОУИПИиР пытаются восполнить существующий пробел, и по мере сил, используя спонсорскую помощь и гранты, институт издает книги для детей. Причем тексты наших изданий уникальны, так как мы привлекаем материалы Фольклорного фонда института.

Начиная с 2012 года, была разработана и издана серия детских сказок на трех языках – родном, русском и английском. В эту серию вошли хантыйская сказка «Желудочек», мансийская сказка «Дятел и тонкая граненая иголка», ненецкая сказка «Самолюбивый мышонок» и «Мансийские загадки». Дизайн книг разрабатывают сотрудники нашего института – член Союза художников России И.В. Соколова и В.Л. Соколов. В данный момент создается концепция издания цикла книжек-малышек на языках народов Севера для дошкольников и детей младшего школьного возраста, не владеющих языком.

Научный сотрудник лаборатории по разработке УМК, кандидат филологических наук С.С. Динисламова вот уже третий год издает журнал для детей «Витсам», единственное периодическое издание в ХМАО на языке манси. Первые выпуски (3 номера) были изданы в 2012 году на средства Гранта Департамента культуры. В 2014 году проект журнала стал победителем в конкурсе на издание литературы на родных языках, организованном Департаментом общественных и внешних связей ХМАО, и 65% стоимости издания оплачивает округ.

Журнал «Витсам» рассчитан на широкую целевую аудиторию – детей от 5 до 15 лет, желающих знать свой родной язык. Журнал выходит на мансийском языке, но отдельные рубрики, такие, как «Ам маньши латынг хаништэгум» («Я учу мансийский язык») и «Тыи вангкве эри» («Это надо знать») – двуязычные (мансийский текст дублируется на русском языке), поэтому журнал может быть интересен и детям, которые только начинают изучать родной язык. Особенностью этого издания является то, что в его создании участвуют сами дети, их родители, а также журналисты национальной газеты «Луима сэрипос».

Безусловно, перечисленные выше способы взаимодействия ОУИПИиР и образовательных учреждений округа не исчерпывают потенциал нашего института, а, скорее, намечают основные направления работы, значение которой трудно переоценить. Сохранение и преумножение традиционной культуры народов,

населяющих Югру, невозможно без изучения языка предков, погружения в языковую картину мира, формирующую то, что принято называть национальным менталитетом. В условиях разрушения системы традиционного хозяйствования, языковой ассимиляции школа остается едва ли не единственным из социальных институтов, способствующих сохранению языка. Следовательно, от качества преподавания родного языка и литературы, увлеченности предметом учителя, степени методической и научной разработки учебной литературы зависит будущее коренных народов Югры.

Мультикультурализм и культурный патернализм в Южной Корее

Ю.В. Ставропольский, кандидат социологических наук, доцент
*Саратовский государственный университет имени
Н. Г. Чернышевского, Саратов*

Аннотация. На протяжении последних двадцати лет республика Корея неуклонно становилась всё более мультикультурной по причине нашествия сначала трудовых мигрантов, а затем «брачных мигранток» из Китая, Филиппин, Вьетнама, Узбекистана, Монголии и Камбоджи. Основной принцип мультикультурного образования в республике Корея следует модели интеркультурного образования, принятой в Соединённых Штатах, и исходит из понятия толерантности к различиям. Лидируя в мире на протяжении более двадцати лет по защите прав мигрантов, корейские правозащитные организации встали перед необходимостью осмысления культурного влияния, оказываемого широким разнообразием социальных услуг и мультикультурных программ.

Ключевые слова: образование, этнокультурный, мигранты, социальный, социология.

В республике Корея существует понятие «ребёнок из мультикультурной семьи». На сегодняшний день детей школьного возраста смешанного этнокультурного происхождения насчитывается примерно двадцать одна тысяча человек. В ноябре 2008 года канцелярия премьер-министра проинформировала общественность о правительственных планах усилить мультикультурный компонент корейского школьного образования [1]. Этот шаг свидетельствует об озабоченности южнокорейского правительства увеличением наплыва в страну иммигрантов и ростом числа межэтнокультурных браков в стране.

На протяжении последних двадцати лет республика Корея неуклонно становилась всё более мультикультурной по причине нашествия сначала трудовых мигрантов, а затем «брачных мигранток» из Китая, Филиппин, Вьетнама, Узбекистана, Монголии и Камбоджи. Со своей стороны корейское правительство предприняло создание свыше ста центров поддержки мультикультурных семей, оказывающих разнообразные социальные и образовательные услуги. Общенациональная институционализация подобных центров поддержки проходит под знаком борьбы двух диаметрально противоположных тенденций.

С одной стороны, действуют правозащитные организации, защищающие трудовые права и права трудовых мигрантов. Благодаря их активности, Верховный суд республики Корея был вынужден принять ряд важных решений по защите прав человека иностранных рабочих. В этом отношении поддерживаемая правительством система поддержки мультикультурных семей стала следствием многолетних усилий правозащитных организаций по легитимизации мигрантов в южнокорейском обществе.

С другой стороны, реакция правительства указывает на решимость выборочно интегрировать в южнокорейское общество только тех мигрантов, которые заключили браки с южнокорейскими гражданами, и их детей. Программами поддержки могут воспользоваться все некорейцы, однако основной объём правительственных инициатив недвусмысленно указывает на намерение ассимилировать только семейных мигрантов и их детей.

Несмотря на всю важность выполняемых ими функций, центры поддержки и реализуемые через них мультикультурные программы не избавлены от серьёзных недостатков, которыми чревата подобная ограниченность мультикультурной проблематики. Речь идёт о культурном патернализме и о культурном фетишизме в отношении мигрантов. Культурный патернализм означает попытку решать

проблемы культурной диверсификации сверху, культурный фетишизм – поверхностный характер содержания мультикультурных программ.

Основной принцип мультикультурного образования в республике Корея следует модели интеркультурного образования, принятой в Соединённых Штатах, и исходит из понятия толерантности к различиям. При этом общепринятое понимание межкультурных различий, которое каждодневно воспроизводят средства массовой информации и учебные пособия, не подвергается критическому рассмотрению. Однобокое выпячивание межкультурных различий в качестве источника социального конфликта девальвирует важность структурного анализа общественного неравенства.

Соответственно, предпринимаемые южнокорейским правительством программы поддержки семейных мигрантов и их детей вместо того, чтобы сводить межкультурные различия к минимуму, напротив, обеспечивают их овеществление, объявляя корейскую культуру нормой и таким стандартом, который следует прилагать ко всем остальным культурам. Более того, в содержательном отношении корейское мультикультурное образование задаёт такой культурный параметр, который предполагает существование культурной экзотики, тем самым превращая культуру в спектакль, можно сказать – в фетиш, и разрушая саму основу мультикультурализма.

Культурный патернализм в Южной Корее характеризуется односторонностью содержания большинства мультикультурных программ, в соответствии с которыми доминантное общество лучше знает, что хорошо для этнокультурных меньшинств. В свою очередь, этнокультурные группы выступают пассивными объектами изучения и воздействия, но ни в коем случае не активными агентами социального изменения.

В 2007 году южнокорейское Министерство образования и развития человеческих ресурсов следующим образом определило основополагающий принцип мультикультурного образования:

«Мультикультурное образование развивает опыт осмысленного взаимодействия и межкультурного общения между детьми, имеющими различное культурное происхождение, формируя понимание и уважение к уникальности каждого ребёнка и особенностям его мировоззрения, при этом ориентируясь на общие цели, сплачивающие всё общество» [2, 11].

Это означает обучение детей такой практической деятельности, которая способствует пониманию и признанию многообразия культур. Кроме того, мультикультурное образование направлено на предоставление равных образовательных возможностей детям из различных социальных и культурных групп и на обучение их асертивному реагированию на существующие в обществе предрассудки и стереотипы.

Перечисленные выше принципы отражают либеральную педагогическую практику Соединённых Штатов, на протяжении первой половины двадцатого века развивавшую так называемую «интеркультурную педагогику». В условиях усиления межрасовой напряжённости под влиянием массовой миграции этнорасовых меньшинств из сёл в города, либеральные американские педагоги и обществоведы призывали к социально-политическому и образовательному решению проблемы социальной дистанции между разнообразными этнорасовыми и религиозно-культурными сообществами [3]. На взгляд Г. Олпорта, главным был вопрос о том, можно ли вообще обучить лучшим межрасовым отношениям [4, 83]. Ответ был несомненно утвердительным: «Межрасовые и межкультурные конфликты представляют серьёзную угрозу благополучию людей, сообществ и всей американской нации в целом, но эти конфликты удаётся ослабить, а, в отдельных случаях, устранить, при условии тщательного планирования образовательных программ» [5, 29].

Либерально-ориентированные мультикультурные образовательные программы развивали главную идею, заключавшуюся в том,

что люди хотя и различны, но одинаковы, опираясь на взаимодействие между различными культурами внутри общей культуры. Стремясь уменьшить социальную дистанцию между расами и культурами, интеркультурные образовательные программы выступали в защиту межрасовой гармонии, обучая толерантности к межкультурным различиям. В этом ключе, интеркультурное образование не только нацеливалось на исправление зла, причиняемого существованием межгрупповых предрассудков, но и стремилось удовлетворить моральные требования истинной демократии, обучая учащихся уважению достоинства любого человека [6, 555].

Логика интеркультурного образования представляет собой существенный отход от первоначальных попыток американизировать иммигрантов и меньшинства в плавильном котле американского общества, побуждая их как можно скорее избавиться от своих традиционных ценностей, отличавших их от американцев [7, 419]. Коротко говоря, главная цель интеркультурного образования заключалась в улучшении практического взаимопонимания и в налаживании добрых человеческих отношений между представителями различных этнокультурных групп [8, 39].

Вопреки своим возвышенным идеалам, интеркультурное образование принципиально не допускало изолированного существования этнокультурных групп, опасаясь, что положенная в основу культурного плюрализма идеология «живи и давай жить другим» может привести к образованию лингвистических и культурных островов, подобных франко-канадскому Квебеку либо Ольстеру в Северной Ирландии [5, 31].

Компромисс между двумя крайностями воплотился в термине «культурная демократия», обозначавшем культурную диверсификацию в рамках единого государства. Теоретически концепция культурной демократии зиждется на принципе конституционной демократии, т. е. власть большинства регулируется правами индивида

и меньшинств. Соответственно, культурная демократия представляет собой развитие первоначальных попыток относиться к различным культурам равноудалённым образом, с целью более эффективного снятия напряжённости между ассимиляцией и культурным плюрализмом.

Корейские мультикультурные программы, по крайней мере, на уровне замысла следуют принципу культурной демократии, стремясь выравнять и уважать различия при условии соблюдения группой меньшинства основных демократических идеалов.

Главный недостаток тезиса о культурной демократии – существование и в Южной Корее, и в Соединенных Штатах, и в Европе иерархии культур, основанной на ограниченном знании о них. В контексте навязанного стереотипного восприятия мигрантов, принцип выравнивания межкультурных различий вступает в острое противоречие с действительностью. Интеркультурное образование исторически привыкло игнорировать институциализованный расизм и институциализованное структурное неравенство. Тем самым, мультикультурное образование прикрывает существование в обществе двойного стандарта маской равенства [9, 44.].

Патерналистский элемент интеркультурного образования состоит из двух взаимосвязанных положений. Во-первых, культурная диверсификация порождает конфликты. Во-вторых, учащихся следует обучать толерантному отношению к межкультурным различиям. Сводя сложные социальные проблемы к культуре, педагоги наивно полагают, что понимание межкультурных различий способствует разрешению межкультурных конфликтов. Например, создатели интеркультурного образования в Соединённых Штатах горячо настаивали на том, что в эпоху международных конфликтов правильное воспитание должно способствовать международному взаимопониманию и даже миру во всём мире [7, 420]. Если рассматривать культурную диверсификацию в качестве потенциального источника общественного и трудового конфликта, тогда умение управлять культурной диверсификацией

превращается в важный социальный навык [10]. Отсюда следует, что мир между группами народов и между странами зависит от развития взаимопонимания.

Критика культурно-редукционистской интерпретации конфликта основана на том, что ни образование, ни идеи доброй воли и братства не способны устранить противоречия между идеалами и реальным положением, поскольку они избегают фронтального столкновения с властными структурами. Тем самым борьба за гражданские права приносится в жертву философии умиротворения. Неспособность противостоять реальной действительности в значительной мере объясняет то, почему либеральные сантименты в межгрупповых отношениях скорее отпугивают, чем привлекают. Интеркультурные программы ориентированы на устранение конфликта, а не на перенацеливание конфликта на общие социально-полезные цели, такие, как отстаивание гражданских свобод.

Идея о том, что уважение межкультурных различий поможет построить более толерантное общество допускает, что дискриминацию можно предотвратить на уровне межличностных взаимодействий. Однако обучение толерантности не предусматривает сложных социальных и исторических факторов, но предполагает, что расизм и ксенофобия – вопрос ответственности личности. Умиротворение конфликта достигается за счёт сдвига фокуса от структурного неравенства в направлении личностных дефектов. При этом обучение толерантности, сохраняя демократическую видимость, не затрагивает проблемы культурного доминирования в повседневном взаимодействии. В процессе визуализации иностранной культуры посредством популярной культуры, образования или средств массовой информации проявляется так называемый культурный расизм – индивидуальные и институциональные проявления расового превосходства, основанного на убежденности в неполноценности иных культур [11, 85-86].

В Южной Корее манера преподнесения различных культур учащимся и широкой аудитории обнаруживает тенденцию к экспрессивности. Под прикрытием торжества культурного многообразия неправительственные и квазиправительственные организации устраивают ежегодные празднования, на которых публике предлагается прикоснуться к иным культурам и ощутить их. На подобных мультикультурных фестивалях принято представлять наряды, танцы, песни и артефакты. Тем самым клонируются образы и символы, обеспечивая культурную товаризацию и стимулируя широкое культурное потребление.

В этой связи характерно упрощенческое отношение корейского мультикультурного образования к культурным символам. Вместо того, чтобы обучать пониманию культурной экзотики, выраженной символическим образом, воспитывается культурный фетишизм. Культура превращается в зрелище, а отношение к культуре принимает товарную форму. Никто не объясняет учащимся того, что культура – это площадка перформативности, на которой воссоздаются и пересоздаются социальные роли и дефиниции [12, 52.].

Современная корейская история отмечена сильнейшим влиянием мировых держав, прежде всего Соединённых Штатов и Японии. Глубочайшее культурное влияние со стороны США на Южную Корею затронуло образование, политику, популярную культуру, повседневную жизнь, перестав быть привилегией немногих и приобретя в молодёжной среде императивный характер. В южнокорейских колледжах и университетах работают тысячи преподавателей из США по всему академическому спектру, от естественных и инженерных наук до гуманитарных и общественных. Это свидетельствует о том, что в Южной Корее культуры передовых наций находятся в привилегированном положении, тогда как культуры развивающихся стран оказываются на задворках. Соответственно, представление культур развивающихся стран через мультикультурное образование и

фестивали культур формируют негативные стереотипы об интересной, но отсталой экзотике. В силу этого культурная перформативность, отражающая интуитивное социальное знание, нуждается в конкретизации и концептуализации культурной иерархии. Решающее значение для развития в Южной Корее мультикультурного образования имеет социологический анализ формирования межкультурных границ посредством таких непреднамеренных перформативов, как экспектации в отношении этнокультурных различий, резонансный отклик на этнокультурные стереотипы, инстинктивное апеллирование к одним этнокультурным группам и отвращение от других [12, 54].

Несмотря на свою краткую историю, южнокорейская политика мультикультурализма доказала свою нацеленность на предоставление образовательных, социальных и экономических ресурсов иностранным трудовым мигрантам и второму поколению в мультикультурных семьях. Южнокорейское правительство считает задачу построения мультикультурного общества своим приоритетом. Структура услуг по поддержке мультикультурных семей в Южной Корее является образцовой, а создатели мультикультурных учебных программ добросовестны в своём усердии.

Однако, несмотря на свой либеральный настрой, мультикультурные педагоги неведомо для самих себя работают на руку патерналистской политике, которая обращается с культурой как с товаром, выставляемым на всеобщее обозрение, не задумываясь о тех культурных перформативах, которые воссоздают различия в желаниях, вкусах и мировоззрениях.

Лидируя в мире на протяжении более двадцати лет по защите прав мигрантов, корейские правозащитные организации встали перед необходимостью осмысления культурного влияния, оказываемого широким разнообразием социальных услуг и мультикультурных программ. Следует перестать видеть в мигрантах социально неполноценных. Нужна новая политика интеграции в общество,

нацеленная на сосуществование выходцев из различных культурных сред. Программы социальных услуг необходимо осторожно сбалансировать таким образом, чтобы избежать товаризации культур, построенной на симпатиях.

Литература

1. Multicultural Family Children to Receive «Tailored» Education. Prime Minister's Office: News Release Information, 2008. November 28.
2. Ministry of Education and Human Resources Development. Seoul, 2007.
3. Banks J.A. Multicultural Education: Historical Development, Dimensions, and Practice // Review of Research in Education. – 1993. – № 19. – P. 3-49.
4. Allport G. Is Intergroup Education Possible? // Harvard Educational Review. – 1945. – № 15(2). – P. 83-86.
5. Vickery W.E., Cole S. G. Intercultural Education in American Schools: Proposed Objectives and Methods. New York: Harper and Brothers, 1943.
6. Kilpatrick W. H., Stone W. J., Cole S. G. A Frame of Reference for Intercultural Education // Journal of Educational Sociology. – 1949. – № 22(9). – P. 555-572.
7. Davis-DuBois R. Peace and Intercultural Education // Journal of Educational Sociology. – 1939. – № 12(7). – P. 418-424.
8. Giles H.H., Pitkin V.E., Ingram T. Problems of Intercultural Education // Review of Educational Research. – 1946. – № 16(1). – P. 39-45.
9. Davis A.Y. Gender, Class, and Multiculturalism: Rethinking «Race» Politics // Mapping Multiculturalism. Ed. by in Gordon A. F., Newfield C. Minneapolis: University of Minnesota Press. 1996. P. 40 – 48.

10. LeBaron M., Pillay V. Conflict across Cultures: A Unique Experience of Bridging Differences. Boston: Intercultural Press, 2006.
11. Bennett C. I. Comprehensive Multicultural Education: Theory and Practice. Boston: Allyn and Bacon, 2007.
12. Nagel J. Race, Ethnicity and Sexuality: Intimate Intersections, Forbidden Frontiers. New York: Oxford University Press, 2003.

**Экологическая опасность аварийности при добыче и
транспортировке нефти**

М.М. Егорова

Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск

Научный руководитель

Б.П. Ткачев, доктор географических наук

Аннотация. В статье даётся характеристика экологической опасности аварийности при добыче и транспортировке нефти на территории Ханты-Мансийского автономного округа. Анализируется связь между ростом вероятности возникновения экологической опасности и неконтролируемым развитием экономики.

Ключевые слова: добыча нефти, Ханты-Мансийский автономный округ, экология, аварийность.

Экологическая опасность – это ситуация в окружающей природной среде, в которой при определенных условиях (случайного или детерминированного характера) возможно возникновение факторов опасности, способных привести к одному или совокупности из следующих нежелательных последствий для человека и окружающей среды: отклонению здоровья человека от среднестатистического значения, т.е. заболеванию или даже смерти; ухудшению состояния окружающей среды, обусловленное нанесением материального или социального ущерба и/или ухудшением качеств природной среды [1].

Вероятность возникновения такой опасности прямо пропорциональна неконтролируемости развитию экономики, отставанию технологий, возникновению естественных и антропогенных аварий и катастроф. Сложные и разветвлённые системы нефтепроводов относятся к числу главных факторов экологической опасности в нефтепромысловых районах [2]. С различной степенью

проработки вероятностных составляющих, видов аварий и характеристик последствий, вопросы оценки экологической опасности аварий востребованных в планах локализации и ликвидации разливов нефти, декларациях промышленной безопасности, инженерно-технических мероприятий гражданской обороны и мероприятий по предупреждению чрезвычайных ситуаций [3].

Цель: охарактеризовать экологическую опасность аварийности при добыче и транспортировке нефти на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи:

- охарактеризовать территориальные особенности района;
- выделить основные факторы экологической опасности аварийности;
- дать описание успешности мер по ликвидации аварийных последствий.

Ханты-Мансийский автономный округ – Югра расположен в средней части России и занимает центральную часть Западно-Сибирской равнины. Географическое положение региона оказывает большое влияние на возникновение факторов опасности.

ХМАО-Югра является основным нефтегазодобывающим регионом России. Практически весь объем добываемой жидкости, товарной нефти, нефтепродуктов и вспомогательных агентов в нём транспортируется по системам трубопроводов. Аварийность при добыче и транспортировке нефти приводит к загрязнению окружающих природных территорий нефтью и пластовыми водами, из-за чего оказываемые воздействия распространяются на все компоненты ландшафта.

Так, одним из факторов возникновения экологической опасности в округе является аварийность на нефтепромысловых трубопроводах. Основная причина аварий – внутренняя и внешняя коррозия труб, которая неразрывно связана с длительностью эксплуатация трубопровода. Общая

протяженность нефтепровода в пределах округа в 2006 г. достигала 82 938 км, из которых большая часть была построена в 70-х гг. прошлого столетия [4].

Согласно материалам Природнадзора Югры, в 2012 г. произошло 3 209 аварий. В результате в окружающую среду попало 412,22 т загрязняющего вещества на площади 24,63 га. В реестре аварий не указано, какова была масса загрязняющего вещества в момент аварий. Таким образом, вывод об успешности мер ликвидации аварийных последствий по имеющимся данным не представляется возможным. В докладе об экологической ситуации в ХМАО-ЮГРЕ в 2012 г., в разделе «Промышленные и транспортные аварии и катастрофы», составленном Департаментом экологии Югры и Департаментом гражданской защиты населения Югры, представлены данные: общее количество аварий – 3 209, масса загрязняющего вещества в момент аварии – 4 895,82 т. Площадь загрязненных земель не указывается. Руководствуясь данными двух вышеуказанных источников, можно подсчитать, что 4483,6 т загрязняющего вещества было успешно ликвидировано [5].

Согласно рисунку 1, максимальное количество загрязняющего вещества, которое попало в окружающую природную среду (26,59%), принадлежит ОАО «ТНК-Нижневартовск», но, несмотря на это, самая большая площадь загрязненных территорий от общего числа (30,52%) относится к ООО «РН-Юганскнефтегаз» [5]. Такое соотношение загрязненных земель и массы загрязняющего вещества, которое попало в окружающую среду в результате аварии, обусловлено такими факторами, как: быстрота реагирования на аварийный разлив; учет особенностей рельефа и климата территории при прокладке трубопровода; качество выполнения диагностических и ремонтных работ.

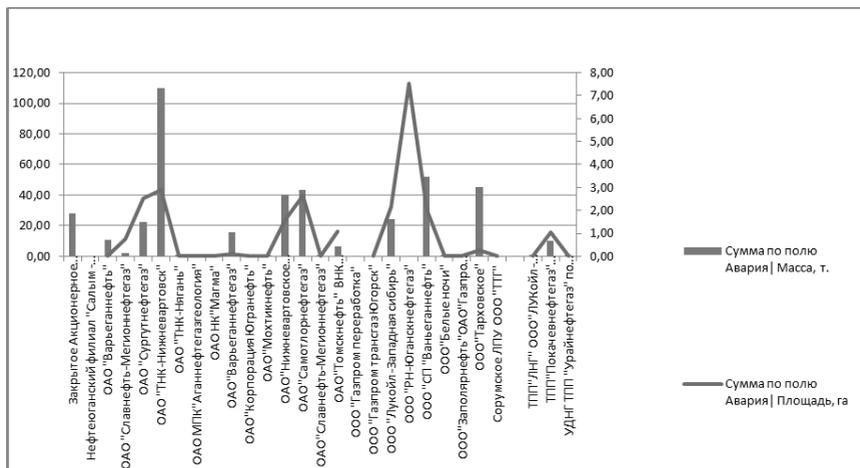

Рисунок 1. Соотношений загрязненной площади и массы загрязняющего вещества за 2012 год.

Выводы и предложения:

- решение проблем экологической опасности несет не только экологический, но и экономический характер;
- необходима должная внимательность контролирующих органов и непосредственно самих нефтяников;
- нефтедобывающим компаниям следует обратить серьезное внимание на постоянно возникающие новые прорывы в результате аварийных ситуаций;
- рекультивационные мероприятия должны проводится каждый год с максимальным эффектом с целью компенсации в полном объеме ущерба, нанесенного окружающей среде и населению, испытывающему негативное влияние от реализации проектов.

Литература

1. Алябышева Е.А. Промышленная экология: учебное пособие / Е. А. Алябышева, Е. В. Сарбаева, Т. И. Копылова, О. Л.

- Воскресенская. Йошкар-Ола, 2010. 110 с.
2. Экологические риски при добыче и транспортировке углеводородного сырья. URL: <http://www.bellona.ru/>
  3. Туркин В.А., Чура Н.Н. Проблемы анализариска. Нормирование риска – шаг вперед // Центр безопасности транспортных систем. №3. Новороссийск. 2008.
  4. Канева М.П. и др. Формирование системы мониторинга состояния нефтепромысловых трубопроводов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре / М. П. Канева, А. А. Протасов, В. А. Коровин, В. И. Подлеснова // Вестник недропользователя ХМАО-Югры. – № 18. – 2007.
  5. Доклад об экологической ситуации в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре в 2012 году: информационное издание / Департамент экологии ХМАО-Югры. Ханты-Мансийск, 2013. 177 с.

К вопросу о сохранении биоразнообразия в условиях промышленного освоения Таймыра

Л.А. Колпащиков, доктор биологических наук

Объединенная дирекция заповедников Таймыра, Норильск

В.В. Михайлов, доктор технических наук, профессор

*Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт
информатики и автоматизации РАН, Санкт-Петербург*

Аннотация. Таймыр – самая северная материковая часть суши Евразийского континента – в настоящее время является одной из наиболее приоритетных территорий в рамках мероприятий по реализации Стратегии освоения Арктики Российской Федерации. Учитывая уязвимость биоразнообразия региона, под особую охрану взято несколько обширных природных территорий, объединенных в 2013 г. в ФГБУ «Заповедники Таймыра». В условиях антропогенной трансформации территории региона происходит всевозрастающее воздействие на экосистемы Таймыра. Каждая из форм антропогенного воздействия в той или иной степени действует на компоненты биогеоценозов, вызывая зачастую необратимые регрессивные процессы ухудшения их состояния. В этих условиях первостепенной мерой является организация системы мониторинга биоты. Полученные результаты послужат основой для разработки научно-обоснованных мероприятий по сохранению биоразнообразия в условиях промышленного освоения региона.

Ключевые слова: биоразнообразие, стратегия, Арктика, антропогенная трансформация, популяция, редкие виды.

В последние десятилетия биологическое разнообразие, или

биоразнообразие (biodiversity) – главное понятие в биологии. Совершенно очевидно, что повышенное внимание к этой категории связано с насущными проблемами жизни мирового сообщества, с осознанием грядущих катастрофических последствий современных форм развития экономики и природопользования. В сферы использования ресурсов и охраны природы все более проникает мысль о необходимости сохранять многообразие жизни, каждого ее компонента, независимо от конкретной ценности для человека [1, 5].

На современном этапе важнейшей задачей считается инвентаризация, или оценка состояния биологического разнообразия.

Россия играет особую роль в сохранении арктических экосистем Земли и присущего им видового разнообразия. На её территории обитает примерно 80% всего видового разнообразия Арктики и около 90% собственно арктических видов. К российскому сектору относится около трети всей площади Арктики. Именно здесь находятся территории, наиболее ярко воплощающие типичные черты арктических зональных экосистем. Планетарно значимым районом, своеобразным центром, формирующим и поддерживающим биоразнообразие и жизнеспособность природно-территориальных комплексов в Арктике, является полуостров Таймыр.

Это единственная на Земле материковая часть Арктики, представленная полным спектром ландшафтов, почв, растительных и животных сообществ - от северной тайги до полярных пустынь. Таймыр можно считать уникальным эталоном, «мини-моделью» Арктики [2, 224]. К арктическим экосистемам в наибольшей мере применимо положение об уникальности каждого вида и губительных последствиях изъятия любого из них. Правительство России определило Таймыр, как один из приоритетных регионов для сохранения природы и устойчивого развития территорий с особо ранимыми арктическими экосистемами. Однако в настоящее время этот регион становится

одним из наиболее осваиваемых человеком районов Арктики. Это влечет за собой негативную трансформацию представленных здесь растительных сообществ и полярных экосистем.

Среди форм антропогенной трансформации экосистем Таймыра можно выделить: строительство городов и поселков, промышленных коммуникаций, транспортных магистралей и линий газопроводов, поиск и добычу полезных ископаемых, интенсивное судоходство и продление навигации на Енисее, загрязнение воздуха, воды и почвы выбросами промышленных предприятий, использование гусеничного транспорта, пожары и др. Каждая из этих форм в той или иной степени действует на компоненты тундровых биогеоценозов, вызывая зачастую негативные (обратимые и необратимые) последствия. В последние 30 лет заметно возросло отрицательное воздействие на уникальную таймырскую популяцию диких северных оленей и среду ее обитания антропогенных факторов. В связи с тем, что значительная часть территорий, осваиваемых диким оленем в период осенних и весенних миграций, уже в настоящее время испытывает влияние хозяйственной деятельности, наблюдается трансформация их растительного покрова, и в целом снижается кормовое качество сезонных пастбищ.

Особую тревогу вызывает ухудшение и деградация оленьих пастбищ и их важнейшего компонента - лишайников, составляющих основу зимнего рациона оленей. Зона и интенсивность антропогенного воздействия на растительный покров, и непосредственно на самих животных, в последние годы увеличилась. Вероятно, по этой причине в последние годы значительно снизилась интенсивность миграций диких северных оленей таймырской популяции в августе-сентябре на Западном Таймыре. Полуостров Таймыр представлен уникальными орнитологическими и природными комплексами живой природы и занимает ведущее место в России по созданию и функционированию заповедных зон на Севере Российской Федерации.

В настоящее время система особоохраняемых природных территорий Таймыра базируется на трех бывших крупнейших заповедниках России: «Таймырский», «Путоранский», «Большой Арктический», которые в соответствии с приказом № 237 Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 13.08.2012 г. реорганизованы в Федеральное Государственное бюджетное учреждение «Объединенная дирекция заповедников Таймыра» (далее - ФГБУ «Заповедники Таймыра»). Суммарная площадь заповедника составляет 7 838 401 га или 12,8% территории Таймыра (рекордный показатель для России). Кроме этого, в состав ФГБУ «Заповедники Таймыра» входят 2 государственных природных заказника: «Пуринский» и «Североземельский», которые также занимают важное место в системе сохранения биологического и ландшафтного разнообразия Таймыра.

Из редких видов животных, занесенных в Красные книги Российской Федерации, на Таймыре обитает 16 видов: атлантический и лаптевский моржи, белый медведь, путоранский снежный баран, белоклювая гагара, малый лебедь, краснозобая казарка, пискулька, беркут, орлан-белохвост, скопа, кречет, сапсан, белая и розовая чайки, кроншнеп-малютка. Многие из них – эндемики и реликтовые формы. Сохранение их – задача глобальная.

Гнездование сотен тысяч пар гусей, уток, чаек, куликов послужило причиной включения таких водно-болотных угодий Таймыра, как дельта реки Горбита, междуречье и долины рек Пура и Мокоритто, Бреховские острова в список Рамсарских угодий Конвенции о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение.

На территории с площадью суши более 900 000 км² обитает крупнейшая в Евразии уникальная таймырская популяция диких северных оленей численностью более полумиллиона голов, около 9000 интродуцированных из Канады и Аляски овцебыков, 6500 снежных

баранов.

Нет сомнений, что для сохранения природно-территориальных комплексов, как Таймыра, так и сопредельных регионов особое значение будет иметь успешное функционирование вышеперечисленных ООПТ.

Следует особо подчеркнуть, что за время своего существования бывший заповедник «Путоранский», сыграл одну из ключевых ролей в изучении, охране и обогащении фауны плато Путорана и Таймыра. Данная заповедная территория пока слабо затронута современной хозяйственной деятельностью. Однако западные границы заповедника находятся в области мощного воздействия техногенных факторов (в основном аэровыбросов) от промышленных предприятий. В этой связи перспективы сохранения здесь уникальных ландшафтов в первоизданном виде весьма проблематичны. Учитывая то что, эта территория плато Путорана включена в Список Всемирного природного и культурного наследия при ЮНЕСКО, она заслуживает специальных мер охраны, ведения систематического мониторинга. Бывший заповедник «Большой Арктический» – один из самых крупных мировых природных резерватов – может сыграть главную роль в сохранении биоразнообразия и стратегии освоения Арктических районов Средней Сибири.

В то же время до настоящего времени на обширнейшей территории Эвенкийского муниципального района существует только один заповедник, где в зимнее время обитает около 300 тысяч диких северных оленей таймырской популяции и около 60 тысяч лесных оленей, 30 тыс. лосей и других ценных животных [3, 48].

Не следует забывать и о другой форме охраняемых территорий – национальном парке. Его организация целесообразна непосредственно вблизи Норильского промышленного района (национальный парк «Ламские озера»). Национальный природный парк в системе Норильских озер должен быть государственным со всеми

вытекающими последствиями. Вместе с тем следует отметить, что само по себе создание сети ООПТ не решает все проблемы сохранения биоразнообразия в сложившихся современных условиях. При наличии обширнейшей заповедной территории на Таймыре существует и ряд нерешенных проблем.

К примеру, существует масса проблем, связанных с бесконтрольностью территории регионального заказника «Бреховские острова», находящегося в районе Енисейского залива. Неоднократно поднимался вопрос о нелегальном использовании водных биологических ресурсов и охотничьей фауны «Бреховских островов».

Под прикрытием, проживающих там коренных народов происходит бесконтрольный вылов рыбных ресурсов и их нелегальный сбыт, как жителями окрестных населенных пунктов, так и приезжими перекупщиками с Красноярского края и Ямало-Ненецкого автономного округа. Кроме того, в настоящее время не определен порядок осуществления рыболовства представителями местного коренного населения. В сложившейся ситуации именно ФГБУ «Заповедники Таймыра» в настоящее время, имея квалифицированный персонал, технические средства, необходимый опыт работы, может выступать структурой, способной организовать должный контроль и сохранение природы «Бреховских островов».

В свою очередь, для качественного проведения охранных и других, связанных с деятельностью заказника, мероприятий на охраняемой территории и за ее пределами необходимо выделение соответствующего финансирования.

В настоящее время на территории не в полной мере проводятся научные исследования, сокращается финансирование, а в связи с этим снижается надлежащий контроль и охрана. Необходима конкретизация исследований и международного сотрудничества по проблеме сохранения биоразнообразия, что позволит выйти на более высокий

уровень охраны живой природы на Таймыре.

При этом природоохранные территории должны принести коренным жителям Таймыра определенные экономические выгоды. Здесь проживает 5 коренных малочисленных народностей (долган, нганасан, ненцев, энцев, эвенов), достойное существование которых может быть обеспечено только при разумном использовании и сохранении естественных экосистем территории и традиционного жизненного уклада. Жизнь малочисленных народов Крайнего Севера неразрывно связана с биологическими ресурсами, оценка и прогноз состояния которых имеет крайне важное жизненное значение в деле их разумного использования.

Для территории Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района, испытывающей мощное техногенное воздействие промышленных предприятий, остро стоят проблемы деградации биocenozов, выработки критериев экологической экспертизы, мониторинговых исследований на региональном и глобальном уровнях. В этом плане изучение состояния популяций редких и охотничье-промысловых видов животных имеет особую актуальность не только для разработки Стратегии их сохранения и рациональной эксплуатации, но и использования в качестве чутких индикаторов состояния природной среды. Данную работу можно также рассматривать как региональный аспект Стратегии сохранения биоразнообразия России и общего движения страны к устойчивому развитию.

Поэтому для принятия решений в области охраны и хозяйственного использования зверей и птиц, на региональном и федеральном уровнях необходимо опираться на современные научные сведения о состоянии конкретных популяций, тенденциях их изменений.

В целом стратегия сохранения биоразнообразия в условиях Таймыра должна предусматривать выполнение следующих

обязательных условий:

– создание реестра флоры сосудистых растений и фауны позвоночных животных Таймырского автономного округа. Это определяется важностью задачи их сохранения как элементов биоразнообразия и необходимостью разработки подходов рационального использования хозяйственно значимых видов;

– на основании имеющихся материалов предлагается создать банк данных по растительному и животному миру Таймыра с определением статуса видов растений, зверей и птиц; с разработкой принципов и подходов их охраны, эксплуатации хозяйственно значимых видов растений и животных с целью сохранения биоразнообразия; оптимизации промысла и мониторинга;

– необходим экологический и ветеринарный контроль за состоянием таймырской популяции диких северных оленей путем наземных и аэровизуальных исследований. Для экологически обоснованного управления популяцией необходимо организовать во всех частях ее ареала систему мониторинга, в основу которого должна лечь созданная модель популяции и базы данных;

– необходима организация мониторинга и научных исследований в области изучения биологических особенностей редких и охотничье-промысловых видов животных, механизмов действия на них лимитирующих факторов с использованием современных аэрокосмических средств, спутниковой телеметрии, дистанционного зондирования (ДЗЗ) и ГИС-технологий;

– совершенствование мер и правовых основ по охране природы, а также разработка системы мероприятий в области просвещения и образования;

– сохранение на Таймыре площади слабо трансформированных территорий, с достаточной для размещения уникальной таймырской популяции диких северных оленей. Компенсацией за нанесенный

ущерб природным пастбищам северного оленя должна быть более действенной охрана экосистем на заповедных территориях и в заказниках, создание «зон покоя» в местах массового отела, интенсивных миграций, гона, летней и зимней концентрации животных.

Проблема сохранения биоразнообразия на Енисейском Севере может быть решена только при экологизации хозяйственной деятельности всех природопользователей [4, 114], развитии многогранного сотрудничестве в области охраны и восстановлении экосистем, учете экологических требований при принятии социальных и экономических решений. Данная проблема отличается комплексностью и сложностью возможных решений, в которых существенный эффект могут дать лишь крупные программы: совершенствование технологий; выделение зон традиционного природопользования коренных малочисленных народов и законодательное ограничение на этих территориях разработки ископаемых; пропаганда необходимости реального вклада добывающих компаний в сохранение биоразнообразия для повышения их экологического имиджа и пр.

Должен быть составлен прогноз трансформации северных экосистем Енисейского севера и, в первую очередь, приарктических районов Таймыра в зависимости от воздействия промышленных предприятий. С целью ограничения воздействия антропогенных факторов, связанных с промышленным освоением региона, необходима обязательная экологическая экспертиза всех проектов промышленных коммуникаций и транспортных магистралей, разработка компьютерной модели региона и проигрывание на ней тех или иных вариантов управленческих решений для оценки последствий этих решений для населения и природной среды региона на ближайшую и отдаленную перспективу.

В современных условиях всевозрастающего антропогенного

и техногенного воздействия на природную среду именно ФГБУ «Объединенная дирекция заповедников Таймыра» может выступать ключевым звеном между сохранением арктических экосистем и социально-экономическим развитием Енисейского Севера в условиях интенсивного использования природных ресурсов Арктики. При наличии обширнейших заповедных территорий, разбросанных по всему Таймыру, произвести их охрану, изучение природных процессов и явлений да еще и интеграцию в социально-экономическую сферу деятельности региона без соответствующей централизованно работающей системы просто невозможно.

Опираясь на материалы III Международного Арктического форума 2013 г. («Арктика: настоящее и будущее»), можно сделать выводы, что наступает новый этап в освоении природных богатств Арктики и Субарктики. Он будет связан с переходом от очагового освоения к созданию целой цепочки территориально-производственных комплексов (ТПК). Крупнейшим ТПК в данных зонах будет Северо-Енисейский. Планируется развитие Северного морского пути и наземной транспортной схемы Таймыра. Учитывая этот факт, уже в ближайшее время необходимо принять меры, которые позволят свести до минимума влияние отрицательных антропогенных воздействий на окружающую среду в будущем. Сейчас необходимо предпринять шаги к интеграции заповедников не только Таймыра, но и всей Российской Арктики в социально-экономическую сферу региона, определить зоны сотрудничества заповедников для ведения диалога и осуществления совместной деятельности природопользователей и природоохранных организаций; заручиться соответствующей финансовой поддержкой совместных проектов устойчивого развития территорий.

Для этого необходимо создать ассоциацию заповедников, расположенных на территории Арктической зоны Российской Федерации.

Литература

1. Чернов Ю.И. Направления, состояние и перспективы отечественных исследований биологического разнообразия Арктики // Вестник РФФИ. – 2004. – № 1(35). – С. 5-35.
2. Матвеева Н.В. Таймыр как мини-модель Арктики // Тезисы Междунар. Симпозиума памяти В. Баренца. М., 1998. С. 224.
3. Колпащиков Л.А. Таймырская популяция дикого северного оленя (биологические основы управления и устойчивого использования ресурсов). Автореф. дис... на соиск. учен. степени д-ра биол. наук. Москва, 2000. 48 с.
4. Тишков А.А. Экологическая реставрация нарушенных экосистем Севера. М., 1996. 114 с.

**«Большая река» в системе жизнеобеспечения ульчей
и амурских нанайцев начала XXI в.**

О.В. Мальцева, кандидат исторических наук
*Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения РАН, Новосибирск*

Аннотация. Статья посвящена этноэкологическим проблемам Нижнего Приамурья. В работе рассматривается влияние изменений в амурском бассейне на жизненный уклад ульчей и амурских нанайцев. Начиная с эпохи неолита для жителей долины Амура русло «большой реки» являлось главной базой жизнеобеспечения. В конце XX – начале XXI в. Амур оказался в зоне глобальных климатических колебаний, спровоцировавших периоды обмеления реки и резкого подъема уровня воды (в 2013 г.), что сказалось на жизнедеятельности местного населения.

Ключевые слова: река Амур, ульчи, нанайцы, поселения, лососевый промысел, глобальное потепление, наводнение.

Река Амур является одной из крупнейших водных артерий. Амурская речная система по размеру площади (1855 км²) находится на 4-м месте в России и 10-м в мире [1, 544; 2, 18]. С глубокой древности по мелким и большим притокам к основному руслу спускались племена – выходцы из Восточной Сибири и Тихоокеанского побережья. Адаптируясь к местным условиям Нижнего Приамурья, они перенимали опыт коренного населения – представителей палеоазиатской языковой группы, заложивших основу амурской культуры ихтиофагов [3, 393-412; 4; 5; 6]. Нижнеамурские традиции базировались на добыче тихоокеанского лосося, ежегодно совершающего нерестовую миграцию из Охотского моря в большую реку. Добыча проходной рыбы осуществлялась с помощью разнообразных промысловых

средств, включавших колющие орудия, крюки, сети и лодки. Речная продукция не только употреблялась в пищу – из обработанных шкур рыб шили одежду, обувь.

Выделившиеся в XIX веке в составе нижеамурского сообщества ульчи и амурские нанайцы, представляющие этнические общности тунгусо-маньчжурского конгломерата народов, стали преемниками пласта рыболовецких традиций, восходящего к амурской древности. Сохранившееся у этих этнических групп самоназвание «Люди Большой Воды» (*мангбонайни*) указывает на их образ жизни, сложившийся как результат приспособления к нижеамурской среде [7]. Привязка местного населения к реке и развитие специализированного улова кеты и горбуши отразились в топонимике, в которой акцентируются детали речного ландшафта, связанные с особенностями рыболовецкого хозяйства. К примеру, название нанайского села *Нижние Халбы* означает «место, где притоняют», «место, где скапливается рыба». Ульчское село *Калиновка*, раньше называлось *Кадн* – «утес», название поселка *Синда* означает «выход из проруби», «неширокая протока», *Даерга (Даурга)* – «большая тонь», *Найхин* – «человек и река», *Сикачи-Алян* – «утес с озером» [8; 9].

Гидрологическая специфика местности определила характер поселений обитателей долины Амура. В районах нижеамурской низменности и равнины, где отсутствуют природные преграды для водных потоков, река способна размывать берега, заполняя пойменную часть. Надводные осередки (размытая подводная часть косы, покрытая растительностью) и разделение русла на рукава образуют речные острова, урочища, представляющие локальные экологические ниши. В мелких протоках (воложках), разделяющих острова, и пойменных озерах водятся определенные виды речной рыбы, моллюсков; по линиям фарватера и протоков проходят миграционные пути лососевых. Близость к рыбным ресурсам служила главным фактором заселения островной части амурского бассейна. Обитатели

малонаселенных замкнутых территорий, располагавшихся на островах, вблизи мелких притоков, могли самостоятельно вести хозяйство, осуществляя контроль за потреблением местных природных ресурсов. Временный характер поселений ульчей и нанайцев обусловлен изменчивым характером Амура. Поскольку дома таких стойбищ размещались в окружении воды, во время наводнения они часто подтоплялись, что вынуждало людей к переселению в более безопасное место.

К примеру, в 2008 г. в ходе экспедиционного обследования была осмотрена береговая часть с заброшенными селениями напротив нанайского с. Нижние Халбы. Были выявлены заметные следы природных катаклизмов – в результате подтопления образовалась размытая зона, оползни, что указывает на экологическую уязвимость таких районов. Но, несмотря на опасность проживания на таких участках, они отвечали всем требованиям промыслового хозяйства. Жители даже научились зону подтопления использовать во благо себе. Есть сведения, по которым в секции подтопляемого жилища делали запруду для осетров¹.

На протяжении многовековой истории освоения человеком территории Нижнего Приамурья водный режим реки неоднократно менялся. Ближе к устью, в низменной части, в русле находятся несколько протоков, разделяющих течение на старый (со старицами) и новый Амур, что является следами изменчивости контура речной долины и русла в связи с климатическими переменами в прошлом.

Согласно архивным данным 1872 г., в результате наводнения 1868 г., часть ульчских селений вокруг озера Кизи оказалась затопленной, и жители вынуждены были перебраться на Сахалин и в Императорскую Гавань [10, 31]. В ареале нанайцев большая часть поселений была уничтожена наводнением 1915 г. Утрата промысловых угодий заставила

---

¹ Полевые материалы автора (ПМА), с. Нижние Халбы, инф. Самар Л.Н., опр. 5.09.2008

рыболовецкие коллективы многочисленных островов переселиться на материк [10, 43].

В исторических документах начала XX в. Амур характеризуется как полноводная река. В 1901 г. на IV Хабаровском съезде по определению нужд Приамурского края были озвучены меры, связанные с благоустройством водного пути, в их числе упоминались расчистка и углубление дна, расширение фарватера. Проведение данных работ снижало риски подтопления речных террас, составлявших жилую зону. В отчете Комиссии даже приводятся примеры, в которых «большая река» рассматривается как часть морского пути. «Амур в своем нижнем течении настолько полноводен, что может быть доступен для морских судов до Хабаровска и даже до ст. Михайло-Семеновской. В 1886 г. до этой станции прошел капитан 2-го ранга Старк на канонерской лодке «Горностай». В 1894 г. совершил плавание до Софийска пароход «Тартар», зафрахтованный Амурским обществом пароходства и торговли для доставки из Бельгии частей пароходов Общества. Осадка парохода была 14 футов. Войдя в реку, пароход был нагружен водяным балластом до 18 фут. Это случай плавания океанского парохода по Амуру в осеннее время, в неясную погоду при полной неисследованности реки. Когда фарватер будет исследован, считать Нижний Амур частью морского пути» [11, 16].

К началу XXI века для ульчей и амурских нанайцев список факторов риска пополнился новыми природными катаклизмами, ставшими следствием интенсификации промышленного строительства в долине реки. Аборигенное население, живущее преимущественно лососевым промыслом, столкнулось с опасностью лишения своего традиционного источника пропитания. Загрязнение воды отходами производства и ненормированные лесозаготовки нарушили экологический баланс, являвшийся платформой жизнедеятельности коллективов с традиционным укладом. В 1990-е годы бассейн

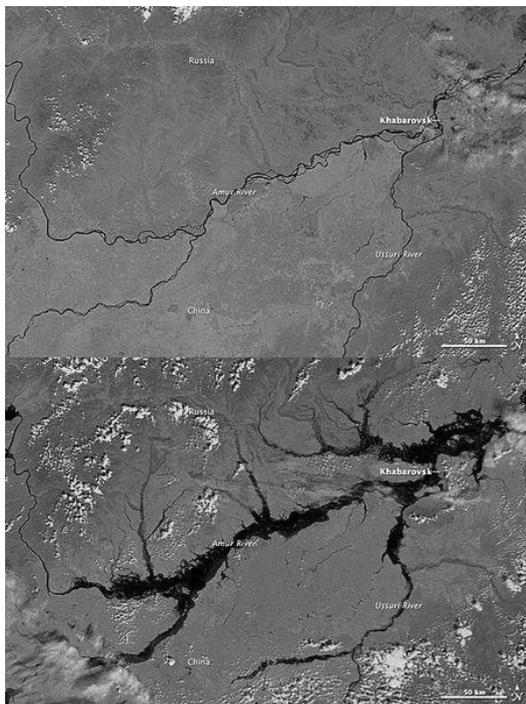

Рисунок 1
Снимок из космоса бассейна
реки Амур в августе 2008 и
2013 года
(спутник NASA Terra)
[источник:
<http://earthobservatory.nasa.gov>]

Амура проявил себя как индикатор антропогенного воздействия на природу не только регионального, но и глобального масштаба. В этот период зафиксированное во многих регионах планеты повышение средней температуры, по мнению ряда специалистов, вызванное высокой концентрацией парниковых газов в результате человеческой деятельности, пагубно сказалось на нижнеамурской биосистеме. С вырубками деревьев сокращение лесной площади спровоцировало обмеление ряда участков реки и привело к понижению влаги в атмосфере. Глобальное потепление с повышенной солнечной активностью усугубило ситуацию на Амуре, увеличив в летний сезон количество жарких, без осадков, дней и запустив череду лесных пожаров. Особенно критичным выдался 1995 год. Согласно наблюдениям, трехмесячная

летняя засуха привела к значительному понижению уровня Амура, что вызвало в нижней части реки усиленный рост водорослей с фенольными выделениями. Стадо летней кеты, попав в нагретую воду Амура, подверглось тепловому удару и отравлению фенолом. Берега ульчских сел Калиновка, Монгол, Булава были усыпаны тушами мертвой рыбы. Массовый замор кеты, горбуши, вызванный отравлением и повышением температуры амурской воды (миграция лосося проходит в нагретой не выше + 15° С воде), наблюдался и в других районах. Коренное население оказалось лишено главного ресурса своего существования [12; 13]. В результате продолжавшегося обмеления было нарушено водное сообщение между селами от Хабаровска до Комсомольска, что дополнительно осложняло местному населению традиционный улов кеты. Выработанная в экстремальных условиях тактика выживания нашла применение и в начале XXI века, когда экологическая ситуация на Амуре стала нормализоваться. Приобретенная установка – в случае стихийных бедствий рассчитывать только на свои силы, укоренилась в сознании жителей прибрежных селений. Десятилетнее проживание в отрыве от городских, краевых центров (по причине слабости судоходных путей) заставило многих рыбаков соотносить свое жилое пространство с микросредой, изолированной от внешнего мира. В ряде малых сел, расположенных вдоль Амура, переход на положение замкнутости спровоцировал самоорганизацию местного населения и возвращение локальной специфики хозяйства. В районах с компактным проживанием ульчей и амурских нанайцев местное самоуправление особенно заметно в организации жизненно важного лососевого промысла. На берегу Амура семьи интегрируются, распределяют между собой обязанности по улову и разделу рыбы. Отмечено возвращение устаревших технологий: вторую жизнь в хозяйстве обретают машины, мотоциклы и лодки образца прошлого века (примерно 1960-70-х годов). Болезненной темой в низовьях Амура остается пьянство, но в

селах, где единственное средство выживания – рыба, в сезон путины оно приобретает умеренный характер. Выслеживание кетового стада на середине реки, на которое уходит несколько дней и ночей, а также сам вылов, требующий силы, оперативности и хорошей координации, обязывают рыбаков быть в хорошей форме. Приобретенный опыт своевременной реакции на экологические изменения оказался успешно применен в 2011 г., во время аварии на японской АЭС «Фукусима», когда многие рыболовецкие конторы на Амуре столкнулись с трудностями реализации «зараженной» рыбы. В сложившихся обстоятельствах промысловики были вынуждены более тщательно подходить к процессу вылова рыбы: рыболовецкое оснащение дополнить дозиметром (для проверки улова на радиоактивность) и в промысловый рейд выходить с учетом направления ветра.

Происшедший в 2013 г. разлив Амура с подтоплением территорий явился повторением событий столетней давности (Рисунок 1)

В зоне затопления оказалась часть нанайских и ульчских сел, жители которых были вынуждены эвакуироваться в относительно безопасные места. Стихийное бедствие вызвало среди представителей коренных народов долины Амура не только страх превращения их в экологических беженцев, но и нанесло дополнительный ущерб их промысловому хозяйству. После разлива реки изменившийся контур ее русла и неустоявшееся течение влекут нарушение ритмов миграции лососевых. Последствия катастрофического наводнения еще предстоит проанализировать, но сегодня уже становится очевидным, что в разработке новой тактики адаптации к нестабильным природно-климатическим условиям коренное население должно учесть опыт предков, для которых «большая река» являлась не только основой жизни, но и зачастую олицетворением разрушительной стихии.

Литература

1. Амур (река в Азии) // БСЭ (Большая Советская энциклопедия). М.: изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1970. С. 544.
2. Глуздовский В.Е. Приморско-Амурская окраина и Северная Маньчжурия. Владивосток: типография «Далекая Окраина», 1917. 184 с.
3. Окладников А.П. Археология Северной, Центральной и Восточной Азии. [Избр. тр.]. Новосибирск: Наука, 2003. 664 с.
4. Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. СПб: Изд-во АН, 1899. Т.2 (этнографическая часть). 314 с.
5. Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. СПб: Изд-во АН, 1903. Т.3 (этнографическая часть). 145 с.
6. Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз, 1933. 740 с.
7. Смоляк А.В. Народы Нижнего Амура и Сахалина // Этническая история народов Севера. М.: Наука, 1982. С. 223-257
8. Бельды К.М. Водоворот. Тайны древнего Амура. Хабаровск: Изд-во Хабаровского Краевого Краеведческого Музея, 2005. 134 с.
9. Лопатин И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Владивосток: б.и., 1922. 371 с.
10. Смоляк А.В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. М.: Наука, 1975. 232 с.
11. РГИА: Ф. 119, оп.1, д.2 // IV Хабаровский съезд по определению нужд Приамурского края (Записки о грунтовых дорогах, водных путях, почте, организации метеорологических наблюдений), 1901. 61 л.
12. Десятков В.М. Эндозкологический фактор от последствий химического загрязнения реки Амур и воздействия лесных пожаров. – URL: <http://www.seu.ru/cci/lib/books/tehdeyat/sessial/04.htm> (дата обращения 18.04. 2013)

13. Месштыб Н.А. Трансформация традиционной системы природопользования у народов Нижнего Амура в XX в. // Этноэкологические исследования. Сб. статей к 80-летию со дня рождения В. И. Козлова / Редколлегия: д.и.н. Н. А. Дубова, к.и.н. Н. И. Григулевич, к.и.н. Н. А. Лопуленко, к.и.н. А. Н. Ямсков. М.: Старый Сад, 2004.

Традиционные формы природопользования колхозного крестьянства Коми АССР в 1940-е – 1950-е гг.

Д.В. Милохин, кандидат исторических наук
*Институт языка, литературы и истории Коми научного
центра УрО РАН, Сыктывкар*

Аннотация. В публикации приведены результаты исследования роли традиционных промыслов и неземледельческих занятий колхозного населения Коми деревни в материальном обеспечении семей крестьян в 1940-е – 1950-е гг. Показана их значимая роль, в сравнении с доходами от колхоза и личного подсобного хозяйства колхозников.

Ключевые слова: колхозы Коми АССР, материальное положение колхозного крестьянства, традиционные неземледельческие промыслы, советская аграрная политика в послевоенный период.

Важной особенностью в деле материального обеспечения колхозного крестьянства Коми АССР в 1940-е – 1950-е гг. было то, что значительный удельный вес в их натуральных и денежных доходах составляла доля от использования богатых природных ресурсов Севера. Прежде всего, имеются в виду такие промыслы, как охота и рыболовство, а также собирание грибов и ягод. Все добытое можно было использовать на собственные нужды, сдать государству или реализовать через систему потребкооперации.

На широкое использование традиционных неземледельческих промыслов крестьян толкало то, что доходы колхозников от работ в общественном хозяйстве были крайне невелики и имели в 1940-е – 1950-е гг. устойчивую тенденцию к сокращению.

Так, средняя денежная оценка трудодня в сельхозартелях Коми АССР в 1952 г. была равна лишь 63 копейкам [1], против 64 копеек в 1940 г. [2, 153], и 1 рубля 39 копеек в 1947 г. [3] (самого высокого

показателя оплаты за весь период 1946-1953 гг.). (см. таблицу 1).

Подобный уровень денежного дохода не мог обеспечить воспроизводство рабочей силы даже на биологическом уровне, т.е. в плане полноценного питания. Так, с 14 декабря 1947 г. в государственной торговле новая цена на килограмм ржаного хлеба равнялась 3 руб. 20 коп., пшеничного – 7 руб. 80 коп., килограмма сахара – 16 руб. 50 коп., растительного масла – 32 руб., стограммовая пачка чая стоила – 16 руб. [4, от 16.12.1947].

Таблица 1.

Средняя выдача колхозникам Коми АССР (без трактористов)
на один трудодень, включая выдачу по дополнительной
оплате труда в 1940-1958 гг.¹

Показатели	Ед. изм.	1940г.	1946г.	1948г.	1950г.	1952г.	1954г.	1956г.	1958г.
Зерно	кг	0,96	0,42	0,64	0,482	0,523	0,379	0,66	0,22
Деньги	руб.	0,64	1,31	1,18	0,92	0,63	1,86	2,63	4,79
Картофель	кг	0,4	0,05	0,208	0,031	0,038	0,108	0,089	0,035
Овощи	кг	0,016	0,08	0,345	0,11	0,007	0,257	0,09	0,02
Сено	кг	2,242	1,01	1,466	1,008	1,208	1,896	1,36	1,691
Солома	кг	0,773	0,14	0,228	0,312	0,033	0,063	0,122	0,054
Мясо	кг	0,009	0,05	0,02	0,0002	0,031	0,051	0,021	0,014
Молоко	кг	0,007	0,017	0,02	0,058	0,02	0,26	0,006	0,057
Масло	кг	-	-	-	0,0016	0,0005	-	-	-
Итого в денежном эквиваленте*	руб.	Нет св.	3,97	5,18	6,31				

* Исходя из стоимости определенного к выдаче на трудодень по

¹ Таблица составлена по данным: ГУРК «НАРК». Ф.140. Оп. 2. Д. 2688. Л. 4 об.; Там же. Д. 3822. Л. 7 об.; Там же. Д. 1441. Л. 38; Там же. Д. 3896. Л. 10 об.; Там же. Д. 3897. Л. 11, 27 об., 51 об.; Там же. Д. 3852. Л. 10; Ф. 408. Оп. 1. Д. 113. Л. 44 об., 93; Там же. Д. 1954. Л. 10; Сметанин А.Ф. Колхозы и колхозное крестьянство Коми АССР в предвоенные годы (1938–июнь 1941): Дис...учен. степ. канд. истор. наук. Сыктывкар, 1985. Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 359. Л. 153, 157, 158.

государственным розничным ценам и суммы денежного дохода.

Если исходить из данных о научно обоснованных нормах потребления пищевых продуктов трудоспособным мужчиной, занятым физическим, немеханизированным трудом средней степени тяжести, то необходимый годовой уровень потребления хлебных продуктов должен составлять 259,1 кг, картофеля – 109,5 кг, мяса – 91,2 кг, молока – 182,5 кг, масла сливочного – 12,7 кг, растительного – 7,3 кг, яиц – 365 шт., сахара – 36,5 кг и т.д. [5, 36]. Автором подсчитана приблизительная стоимость необходимого набора продуктов питания, исключая картофель, для третьего ценового пояса СССР, куда входила и Коми АССР. В ценах денежной реформы декабря 1947 г. она составляла 8852 руб. 42 коп. в год, или 737 руб. 70 коп. в месяц. В то же время средний денежный годовой доход от общественного хозяйства, полученный одним трудоспособным колхозником Коми АССР (без учета пола) в 1948 г., составлял всего 3,6 % от указанной суммы (322 руб. 14 коп.).

Недостаток денежных средств на покупку питания колхозникам могли бы восполнить натуральные выдачи на трудодень. Однако их реальные структура и размер не позволяли справиться с этой задачей. Как показывает таблица, из всех производимых колхозами продуктов на трудодни, в основной массе артелей Коми АССР распределялись лишь зерно, сено и солома. Несмотря на то, что средняя выдача зерновых на один трудодень несколько возросла – с 420 граммов в 1946 г. до 523 граммов в 1952 г., сена – с 1 кг до 1 кг 208 г граммов, она оставалась значительно более низкой, чем в довоенный период. В 1940 году в среднем по колхозам республики зерна было выдано 960 граммов, сена – 2,242 кг на трудодень. Выдача таких важных и необходимых для человека продуктов питания, как картофель и другие овощи, также оставалась символической. В среднем, на один выработанный трудодень в 1946 г. в сельскохозяйственных артелях

республики было выдано всего 50 граммов картофеля и 80 граммов овощей. Эти показатели значительно снизились к 1952 году, составив соответственно 38 граммов картофеля и 7 граммов овощей. Продукция животноводства и продукты ее переработки, такие, как мясо, сало, молоко, яйца, масло, сыр, сметана, являющиеся особенно ценными и полезными в пищевом отношении, фактически не выдавались.

Таким образом, в деле материального обеспечения колхозник не мог всерьез рассчитывать на доходы от своего труда в общественном хозяйстве, который оставался фактически бесплатным и подневольным. Основным источником жизнеобеспечения служило индивидуальное приусадебное хозяйство. Однако, в силу прогрессивного характера налогообложения и чрезвычайно высоких ставок денежных и натуральных выплат, оно не имело возможности эффективно развиваться. В результате в колхозах росло социальное напряжение. Из опасений утратить контроль над обществом и экономикой новое политическое руководство с 1953 г. было вынуждено пересмотреть приоритеты аграрной политики и повысить уровень материальной заинтересованности колхозников в результатах своего труда.

Прежде всего был изменен порядок исчисления сельскохозяйственного налога с личного подворья колхозников, который стал носить фиксированный, погектарный характер. Были снижены нормы государственных поставок. Середина 1950-х гг. стала временем расцвета приусадебных хозяйств колхозников Коми АССР. Однако, к сожалению, к концу 1950-х гг. вновь наблюдается усиление административных мер, направленных на ограничение ведения крестьянами собственного хозяйства. Рыболовство, охота, сбор ягод и грибов продолжали играть немаловажную роль в обеспечении семей колхозников.

Меры по снижению уровня эксплуатации колхозов привели к тому, что в последующие годы денежные выдачи на выработанные трудодни значительно возросли. Из данных, приведенных в таблице, следует, что

средний размер денежных выплат на трудодень в колхозах Коми АССР в 1958 г. был равен 4 руб. 79 коп. против 63 коп. в 1952 г., увеличившись, таким образом, за шесть лет в 7,6 раза. Темпы роста заработной платы в сельском хозяйстве в указанный период были поистине беспрецедентны даже в сравнении с промышленностью, традиционно опекаемой со стороны государства. Однако номинально зарплата крестьян была несравненно ниже оплаты труда промышленных рабочих и государственных служащих.

Если денежные доходы колхозного крестьянства от общественного хозяйства в период 1953 – 1958 годов выросли в весьма значительной степени, то этого нельзя сказать о размерах натуральных продуктов, выдаваемых на выработанные трудодни. Коренного улучшения дел в данной области не произошло. Нормы выдачи зерновых в артелях Коми АССР до 1957 г. оставались на том же уровне, что и в конце 40-х годов. Более того, в 1954 г. в среднем по колхозам республики на один трудодень было выдано всего 379 граммов зерна против 650 граммов в 1953 г., уменьшение составило более 40 %. Всего за период 1953 – 1958 годов зерновая составляющая трудодня сократилась в три раза. Это происходило в связи с сокращением полеводства и усилением мясомолочной специализации производства в колхозах Коми АССР в рассматриваемый период.

То же самое можно сказать и о других продуктах полеводства, распределявшихся на трудодни. В среднем за шесть лет (1953-1958 гг.) на один трудодень в колхозах Коми АССР было выдано: 70 граммов картофеля, 136 граммов овощей, 108 граммов соломы, 1,7 кг сена. В 1940 г. было выдано: 400 граммов картофеля, 2,242 кг сена, 773 грамма соломы. В этот период колхозники получали в среднем на трудодень лишь 26 граммов мяса и 35 граммов молока.

Если подсчитать и сравнить стоимость одного трудодня в денежном эквиваленте, исходя из общей оценки по государственным розничным ценам выданных натуральных продуктов и его денежной

составляющей, то рост реальных доходов крестьянского населения от работ в колхозе за шестилетний период реформ уже не будет выглядеть столь впечатляющим, как тогда, когда речь шла о выдаче только финансовых средств. В 1958 г. общая стоимость трудодня в артелях Коми АССР равнялась 6 руб. 31 коп. против 3 руб. 97 коп. в 1954 г., то есть рост совокупных доходов колхозного населения в денежном выражении был менее чем в два раза. Проблема материального стимулирования труда в колхозах оставалась нерешенной, и колхозники прибегали к альтернативным источникам материального обеспечения – традиционному природопользованию.

Больше всего финансовых средств среди данного рода занятий могла принести заготовка пушнины и отстрел хищников. Ежегодно наряду с профессиональными охотниками-промысловиками в лес выходили и тысячи «любителей», в массе своей – колхозников [4, от 2.02.1955]. Любой сельский житель, получив лицензию и оплатив государственную пошлину в 10 рублей, в свободное от работы в колхозе время мог стать индивидуальным заготовителем меха. В 1956 г. в республике насчитывалось около 7000 охотников-любителей [4, от 28.08.1956]. Государство в лице Коми-республиканской конторы «Заготживсырья», относительно щедро расплачивалось за ценный, «валютный» мех («мягкое золото») деньгами – сразу и наличными. Это обстоятельство было особенно привлекательным для большинства колхозников, чьи доходы от «общественного хозяйства» не вызывали ничего, кроме чувства горечи.

Ресурсы северной республики позволяли в те годы вести широкий промысел таких ценных пушных зверей как горностай, песец, куница, лиса, норка, выдра. Добывались животные и с менее дорогим мехом: волк, рысь, медведь, россомаха, заяц, белка. Сдача меха государству могла приносить неплохой доход. Так, например, колхозник артели «Красная звезда» Кожвинского района в 1952 г. сдал государству пушнины на 2783 рубля, что было значительной суммой, особенно если

сравнивать ее с уровнем оплаты труда в сельском хозяйстве. Колхозники Н.В. Беляев и И.С. Филиппов артелей им. Ленина и им. Чапаева того же района, только за январь 1953 г. добыли, соответственно, по 72 горностаю, 5 лисиц, 1 полярного волка и 68 горностаев, и 8 лисиц [4, от 28.01.1953]. Колхозник В.Н. Беляев артели им. Ленина села Петрунь Интинского района в 1954 г. сдал государству 24 шкурки песца и много другого меха, за что выручил 7 тыс. рублей [4, от 2.02.1955]. С другой стороны, соответствующие столь «деликатному» виду добычи боеприпасы были большим дефицитом. Охотникам приходилось заменять мелкую дробь на крупную, войлочные пыжи на мох или бумагу, все это губительно сказывалось на качестве добываемых шкур, а, следовательно, и на доходах колхозников.

Колхозам республики, особенно оленеводческим, ежегодно наносился значительный ущерб от потравы скота хищниками. Государство, в целях уменьшения вреда от последних, материально стимулировало отлов и отстрел волков, росомых и медведей. Кроме стоимости шкуры, охотник получал денежную премию за сам факт уничтожения хищного животного. Размер премий был довольно высоким. Так, в Коми АССР за убитого волка государство выплачивало 500 рублей, за медведя – 112 рублей, за росомуху – 75 рублей [4, от 31.07.1954], причем охота на них разрешалась в течение всего года. Были случаи, когда волки появлялись даже в городской черте столицы республики Коми – Сыктывкара [4, от 18.01.1955].

Состав питания колхозников, судя по неполноценной структуре и низкому размеру выдачи на трудодни и недостаточно развитому личному подворью, в рассматриваемый период носил явно нездоровый характер. В рационе ощущался острый дефицит растительного и животного белка, жиров и витаминов. С целью его улучшения, вне рамок промысловой охоты, сельские жители, имевшие такую возможность, широко добывали в лесу ценную в пищевом отношении боровую и водоплавающую дичь: глухарей, тетеревов, куропаток,

рябчиков, диких гусей и уток. Также для нужд питания, в целях обеспечения своих семей мясными продуктами, велась охота и на крупных животных, таких как лось, олень.

Важную роль в доходах колхозной семьи, в условиях Коми АССР, играло рыболовство. В реках республики (Печора, Цильма, Ижма, Уса, Вычегда), промыслом было охвачено 27 пород рыб (в т.ч. 9 лососевых) [6, 51], таких как семга, нельма, хариус, сиг, омуль, пелядь, чир, ряпушка (зельдь), северодвинская стерлядь, щука, налим, язь, окунь, лещ, карась, плотва, ерш и др. [4, от 19.05.1954]. Река Печора богаче лососевыми рыбами, а Вычегда – карповыми. Отлов рыбы производился как колхозными бригадами, так и индивидуально. Улов можно было сдать за деньги. При этом необходимо добавить, что особо ценные виды рыб были запрещены для отлова «любителями». Кроме того, индивидуальным рыбакам нельзя было легально пользоваться некоторыми особенно эффективными видами рыболовных снастей [4, от 22.03.1957].

Полезным продуктом питания с высоким содержанием растительного белка являются грибы. В сезон сбора (конец лета - начало осени) колхозники выходили на их заготовку целыми семьями. Грибы можно было продать, а также заготовить для собственных нужд. Грибы солились или высушивались и в таком виде были годны для употребления в течение всего года.

Недостаток в жизненно важных витаминах, отсутствие в рационе различных фруктов жители деревни компенсировали сбором лесных и болотных ягод. Клюква, морошка, брусника, черника, шиповник, малина, смородина заготавливались в больших объемах, тем более, что для консервации многих из них вовсе не требовался дорогой сахар, достаточно было просто замочить ягоды водой, высушить, или заморозить.

К сожалению, автор не располагает точными сведениями о реальных размерах потребления указанных даров природы колхозными

семьями и о динамике его изменения в рассматриваемые годы по той причине, что в Коми АССР бюджетные обследования крестьянских хозяйств не проводились, однако можно вполне обоснованно предположить, что в условиях низкой натуральной и денежной оплаты труда в сельском хозяйстве, жестких ограничений на развитие личного подворья, доля их в структуре питания занимала не последнее, а вероятнее всего – почетное место. Недаром в республиканской печати высказывалась озабоченность тем, что массовый уход женщин на сбор грибов дезорганизует уборку хлебов в колхозах республики [4, от 25.08.1956]. По данным О. В. Артемовой, в военные и первые послевоенные годы семьи колхозников Европейского Севера тратили на рыболовство и лесные промыслы в два раза больше времени, чем на приусадебное растениеводство [7, 15].

Таким образом, заготовка пушнины, дичи, грибов, ягод могла в достаточной мере обеспечить колхозников не только некоторыми денежными средствами, но и необходимыми продуктами питания, материалом для пошива теплой зимней одежды. Можно сделать вывод, что даже суровая северная природа помогала сельскому населению выживать в еще более лютых условиях колхозной системы. С другой стороны, такой возможностью не могли располагать все колхозники. Часть из них проживала в местности, не изобиловавшей дичью и рыбой, мужское население, как правило, искало более стабильный доход, уходя на заработки в промышленность (прежде всего – в лесную), женщины были заняты работой в индивидуальном хозяйстве, воспитанием детей; в конце концов, могла сказываться и нехватка времени – выполнение годового минимума трудодней в колхозе являлось строгой обязанностью колхозника. Эти деструктивные факторы и обусловили тот факт, что крестьяне не могли полностью обеспечить себя только за счет традиционных природных промыслов. Их материальное положение продолжало оставаться неблагоприятным.

Литература

1. Государственное унитарное предприятие «Национальный архив Республики Коми». Ф. 140, Оп. 2, Д. 3852, Л. 10.
2. Сметанин А. Ф. Колхозы и колхозное крестьянство Коми АССР в предвоенные годы (1938–июнь 1941): Дис...учен. степ. канд. истор. наук. Сыктывкар, 1985. Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 359.
3. Государственное унитарное предприятие «Национальный архив Республики Коми». Ф. 408. Оп. 1. Д. 113, Л. 10 об.
4. За новый Север [газета] (с 1954 г. – Красное знамя).
5. Старовойтова Н. А. Формирование и распределение фонда потребления в колхозах. Минск, 1978.
6. Шишкин Н.И. Коми АССР. Сыктывкар, 1959.
7. Артемова О.В. Крестьянский двор на Европейском Севере (вторая половина 1930-х – 1940-е гг.). Автореф. дисс... канд. истор. наук. Вологда, 1997.

Правила бережного экологического природопользования народа манси

Т.Д. Слинкина

*Обско-угорский институт прикладных исследований
и разработок, Ханты-Мансийск*

Аннотация. В мансийском мировосприятии изначально Всевышним отцом на Земле была создана природная среда, благоприятная и безопасная для жизни живых существ. Когда у растительного мира стабилизировался биологический статус, на Земле постепенно появились живые существа, а затем и человек. Поэтому манси всегда стремятся к гармонии с Матерью-Природой, им легче строить свою жизнь по её законам. С древности основой их жизни является кредо: всё живое во мне, и я во всём.

Ключевые слова: Мировосприятие, самосознание, мироздание, окружающая среда, природа.

В мансийском мировосприятии изначально Всевышним отцом на Земле была создана природная среда, благоприятная и безопасная для жизни живых существ. Когда у растительного мира стабилизировался биологический статус, на Земле появились живые существа, а затем и человек. От мировоззрения и самосознания человека зависел весь его жизненный процесс, полностью зависящий от окружающей среды, другого не дано.

Духовно-мифологическое верование северных народов, в том числе и народа манси, чаще называют языческим. Это самое древнее верование на земле, которое исходит и основывается на законах Мироздания, Земли, Матери-Природы и всего, что создано Всевышним. Если бы малочисленные древние этносы не жили в согласии с основными вселенскими законами и не соблюдали бы главные

правила сосуществования, они исчезли бы в небытие многие века тому назад. На естественном сознательном уровне они не допускали мысли противодействовать правилам взаимного сосуществования со всем, что их окружает. И поэтому вписывались естественным образом в круговой цикл природы, как один из составляющих и связующих элементов бытия, созданного *Нуми Тõрумом* – ‘Богом’. Осквернять, и разрушать созданную им среду, человеку запрещено. Каждый человек рождается по предназначению Бога. Если он не будет беречь, а осквернять то, благодаря чему он прожил свою земную жизнь, с каким лицом и совестью он явится после кончины к *Нуми Тõруму*?! В мансийском веровании после смерти одна из душ человека возвращается к *Нуми Тõруму* для продолжения жизни в духовном состоянии, как ангел-хранитель для своих живущих родных. За свои скверные дела и поступки в отношении людей и природы его душа не будет принята Создателем, и это отразится страданиями на его близких родственниках.

Так, согласно данному предназначению и естественному инстинкту самосохранения, в течение тысячелетий малочисленный народ манси в прошлом всегда жил в окружении естественной природы. Традиционные деревеньки состояли всего из одного или нескольких домиков и находились на большом удалении друг от друга, но современные поселения расположены несколько иначе. Весь жизненный цикл семьи и рода любого поселения в прошлом полностью зависел от природных ресурсов прилежащего микрорегиона и сезонного цикла года. И физиологически, и психологически таёжным жителям трудно было адаптироваться за пределами естественной природы; с древности они постигли и сохранили на генном уровне главный смысл жизни и истину своего верования: жить в мире с природой, не подниматься над ней, а жить в ней. В прошлом, да и всегда они стремятся к гармонии с Матерью-Природой, им легче строить свою жизнь по её законам. С древности основой их жизни

являлось кредо: всё живое во мне, и я во всём. Это и был осознанный природосберегающий порядок бытия, который состоял из двух слов: *ат тайи* 'нельзя, запрещено', *рѳви* 'можно, позволено'. Эти два понятия уравнивали внутренний мир и сознание человека с внешним миром. То есть, от мировоззрения и самосознания человека зависел весь его жизненный процесс, полностью зависящий от окружающей среды. Другого не дано. На основе древнего духовно-мифологического верования намного позднее сформировались православие, буддизм, ислам, католицизм, протестантизм и многие другие религии. На современном этапе в их уставах и правилах сохранились и древние основы языческого верования.

Творения высшего Бога *Нуми Тѳрума*: живой дух огня, воды, леса, отдельного дерева, камня. Их много. Они все живые, они всё видят, они всё могут. Молитва сама приходит к человеку тогда, когда он хочет помочь себе или другому человеку, оленю или собаке. Человека окутывало лесное безмолвие мистическим очарованием, сливая всё вокруг воедино: тело и душу, разум и веру, небо и землю [3, 87, 88, 90].

Вся жизнь была распределена согласно сезонным периодам годового цикла природы, что чётко отражено в древнем мансийском лунном календаре [2, 368-372]. Что-то перепутать или забыть в жизненном и хозяйственном процессе невозможно. Согласно данному календарному циклу распределялись и соответствующие прилежащие участки микрорегиона между хозяевами угодий, где строго соблюдался сезонный покой природы. Во время зимних промыслов весенние, летние, осенние угодья оставались нетронутыми. Природа восстанавливала то, что было использовано человеком. Животный мир в такие сезоны перемещался также в тихие места. Хозяева угодий знали, где телятся лоси, дикие олени, вблизи этих мест запрещено было появляться до наступления сезона охоты. Священный дух-хозяин леса лишал промысловой удачи любого нарушителя, страдала семья, род от недостатка. Вымолить прощение можно было только с помощью

сильного *няйт*а – ‘шамана’ и соответствующего обряда поклонения.

Основные места гнездования водоплавающих птиц берегли под строгим запретом. Охотились на них только тогда, когда к осени выводки поднимутся на крыло и начнут собираться в косяки для перелёта на юг. Собак брали с собой только в сезон охоты, весной и летом их не брали в лес, чтоб не беспокоили и не загрызали молодняк у диких животных.

Весной, когда зацветал шиповник, ездили на озёра за карасями. Во время хода рыбы на нерест старались не ездить по реке, возле воды не разводили костры. В период массового отёла домашних оленей собак к стаду не подпускали, чтобы не беспокоить маток и телят. На одни и те же олени пастбища возвращались только через 15 лет, за этот период восстанавливался ягельный покров – корм для оленей. Современным оленеводам в соседстве с техногенными зонами приходится этот срок сокращать. В результате из-за нехватки кормовой базы оленеводство из жизни северян уходит в прошлое.

Экологический порядок соблюдался повсеместно, где бы ни находился человек, что соответствовало его духовному этикету. Он начинался с территории поселения. Придомовая зона всегда содержалась в порядке и чистоте, у каждой хозяйственной принадлежности было своё место. При экстренной необходимости каждый член семьи и селения знал, где и что находится. Нечистоплотных и нерадивых хозяев и их дом Святые духи-покровители рода покидали, ухудшалось здоровье и психологический контакт членов семьи, исчезало благополучие.

Хозяйственный процесс был практически безотходным и экологически чистым. Придомовой участок и окрестности селения не засорялись всевозможными отходами. Из высушенной рыбьей чешуи и потрошков зимой варили холодец. Из отпавших оленьих рогов антелеров варили влагостойкий клей для подклейки охотничьих лыж-подволоков камусом от лосиных ног. Рога животных не разбрасывали, всегда находили им применение. Из них вырезали детали для скрепления

частей упряжи оленей, герметичные ёмкости для пороха, капсюлей, ручки для плотницких инструментов, разные колотушки и выбивалки для применения в быту, обработки шкур животных.

Современные железные банки из-под консервов применяют как ёмкости под мелкие детали и гвозди, их жёсть идёт и как крепёж для деревянных изделий, как «заплатки» на трещины деревянных лодок и оленьих нарт. Пластмассовые бутылки применяют как грузило для сетей, вырезают совочки для разного применения, сооружают сточные «шланги» для воды. В хозяйстве промысловика всё находит применение.

Дикоросы собирали только в том количестве, которое было необходимо до нового урожая. Из года в год оставляли какой-либо участок нетронутым для прокорма диких животных, птиц, чтобы сохранился и увеличивался их молодой приплод. Ягодники и места сбора грибов, где нынче выбрали урожай, для восстановления ресурса на следующий год оставляли нетронутыми.

Для сохранения здоровья семьи на весь год запасались калорийные витаминные продукты, т.к. иммунитет человека полностью зависел от питания и экологических условий жизни человека.

При убое оленей или диких животных обязательно проводились обряд и молебен с просьбой о прощении у души животного. Отходов никаких не было и не должно быть. Всё находило применение. Шкуры шли на пошив одежды, обуви, упряжных сыромятных ремней для оленей, лошадей. Из свежей крови, смешанной с мукой пекли сытные и калорийные лепёшки. Сушили или коптили мясо оленя, лося. В межсезонье, когда нет свежего мяса, из заготовленного впрок варили супы, брали его в дальнюю дорогу. Охотнику, рыбаку, ягоднику – это быстрый и сытный завтрак в пути, а для детей и гостей – лакомство и угощение. Современные хозяйки умеют консервировать мясо и рыбу, любые дикоросы.

Раньше лозьвинские манси для хранения бруснику и клюкву

смешивали с мукой из толчёных рыбьих костей и рыбьим жиром. Получалась противочинготная, витаминная каша – *сурвяка* [1, 69]. Современные исследования показали, что кухня северян, которую иногда считают примитивной, – самая экологически чистая, калорийная и адаптированная для организма человека, живущего в экстремальных климато-географических зонах.

К сожалению, сейчас речки засорены химикатами, манси чистую, здоровую рыбу, какая была до нефтеразработок, не видят годами, здоровье ослаблено привозными продуктами, нарушенной экологией в техногенных зонах, крупных городах и посёлках.

Для корма собакам зимой заготавливали *ёхыл* (сушёная частичковая рыба), высушивали для них рыбы кости с головой, оставшиеся после удаления филе. Здоровые собаки-помощницы – основа благополучия семьи охотника.

Сыгвинские и сосвинские манси подсушенное филе рыбы и обжаренное в собственном жиру хранили в берестяных ёмкостях с рыбьим жиром, такое блюдо называлось *хорщак*. Это было прекрасным средством, оберегающим малых детей от рахита, взрослых от авитаминоза, анемии и цинги. Такая естественная экология питания была в течение долгих веков.

Использованная труха, которую строгали из старого сухого ивняка для мансийских детских люлек, сыпалась у лесной опушки под определённое дерево. Износившуюся одежду подвешивали на ветки деревьев возле селения. Изношенная обувь, старые травяные стельки также уносились в лес в строго отведённое место, т. к. брошенная в селении обувь, валяющаяся старая одежда (особенно женская) превращалась в *п̄выл ёр ут* ‘деревенских злых духов’. Они могли вселиться в человека, чем ослабляли его изнутри, вызывая болезни. Бытовой мусор закапывали или сжигали, для жидких отходов также было отведено своё место.

После захода солнца не рубили дрова, не шумели на улице, чтобы

не беспокоить окружающую природу и её обитателей, которые также нуждаются в отдыхе. Ночью вокруг жилья появляются непрошенные злые духи, вызывающие страхи, болезни, беспокоящие и домашних животных (собаки чувят их, лают, воют, оленей распугивают). Поэтому после заката и по воду не ходили, иначе можно вместе с водой принести в дом и нечистого духа. В доме будут болезни, несчастья, неудачи.

На дрова для топки собирали только сухостой, но разбитые молнией деревья не принято трогать и сейчас. Летом очищали окрестный лес от упавших гнилых деревьев, использовали его для дымокура, который спасал от летающих насекомых людей и домашних животных (собак, оленей, коров, лошадей).

Чтобы берега рек не разрушали паводковые воды, вблизи побережья лес никогда не рубили. В окрестностях поселений и на промысловых песках при спаде воды очищали берега от упавших деревьев, топляков, коряг, принесённых водой. Всё использовали на дрова.

Вода – это жизнь. «Оскверняющий грязью светлые воды источника лишает себя жизни». В воде манси видели начало всему, а сами реки считали Священными. И у каждой реки или её притока всегда имеется Святой покровитель её территории, также Дух-хозяин его вод. Никакой мусор, грязь или помои не сбрасывали в реку. Садясь в лодку, всегда просили молитвенно разрешения у Хозяина реки для удачного пути и промысла. Если впервые попадали на какую-либо реку, озеро, то бросали монетку в подарок Хозяину. Держали также в чистоте покосы вдоль рек, озёр, вырубали ненужную поросль.

Когда была необходимость в древесине для постройки дома, лодки, нарт, вёсел и других хозяйственных нужд, обязательно просили молитвенного разрешения у Духовного Хозяина леса, просили прощения у каждого живого дерева перед рубкой. Согласно верованию, в деревья вселяются души умерших людей.

По весне для покрытия хозяйственных времянок и навесов снимали с берёз много бересты и кору с елей в тех местах, где переросшие

деревья заглушали молодую поросль. К осени эти деревья подсыхали, и их спиливали на дрова. Этим освобождалось пространство для молодого леса.

Считается, что у каждого представителя природы, живого и неживого, есть душа, которая на тонкоэнергетическом уровне контактирует с душой человека. Современные физики объясняют эти взаимные контакты с помощью торсионных полей, содержащих большой объём информации. Например, отдельные камни или целая гора имеют особый уровень торсионных полей, который человек чувствует подсознательно. Поэтому в некоторых зонах на природе у человека возникает необъяснимый страх, беспокойство, волнение, дискомфорт, и поэтому он бывает вынужден быстро покинуть эти места. Но в другом месте он чувствует полный душевный покой и комфорт. Камни, деревья, почва, трава – всё, что создано Богом, – всё живое, а значит, они чувствуют такую же боль при насильственном разрушении, как и все живые существа. «Поэтому они берегут деревья, очень сожалеют и даже скрывают, что убивают медведя, а когда убьют, закрывают ему глаза, чтобы он не отомстил охотнику. Душа есть у всех. Это такой порядок. Такой порядок появился очень давно, и духи предков хранят его. Без такого порядка люди жить не могут» [3, 103].

Особым статусом оберега свыше наделены Священные природные территории, хозяином которого всегда является Святой покровитель высшего духовного статуса. Священные вершины гор, хребты, озёра, мелкие притоки больших рек и т.д. – это аномальные, но, в то же время, своеобразные зоны сохранения генофонда флоры и фауны без уродливых мутаций. Здесь могут расти редкие виды растений и деревьев. Территории, куда не ступает нога человека, были и естественными резерватами для размножения животных. По мере размножения они расходятся по окрестным территориям. Если во время охоты преследуемое животное, если и ранено, пересекает границу Священной территории, охотник уходит ни с чем. Переходить эти

границы запрещено, потому как не безопасно. Человек может тяжело заболеть или ещё хуже – исчезнуть навсегда, т.к. в этих микрорайонах своё измерение времени и пространства.

В руслах судоходных рек есть также Священные участки, по ним проезжают только по фарватеру, не касаясь донного грунта ни вёслами, ни винтами моторов. Прибрежная зона также неприкосновенна для человека. В таких участках нерестятся разные рыбы, но каждая порода в свой сезон года. Здесь имеются для них необходимые условия, особый корм и режим покоя для воспроизводства потомства. Таким образом, наши Святые покровители помогают народу манси сохранять чистым генофонд флоры и фауны нашего сурового северного края, ибо она очень хрупкая и ранимая.

Общая земля – это ничья земля. По сравнению с началом XX в., когда у каждого угодя был хозяин, за период советского и постсоветского общественного беспощадного природопользования со стороны госпредприятий оскудели и горы, и леса, и реки, и озёра. Хрупкая природа Севера не в состоянии устранять последствия бесхозяйственного отношения к ней человека. Манси, ханты, ненцы, коми, русские остались без естественной среды природопользования и проживания.

На современном этапе с распространением разных форм атеизма, разрушающих основы естественного бытия, при насильственном и ускоренном внедрении в жизненный уклад северян принципов новой цивилизации, коренные жители отошли от извечных принципов сосуществования с природой. В результате основная часть среднего и молодого поколения манси лишилась естественной среды сосуществования с природной средой, а, значит, и с Мирозданием в целом. Природосберегающие законы верования и этика взаимоотношения с Матерью-Природой нарушены тотальным атеизмом советских времён. А современное варварское уничтожение всего живого в местах промышленных разработок окончательно отлучает коренные

малочисленные этносы Югры от естественной среды их жизни.

Литература

1. Михалевич С.И. Хозяева Уральских гор. Пермь: Гармония, 2009. 156 с.
2. Слинкина Т.Д. Мансийские оронима Урала: научное издание. Ханты-Мансийск: ОАО «Издательский дом «Новости Югры», 2011. 480 с.
3. Тимофеев Г.Н. Тайны сибирских шаманов. Из истории шаманизма Югорского края. Сургут: Редакция журн. «Югра», 1906. 112 с.

**Традиционное (номадное) животноводство коренных народов
Забайкалья: история и современность**

Ц.Ц. Чойропов, доктор социологических наук

*Восточно-Сибирский государственный университет технологий и
управления, Улан Удэ*

Аннотация. В статье раскрыта проблема возрождения традиционных хозяйственных укладов как один из путей повышения эффективности производства сельскохозяйственной продукции. Воспроизведены взгляды и мнения известных в прошлом ученых-путешественников о значимости номадного животноводства в жизни коренных народов.

Ключевые слова: традиционное животноводство, генофонд номадных животных, животноводство как часть национального наследия народов.

Возрождение традиционного животноводства является в сложившейся ситуации одним из выходов для повышения эффективности производства сельскохозяйственной продукции. Актуальность возрастает в связи с тем, что животноводство является частью национального наследия народов Забайкалья.

Подножный пастбищный корм – основа существования аборигенных животных. При стадном образе жизни они постоянно находятся в передвижении, что обусловило появление сложных экологических связей между животными и растительностью. За десятки тысячелетий совместной жизни растения и номадные животные прекрасно приспособились друг к другу. Природа всегда подсказывала человеку способ и формы ведения хозяйства. Растения и животные, как и сам человек, – результат длительной эволюции биосферы, и задача хозяйственной деятельности человека не в ломке и изменении

законов этой эволюции, а в их постижении и приспособлении к ним.

В свете сказанного интерес представляют взгляды и мнения известных в прошлом ученых-путешественников о традиционном (номадном) животноводстве коренных народов Забайкалья.

Русский путешественник и географ Николай Спафарий, посланный русским царем в 1675 году в Китай, в ходе посольства проделал огромный путь по Сибири, Забайкалью, ему удалось собрать много ценных сведений. Так, неторопливо он записывал на привале: «...юрты у братьев войлочные, а платья носят по-калмыцки, и скота всякого – коней, коров и овец – много».

Во время поездки в Китай, с 1692 по 1695 год, другой путешественник, голландец Эверт-Избрант Идес, тоже русский подданный, изо дня в день вел путевой дневник, в который записывал все, что его интересовало — свои впечатления от увиденного, о чем узнавал от местных жителей. Собирал сведения о природе, истории, горячих источниках, необычных камнях, и т.д. Он писал: «Буряты очень богаты скотом – в особенности быками и коровами, у которых очень длинная шерсть и совсем нет рогов...»

Швед Лоренц Ланг поступил на службу к Петру Великому в 1712 году. Шесть раз исполнял дипломатические миссии в Китае. У него есть работа под названием «В беглых путешествиях через Россию». Путешественник тоже был поражен обилием скота у местных жителей. «Они очень богаты лошадьми и скотом всякого рода, – писал посланник российского императора. – Если кто-нибудь из них имеет 500 лошадей и соответствующее количество другого скота, то это не считается особенно значительным».

Немец Гмелин-Иоанн-Георг, естествоиспытатель, этнограф, путешественник, исследователь Сибири и Урала, состоял на службе в Российской Академии Наук. В 1751—1752 годах вышло «Путешествие по Сибири» в четырех томах на немецком языке. Путешествуя по Забайкалью от Селенги до Шилки и Аргуни в 1735 году, ученый

отмечал: «...они живут исключительно скотоводством. В особенности славятся бурятские быки; я видел несколько таких волов, которые ничуть не уступают черкасским», «...главнейшее богатство бурят заключается в скоте – лошадях, быках, овцах и козах».

Паллас Петр-Симон, приглашенный Российской Академией Наук из Берлина, побывал в центральных губерниях, районах Поволжья, Прикаспийской низменности, Урала, Западной Сибири, Алтая, Байкала и Забайкалья. В марте 1772 года Паллас с отрядом отбыли из Красноярска. Через Иркутск по льду Байкала они добрались до Селенгинска (ныне Новоселенгинск), затем до Кяхты. После возвращения в Селенгинск Паллас посетил Даурию. «...На прекрасных степях Даурии между реками Онон и Аргунь, где много солончаков, а снега выпадает так мало, что пастбища остаются открытыми в течение всей зимы, разводятся такие овцы, которые превосходят самых больших киргизских овец и могут считаться крупнейшей породой овец», – писал путешественник.

Все в Забайкалье благоприятствует животноводству и благополучию людей: территория, рельеф местности, водные ресурсы и климатические условия. Восточное Забайкалье полностью находится в зоне влияния восточно-азиатского муссона. С ранней осени до начала весны в Забайкалье устанавливается устойчивый антициклон, погода сухая, ясная, бесснежная. «Скотоводство у бурят-монголов все еще является самым значительным и наиболее обычным видом хозяйства, – писал Паллас. – Так как в Бурят-Монголии бывает продолжительная и суровая зима, то зимой стада кое-как перебиваются. Несмотря на это, бурят-монголы оставляют стада на произвол природы и не беспокоятся о том, чтобы заготовить запас сена для зимы. Только для ягнят сберегается незначительное количество корма».

В экспедиции академика Палласа участвовал ботаник и этнограф Георги Иоган-Готлиб. Прибыл в Россию по приглашению Императорской Академии наук и художеств. Занимался исследованием

Поволжья, Среднего и Южного Приуралья, Западной Сибири, Прибайкалья, Даурии. В 1772 году Георги составил карту Байкала, первым высказал предположение о тектоническом происхождении озера. Изучая природу Прибайкалья, учёный составил детальное описание его флоры и фауны, собрал гербарий редких растений, собрал сведения о рыбном промысле на Байкале.

Итогом этнографических исследований Георги стало подробное иллюстрированное описание народностей, населяющих Россию. Этот труд вышел в Санкт-Петербурге в 1776 – 1780 годах на немецком языке. Частично он был переведён на русский и вышел под заглавием «Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей».

Пораженный обилием скота у бурят, Георги отмечал: «Они умеют так использовать скот, что семья, имеющая 20 голов всякого скота, может иметь пропитание, а имеющая 50 голов – жить довольно зажиточно». «Мой хозяин был капиталистом, – продолжал он. – Его табуны состояли из 500 лошадей, такого же количества овец, 300 голов рогатого скота. Кроме того, у него было некоторое количество верблюдов и коз...» Отсюда видно, что знакомый Георги имел пять видов скота, которые и должен был иметь каждый бурят-забайкалец.

Скот пяти видов вырубал забайкальцев даже в годы великих потрясений и испытаний. В летописи хоринских бурят Тугулдура Тобоева можно найти и такое признание: «Еще около 1790 года произошел голод, и скот хоринских бурят вышел в расход. Они обнищали, и некоторые своим оставшимся в живых скотинам делали кровопускание и питались кровью...».

В середине XIX века, по поручению Петербургской АН, в Забайкалье побывал знаменитый финский лингвист и ученый Александр Матиас Кастрен, который оставил для нас бесценные свидетельства. Он отмечал: «...в редких случаях бурят бывает настолько беден, что не

имеет нескольких коров и овец, ибо при неимении их ему нечего было бы есть, не во что одеться...». Добавил дальше: «...чашка кирпичного чая, сваренного с молоком, стегно жареного барана, сыр и молоко готовы для всякого в каждой юрте».

Здоровые животные – здоровые люди и крепкое потомство. Так полагали наши предки. Все их календари были составлены в строгом соответствии с сезонными циклами профилактики и лечения животных. Кстати, такие календари и сейчас можно увидеть в Монголии. Заботу о здоровье животных наши предки закрепляли даже на законодательном уровне. На это указывают многие пункты «Положения 1808 года по устройству управления и суда хоринских 11 родов».

По данным подворной переписи агинских бурят 1908 года, на одно хозяйство бурят приходилось почти 110 голов разного скота, а на одного человека – 22 головы... Кочевые племена и смешавшиеся с ними переселенцы, которые не могли не стать животноводами, за столетия выработали уникальные народные методы селекции, бонитировки, профилактики болезней и другие способы развития животноводства.

Пищу, кров и одежду русским землепроходцам и переселенцам дали природа Забайкалья, табуны, стада и отары местных племен. «Хлеб в Нерчинске и на Иргени не родится», – жаловался в XVII веке приказчик Толбузин Енисейскому воеводе, который высылал «хлебное жалованье» натурой русским казакам и первым переселенцам. Поневоле они становились животноводами: в основном ели мясо, молочные продукты, выделывали шкуры животных и шили одежду, обувь, пряли шерсть. Приспосабливаясь к новым условиям, они перенимали обычаи местных племен и смешивались с ними...

Но самое важное то, что все поголовье животных принадлежало исключительно тем, кто за ними ухаживал. Почему же наши предки жили так благополучно? Да потому, что они занимались прямым своим делом изо дня в день, из года в год. И дело это принадлежало им. Животноводство было, а потом стало единственным призванием

жителей великой степи. Испокон веков здесь паслись тучные табуны, стада и отары. Они были, есть и, надеемся, останутся основой благополучия Забайкалья.

Повернув голову назад, невозможно идти вперед. Мы вглядываемся в наше прошлое не потому, что оно кажется нам чище, лучше и правильнее настоящего, а для того, чтобы обрести уверенность в будущем.

Развитие крестьянских (фермерских) хозяйств в Республике Бурятия в 1990-е гг. происходило в основном за счет выделения членов семейных бригад, проживающих на так называемых животноводческих точках или малых поселениях, из состава коллективного хозяйства. При выходе из коллективного сельскохозяйственного предприятия ими за счет имущественного пая и земельной доли выкупалась земля и имущество семейной животноводческой фермы. Перспективы развития крестьянских (фермерских) хозяйств связаны в первую очередь с возрождением и развитием малых поселений (хуторов).

Опыт показывает, что видов хозяйственной деятельности, которые могут стать экономической основой сохранения и развития малых поселений, множество. Но в условиях Бурятии основным видом деятельности, который способствует переселению людей в малые села и на фермы, является пастбищное кочевое животноводство.

Эта отрасль основана на разведении аборигенных животных, таких как местный КРС: яки, овцы, козы, табунные лошади, верблюды, северные олени. Многие виды данных животных можно считать редкими и даже исчезающими.

Скотоводство, как было сказано выше, составляло основу материального благополучия всех бурят. Скот служил предметом их меновой торговли. Для обеспечения зимовки скота большое внимание уделялось системе заготовки сена. С этой целью земли, прилежащие к зимникам и удобные для полива, оберегались в летнее время от пастбы.

В результате хозяйственной и культурной деятельности коренных народов сложилась своеобразная система природопользования, основанная на животноводстве, растениеводстве. Животноводство было основным занятием в деятельности бурятского народа, разводившего лошадей, овец и крупный рогатый скот. В традиционной культуре животноводов одним из главных достояний было пастбище. Материальное благополучие коренного народа зависело от хорошего состояния пастбища. В основе этого было накопление экологических знаний и сложная система мер, поддерживающих устойчивость пастбища. Одной из основных мер был сезонный цикл перемещения, то есть перекочевков, обеспечивающих попеременное восстановление растительного покрова различных площадей, разведение комплексного стада номадных животных (крупный рогатый скот, овцы и лошади), которые потребляют различные виды трав. Эти меры поддерживались родовыми традициями и религиозными запретами нарушать почвенный покров и землю. Традиционная повсеместная забота коренных народов о целостности растительного покрова степи защищала пастбище от эрозионных процессов.

Существовала яркая самобытная культура. Для восточных и южных бурят-степняков был характерен кочевой тип, при котором скот круглый год содержался на открытых пастбищах. Остальным хозяйствам Забайкалья и Предбайкалья была присуща пастбищная форма в сочетании со стойловой. Большинство забайкальских бурят совершали две (зимник-летник), а наиболее зажиточные хозяева – четыре сезонные перекочевки по маршруту зимник-весенник-летник-осенник. Предбайкальские буряты, как правило, ограничивались двумя кочевками с зимников на летники и обратно. Сезонные перекочевки позволяли рационально использовать пастбища и сенокосные угодья, сберегать от потравы поля.

Тот, кто имел комплексное стадо, то есть пять видов скота, считался владельцем полного набора животных («табан хушуун мал»).

У степняков направления хозяйствования были тесно связаны с особенностями природы, которая их кормила. Нетрудно понять причины кочевого образа жизни скотоводов. Стада содержались на подножном корме, есть корм – стадо пасется на месте. Съеден корм под ногами – стадо движется дальше, к новым кормам. Малая продуктивность пастбищ вынуждает стада постоянно перемещаться с места на место, а вместе со стадами кочуют люди.

Биологические особенности этих животных позволяют им почти круглогодично обеспечивать себя за счет использования подножного корма. Круглогодичное содержание животных на пастбищах способствует укреплению их конституции, закаливанию организма и предохранению от многих заболеваний. Пастухи в совершенстве должны знать экологию лугов, пастбищ, адаптивно-этологических и хозяйственных особенностей животных.

Под зимние пастбища выбирают места, где нет источников воды, животные вполне обходятся снегом. Подыскивая летние пастбища, пастух заботится о том, чтобы животным не докучали мухи и гнус и, конечно, чтобы поблизости была вода. Весной уделяется особое внимание молоднякам, выбирают места с сочными, питательными травами. Осенние пастбища выбирают там, где трава держится подольше, и чтобы животные не потеряли весенне-летний нагул.

Большую хозяйственную ценность представляет потомство, получаемое при гибридизации животных. Номадное животноводство не только поставляет мясную и сырьевую продукцию, но и является незаменимым транспортом, без которого немислимы жизнь и освоение края.

Сейчас справедливо выдвигаются разные проекты возрождения традиционного кочевого или номадного животноводства. Ведь в начале XX в. в степях Забайкалья паслось свыше миллиона овец, лошадей и верблюдов. Причем это были местные, аборигенные породы. Они не наносили ущерба пастбищам и почве, а их содержание

было малозатратным. Иначе и быть не могло. Не было тогда у сельчан больших денег. В советское время произошел переход на индустриальное животноводство. Упор был сделан на тонкорунную овцу и мясо-молочный скот. Его содержание требует больших затрат. В индустриализацию сельского хозяйства вкладывались огромные средства, а отдача была низкой.

К началу перестройки в 1985 г. бурятские ученые доказали, что это бесперспективный путь, а альтернатива – возврат к кочевому животноводству. По восстановлению генофонда этих уникальных животных проводилась большая работа под руководством профессора С.Б. Помишина. Позже ему последовали такие энтузиасты, как Б.Б. Лхасаранов, В.А. Тайшин, И.А. Калашников.

Сейчас субсидии в сельское хозяйство несравнимо меньше, и труды 20- и 30-летней давности особенно актуальны. В Бурятии в первую очередь должна вестись работа над разведением аборигенных видов сельскохозяйственных животных. К таковым относятся бурятская овца, бурятская корова, забайкальский верблюд, яки, бурятские кони.

В Республике Бурятия за 2009-2010 гг. появились 107 семейных животноводческих ферм, в том числе 66 новых и 41 реконструированных. В настоящее время в республике действует более 400 семейных ферм [1, 7-24]. До 2015 г. планируется довести их до 1000 ед.

Другие проблемы фермеров связаны с проживанием их на хуторах, в малых поселениях. В Бурятии, по данным министерства сельского хозяйства и продовольствия республики, имеется 1815 животноводческих стоянок, где содержится 66811 голов крупного рогатого скота, 79156 мелкого рогатого скота, 15055 лошадей и 4313 свиней. Все они расположены в отдалении от сельских населенных пунктов. Расстояние от этих стоянок до ближайших населенных пунктов различное, от 2-3 до 40-60 км.

Несмотря на это, желающих стать фермерами и переехать на заимки и буусаны (малые поселения) и организовать там

предпринимательские хозяйства много. По данным исследований проф. В.С. Потаева, проведенных в Хоринском районе, желание переехать на заимку с целью расширения своего личного подсобного хозяйства изъявили 44,7% из числа опрошенных [2].

Число успешных фермеров и предпринимателей, живущих в малых поселениях, значительно выросло не только в упомянутых, но и в других районах республики.

В настоящее время создание новых крестьянских (фермерских) хозяйств, развитие малых поселений получило в Бурятии динамичный характер. Это подтверждается высказыванием главы Бичурского района В. Калашниковым: «Буквально три-четыре года назад даже немножко было горестно, проезжая по территории нашего района, смотреть на те стоянки заброшенные, которые когда-то принадлежали бывшим колхозам. Сегодня радуется глаз, все стоянки заняты, распределены, на них новые хозяева. Эти стоянки, родовые заимки обрели вторую жизнь».

Существование и распространение мелких сельскохозяйственных форм производства товарного и нетоварного назначения в Бурятии определяется рядом причин природно-климатического, экономического, социального и исторического характера. Мелкотоварный сектор сельского хозяйства Бурятии может быть представлен крестьянскими хозяйствами хуторского типа. Все они имеют семейный характер, основаны на частной собственности на средства производства. Учитывая эти обстоятельства, необходимо рассмотреть роль традиционных хозяйственных укладов коренных народов в аграрном секторе экономики.

Литература

1. О реализации ОЦП «Развитие пилотных семейных животноводческих ферм на базе крестьянских (фермерских) хозяйств на 2009-2011 годы: доклад. М.: МСХ РФ, 2012.

2. Потаев В.С. Фермерские хозяйства – основа устойчивого развития сельских малых поселений // Материалы междунар. эконом. конф. «Новая экономика – новые подходы». Улан-Удэ, 2012.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

Представления о взаимосвязи вещи и человеческой души в хантыйской культуре

Т.В. Волдина, кандидат исторических наук

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
Ханты-Мансийск*

Аннотация. В хантыйской культуре, так же как и в традициях других народов, хорошо просматривается особая связь между душой человека и его вещами. Существуют определённые правила обращения с личными вещами, в том числе и с теми, которые отслужили свой срок; не всем людям можно было передавать свои вещи. Сложились обычаи особого обращения с вещами умершего человека; вещами, оставшимися от предков; с сакральными вещами. Выработаны правила обращения с вещами детей, а также мужскими и женскими. Сложившиеся представления о душе лежат в основе «вещной» магии. В народе бытуют рассказы о вреде, наносимом человеку через вещи; а также о том, что личная вещь является оберегом человека. Данные вопросы рассматриваются на материале казымских хантов, с привлечением опубликованных данных по другим группам.

Ключевые слова: сакрально-символические функции вещей, традиции обращения с вещами, представления о душе, *ис-хур, энкөрүн, итарма*.

Тема вещи – одна из важнейших и всесторонне изучаемых в этнографической науке. Трудно не согласиться с утверждением: «Если пристально посмотреть на процесс разрушения или изменения традиционной культуры, то окажется, что он начинается с вещей» [1, 32].

В традиционной культуре хорошо отражаются взаимосвязи вечно мира с мифологией, включающие в себя представления о вещи как символе, обереге, отмечается посредническая роль вещей в установлении отношений между людьми, а также людьми и миром духов.

Сакрально-символическое значение вещей в традиционной культуре хантов рассматривалось многими исследователями. Особое внимание этому вопросу уделил В.М. Кулемзин, характеризуя это так: «Практически каждая вещь в хантйской традиционной культуре – это фетиш, своеобразное божество, по отношению к которому жизнь человека должна быть строго регламентирована». Многофункциональность вещей в традиционной хантйской культуре он описывает следующим образом: «Каждая вещь – лодка, нарты, лыжи, лук требует определенных правил изготовления, обращения, хранения, дарения, наследования; каждая вещь, являясь личной, семейной, коллективной собственностью, определяет социальный статус и указывает на социальную принадлежность владельца. ... при помощи вещей представляют будущее, излечивают недуги, насылают порчу, изменяют погоду, устанавливают добрососедские отношения и т.д. Вещи (копья, стрелы, фигурки собак) – верные охранители культового места...». По мнению В.М. Кулемзина, наибольшее количество знаково-символических функций принадлежит предметам культа, орудиям охоты и рыболовства (мужской сакральный мир по отношению к женскому); очагу и всему, что с ним связано (это женский сакральный мир по отношению к мужскому); бересте и всему, что сделано из неё; а также одежде, обуви, утвари. Через вещь как символический подарок происходило общение людей с духами и божествами... [2].

Следует заметить, что ханты не одиноки в этих воззрениях. Подобные представления сложились и в культурах других народов, а также характерны для определённого круга современников. Например,

Н.Л. Жуковская в работе о кочевниках Монголии пишет: «Эфемерность, непрочность и изменчивость судьбы требовали постоянной магической подстраховки... охраны человеческой личности, начиная с момента её появления на свет и далее, через все опасные возрастные рубежи... Её можно назвать системой магической охраны, в центре которой стоит главный объект – человек, а число предметов, окружающих его и выступающих в роли магических инструментов, практически не ограничено...» [3, 111].

В данной работе предлагается рассмотреть вопрос о традициях обращения с личными вещами человека как частью его самого, акцентируя внимание на связи с душой владельца, изготовителя. Душа же в сознании хантов представляется понятием сложным, оно тождественно жизнеобеспечивающему началу в человеке. Жизненными силами в человеке считаются дыхание – *лил* и тень-облик или душа-тень – *ис*, *ис-хур*. *Лил* является основным жизнеобеспечивающим началом и имела самостоятельный внешний облик в виде птицы, а также обладала реинкарнационной функцией.

А.П. Зенько трактует *ис-хур* в качестве проявления жизненных возможностей самого тела как материальной субстанции, которая тесно связывалась не только с самим телом, но и его «образами» – чувственно воспринимаемыми подобиями человека. Такими «образами» являлись изображения человека, отпечатки его тела на снегу, отражение в воде и т.п. «Такое отождествление требовало осторожного обращения с «образами», так как нанесение им вреда – умышленное или неумышленное – непременно сказывалось на состоянии *ис-хор* и, следовательно, самого тела... В то же время «образу» человека приписывалась определённая самостоятельность в действиях... Здесь налицо признание определённой жизнеспособности «образа» как вместилища части жизненности тела» [4].

Личные вещи, впитавшие в себя энергетику человека и соответственно, информацию о нём, становятся продолжением его

ис.... При рассмотрении традиций обращения с личными вещами, кроме их непосредственного назначения, имеет соответственно значение пол владельца, его возраст, социальный статус, личностные характеристики. Вещи олицетворяют собой самого человека, одухотворяются им и несут в себе эту информацию. В этом плане уместно будет вспомнить слова выдающегося художника, деятеля культуры, мыслителя Н. Рериха, что свойством воспринимать и запечатлевать воспринятое обладает вся материя, а не только люди, животные или растения [5].

В.Н Чернецовым упоминалась «уходящая вниз тень», местом обитания которой считалась голова, поверхность тела или одежда. Наличием в одежде души объясняются запреты у хантов вытряхивать повседневную одежду, бросать ее где попало, уничтожать [6, 128; 4].

Показательным в этом плане будет наблюдение Т.А. Молдановой, высказанное ею при изучении татуировок казымских хантов, где проводится параллель между человеческой кожей и одеждой: «Интересно то, что в языке исследуемых групп сохранилось отношение к собственной коже, как к чему-то, что надевается на человека (на его сущность). Кожа называется «*эл поням сух*», так же, как одежда «*эл сух*». ... Получается, что *эл поням сух* – ‘на виду находящаяся часть сущности человека’, кожа-одеяние» [7, 32].

Достаточно наглядными в этом плане являются примеры обращения с головными уборами как олицетворением самого человека: «У хантов существовали правила, касающиеся различных частей тела. Особенно много запретов связано с головой. Нельзя было бить по голове, нельзя было вращать шапку, иначе *охон шовемала* ‘голова закружится’. ... При выбивании снега из малицы нельзя было сильно бить по шапке» [8, 40] (подчеркивание – Т.В.). Как видим, отношение к самой голове и головному убору идентичны.

Особое отношение демонстрируется в хантыйской культуре к музыкальным инструментам: они также являются продолжением

человеческой *ис.* Соответственно, соблюдались определённые правила обращения с музыкальным инструментом. Например, струнный инструмент *нарсыох* выносить из дому надо «головой» вперёд (символичное действие в отношении живого человека – умершего выносят ногами вперёд). «Продажа его считалась равносильной продаже души» [9, 115].

Уже в период прихода человека в этот мир: до его появления на свет, в момент рождения и некоторое время спустя, наряду с проведением специальных обрядовых действий, особое значение имели некоторые атрибуты, которые могут рассматриваться как некий эквивалент его души. Они разделялись по полу младенца: так лук и стрелы, нож – символизировали приход будущего мужчины; игла, напёрсток, игольница – будущей женщины. Если мать или кто-то из близких в период беременности, видели во сне эти предметы, то это было знаком рождения в одном случае сына, в другом – дочери. Богатый материал в этом плане даёт фольклор, так в одной героической песне поётся: «Долго ждал герой от семи жён сына, способного натянуть лук, дочь с иглой в руках, но напрасно...» [Цит. по: 1]. В героических сказаниях, на Казыме эпитетом сыновей является выражение «*картанг нёлы ар вур*» «железных наконечников стрел многие грани» [10, 212].

Лук как символ мужского начала в хантыйской культуре неоднократно отмечался в этнографической литературе: «С луком человек рождался, с луком отправлялся на охоту; с луком, колчаном, набором стрел, ножом и огнивом следовал в потусторонний мир. Лук – это не только орудие охоты, но и знак принадлежности к мужскому полу, показатель физической силы...» [2]. А вот пример определения удачности жизненного пути человека через этот атрибут мужской души: «Через определённое время после рождения ребёнка приобщали к местным духам. За ним закреплялся свой дух-охранитель, ангел-хранитель. Это называется *охл вуса* ('голову взяли'). Здесь же проходил обряд гадания о судьбе ребёнка: делали предназначенный для ребёнка

лук со стрелами, стреляли из него, и если стрела долетала до цели, то жизненный путь у ребёнка будет нормальным, а если стрела ломалась, то это было признаком неблагоприятной судьбы. Но об этом ни ребёнку, ни близким не сообщалось» [8, 60].

Обычай сопровождать умершего человека при его погребении личными вещами, включавшими в себя и сакральные атрибуты, символически ознаменовавшие приход его в этот мир, хорошо прослеживается на археологическом материале. Например, наличие стрел в женских захоронениях даются объяснения как амулетам, заговорённым на рождение сыновей [11, 185; 12, 200].

Быть мастерицей – одно из важнейших предназначений женщины в традиционной культуре, именно поэтому символами женского начала становятся предметы рукоделия. Игла как атрибут хантыйской души, высокая ценность женского умения шить, освещалась во многих работах, посвященных обско-угорским культурам. Женщина-рукодельница в мешочке *тутчан хир* всегда имела игольницу, которая относится к числу сакральных предметов и подчеркивает сакральность женского мира по отношению к мужчине. Мужчины не должны касаться игольника, разглядывать и говорить о нём, как и женщина имеет ряд ограничений по отношению к предметам охоты. Иглы втыкаются в одну (левую) сторону игольницы, поскольку в правой, по представлениям хантов, обитает душа мастерицы в ночное время суток [1, 28; 13, 203-204].

В хантыйской культуре в правила обращения с личными вещами, наряду с установками о надлежащем хранении в специально отведённом месте и уходе за ними, чтобы они служили долго и не были преждевременно испорчены, входят обычаи, которые отражают представления об их духовной роли.

Личные вещи требуют определённой энергетической защиты и особого ритуального очищения (огнём, окуриванием пихтовым дымом, дымящейся чагой и т.п.), которое время от времени

проходил также и сам человек. Для снятия негативных энергий, т.е. нежелательного вселения злых духов, вещи могли очищаться над огнём со словами: «*Муй вантсйн, муй вэсйн, Тўт-имена луна!*» ‘Что видел, что взял, Огню-женщине скажи!’. В то же время и сами такие вещи могут давать определённую защиту своему хозяину, влиять на его самочувствие, благополучие. Одна из соблюдавшихся традиций – это неприкосновенность личных вещей. Не допускается всем трогать личные вещи, тем более так называемую святую одежду.

Личные вещи в традиционной культуре всегда информативны, могут олицетворять собой статус человека, принадлежность к определённому роду... Среди личных вещей человека рассмотрим в первую очередь примеры, относящиеся к одежде.

М.К. Волдина, давая ответы на вопросы, касающиеся интересующей нас темы, особо выделила меховую мужскую одежду, акцентируя наше внимание на том, что важное значение имеет то, из какого меха и кем она сшита. Всегда учитывается, «какому святому духу посвящены, отданы духи оленей», из шкур которых она сшита; «чьи руки сшили (мама, бабушка...)), «заслужил ли человек носить эту одежду»; «не допускается всем трогать святую одежду» и т.п. Например, она дала следующее описание нарядной мужской зимней одежде, имеющей ритуальное значение – парке: «Разновидность гуся – *порха*. Она шьётся из раннего осеннего оленьего меха. Украшается узорами, кистями из сукна. Такая одежда ритуальная, ее одевают во время женитьбы, проведения ритуалов на святых местах... Шьётся самыми большими мастерами, каждая *порха* шьётся одной рукой для одного человека, кто это заслужил или кому положено по правилам, сложившимся по традиции семьи, рода или людей одной реки» [ПМА¹].

---

¹ Полевые материалы автора, 2014 г. – информант Волдина (Вагатова, Тарлина) Мария Кузьминична, род. в 1936 г. на р. Курьёх в окрестностях д. Юильск Берёзовского (ныне Белоярского) р-на Ханты-Мансийского округа в семье оленевода, носитель культуры казымских ханты.

Шить одежду из шкур жертвенных животных могли только особые мастерицы пожилого возраста, соблюдавшие особые правила при изготовлении ритуальной одежды и предметов сакрального характера.

В хантыйской культуре имеются определённые различия в обращении с мужскими и женскими вещами и их хранении. Мужские вещи можно проносить в дом, в чум, положить, повесить хоть куда, кроме «спины огня». Женскую обувь заносят только в определённые места, где живёт женщина в доме, в чуме, её обувь сушится в строго определённом месте, на определённой высоте (не выше колен). Никогда мужская и женская одежда и обувь не находятся в одном месте – это строго запрещается. Детская одежда и обувь могут находиться с мужской одеждой и обувью [ПМА]. Соблюдение строгих правил женщинами в отношении собственных вещей связаны с детородным периодом в ее жизни, сакральной «нечистотой» в момент регул.

«Очень охраняются головные уборы: и мужские, и женские в равной степени; могут храниться вместе, кроме ритуальных шапок и платков. Их носят во время ритуалов и молебн, хранят в особо отведённых местах, где находятся святые вещи. Шапки, платки отдельно хранятся от остальной одежды, независимо, от того мужские они или женские» [ПМА].

Как уже отмечалось, особое значение имеет, кем сшита или изготовлена вещь, а также с какой целью и по какому поводу.

Исследователи отмечают, что изготовление вещи – это ритуал, поэтому в хантыйской культуре нет вещей, сделанных наспех, без тщательной обработки, «привлекательность традиционных вещей объясняется их ‘очеловечиванием’, и мы приводим множество примеров тому, как мастер незримой нитью связан с вещью с начала до конца ее изготовления» [1, 31].

Имело значение время суток, состояние человека в момент работы и многие другие детали. Например, существовал древний обычай, запрещающий в течение некоторого времени после семейной ссоры

браться за изготовление вещи. При шитье важное значение имело направление движения иголки – женщина должна была шить слева направо, то есть по солнцу. Движение по солнцу всегда направлено на созидание, на сохранение жизни, на благо; всё, что делается в противоположном направлении, в сознании людей связывалось с потусторонним миром и имело разрушительный характер.

Применение магических приёмов и сакральных символов, цветовая символика при изготовлении вещей, как правило, были направлены на благополучие семьи. Как известно, одежда, утварь у обских угров повсеместно богато украшалась, орнаментировалась. Защитная функция орнаментов и украшений отмечалась во многих работах. Многообразные орнаментированные изделия были почти исключительно делом женских рук. При украшении колыбели главной фигурой была глухарка, охраняющая душу ребёнка, пока он спит. Наносили и другие защитные изображения – соболя, рога оленя, медведя.

В п. Теги Березовского р-на ХМАО записан один из обрядов по созданию защитного орнамента, оберегающего род. В дом приглашалась специальная женщина, которая семь дней находилась одна в комнате и шила священный орнамент. После того, как работа над ним заканчивалась, вокруг дома семь раз водили коня, который после этого приносился в жертву духу-покровителю. Орнамент этот никому не показывали, даже представителю рода, в защиту которого он предназначался, не могли ничего о нём сказать, предположительно это был орнамент всадника, который чаще всего встречается на жертвенных покрывалах обских угров. После проведённого обряда полотно с орнаментом хранилось среди священных вещей на чердаке дома [13, 204].

Этнограф М.А. Лапина, исследующая этические традиции хантов, отмечает такие особенности в женском рукоделии: «Женщина начинала работу с добрыми мыслями и пожеланиями, тогда вещь

изготавливалась быстро и долго носилась. Когда она принималась за работу, то заготовки для изготовления вещей окуривались. Особенно это касалось изготовления одежды и вещей, принадлежащих детям, – это и одежда, и колыбели, и игрушки. Любая готовая вещь также окуривалась. Таким образом, происходило очищение от любой скверны, которая могла случайно пасть на данный предмет» [14].

Аналогичным отношением к одежде было бережное отношение ханты к домашней утвари. Посуда тоже одухотворялась, а некоторые чашки, котлы, черпаки доводились до святости. «Это зависело от того, из чего они сделаны. Если деревянная посуда: надо знать, из какого дерева она сделана, т.к. каждое дерево святое, имеет свой образ, свою сущность, свой дух. Считается, что берёза – посох Бога, дерево очень святое; сосна – дерево-мать; лиственница – образ сильного духовника, воина...» [ПМА]. Имеет значение также, по какому поводу изготовлена вещь, этим будет обусловлено и особое отношение к ней. Например, она могла быть подарком к свадьбе или необходима была для проведения ритуала...

Со слов информанта, особо почитаемыми считаются ножны, рукоятки ножей, топоры, лопаточки, поварёшки. Это тоже в зависимости из какого материала и кем они сделаны. Если человек, изготовивший их уже умер, то эти вещи, предметы приобретали особый статус, их называли «э́ткөрүт», они напоминали о человеке, чьими руками и душой были они сделаны. Старшие люди иногда за этими вещами закрепляли конкретных владельцев, чаще всего подростков и детей. Таким образом, намечали надолго сохранить память о человеке, который сделал вещь [ПМА].

«Такая вещь, как берестяная коробка, изготовленная и подаренная матерью, связывала ее обладателя с кругом родственников по материнской линии и одновременно с верхним миром, ибо белая береза – медиатор между верхним (небесным) и земным мирами; белый цвет – символ здоровья, достатка... Колчан, изготовленный

из дерева и подаренный внуку, связывал внука с родственниками по мужской линии и одновременно по женской...» [2].

Один из подобных обычаев, направленный на пожелание счастья и долголетия внучке через предмет (он же *энкурп*), который становился талисманом с вложенным в него «голосом души людей, близких и родных», описан М. А. Лапиной: бабушки «брали кольцо внучки и с заклинаниями и пожеланиями надевали на свои пальцы правой руки, а затем с этими же пожеланиями надевали на правую руку внучки. С такими же пожеланиями дарились кольца и предметы женского туалета» [8, 64].

Наряду с вещами, в которые вкладывались благие пожелания, могли создаваться вещи на принесения вреда. По рассказу информантки, одна женщина, относившаяся к *шепан* (категория шаманов, умевших наносить вред), специально сшила красивое платье с намерением забрать жизненные силы той, кому она его подарит. Она подарила это платье во время переправы по реке, настоятельно потребовав примерить подарок. Но замысел колдуньи, прославившейся в селе своей вредоносной магией, был угадан, платье было брошено в воду и моментально исчезло в воде как камень [ПМА].

В этнографической литературе, посвященной духовной культуре обских угров, можно встретить достаточно информации о куклах – заместителях человеческой души – *итарма*, изготавливаемых после смерти человека. Отношение к *итарма* было аналогичным отношению к самому человеку. Они хранились некоторое время в семье умершего, а по истечении определённого времени их сжигали при проведении специального обряда окончательного прощания с покойным.

С учётом духовной роли вещей происходило и расставание с ними. Вещи, которые отслужили свой срок, нельзя выбрасывать как попало. Сложились вековые традиции: «Сломанную вещь не бросали, а отдавали с молитвами и ритуалом огню... Иногда оставляли навечно в старом лабазе, износившихся избушках; они оставались

«насовсем», ничего специально ломать было нельзя, пусть сами «доживают» [ПМА].

По мере изношенности вещи могут разноситься по разным местам, и их можно «дарить» молодым, растущим деревьям – это касается обычно детских и подростковых вещей, просили деревце «хранить» эти вещи. Подобным образом можно поступать и с вещами взрослых людей, для этого выбирали любое другое дерево, а также учитывали статус человека: духовник, защитник, отец, отличившийся человек, женщина (тоже с учётом её заслуг и духовной высоты).

Иначе поступают с вещами умершего человека. Это связано с тем, какой человек умер: ребёнок, подросток, взрослый человек, пожилой... Иногда сам человек ещё при жизни распределяет свои вещи. После смерти все его пожелания стараются выполнить. Но бывает, что ушедший по поводу своих личных вещей «ничего, никогда и никому не говорил», не дал никакого наказа. Тогда за решение этого вопроса берутся старшие люди в его семье, роду, они распределяют наследство и решают дальнейшую судьбу его вещей. «По обычаю выделяют вещи и предметы умершего, которые «нужны ему с собой». Затем определяют, какие вещи оставить на память родным. А есть вещи и предметы покойного, которые решается отдать «никому»: их уносят в ночную сторону относительно места проживания, оставив под старым деревом, желательно под кедром» [ПМА]. По устному сообщению Е.А. Нёмысовой, одежда, в которой умер человек, уносится в лес и никому не передаётся.

Особый случай, когда умирает глава семьи: отец или мать. В святом углу дома остаются вещи. Если в отношении них ушедший ничего не успел сказать, тогда выбирается место на водоразделе, лучше всего остров, окруженный водой. Там устанавливают условное жильё, внутри делают «стол». И вещи из святого угла помещают в этот «домик» на вечное хранение [ПМА].

Приведенные данные наглядно демонстрируют нам, что в

традициях хантыйского народа мир личных вещей с его знаково-символической функциональностью тождествен самому человеку, является частью его самого, его духовной сути. Личная вещь и его душа (в данном случае в хантыйском языке употребляется понятие *ис* как носитель ее жизненной силы) становятся явлениями одного порядка. Эта взаимосвязь определялась в выработке норм и правил магико-мистического характера, связанных с особым обращением с вещами, через которые поддерживались душевное и физическое здоровье людей. Представление об одухотворённости вещей выражалось в бережном к ним отношении.

Связь вещей и предметов с человеческой душой в хантыйской культуре просматривается следующим образом:

- Личные вещи несут в себе информацию о его владельце, впитав его энергию, являются продолжением его души (*ис*);
- Вещи несут в себе память о человеке, изготовившем вещь или вложившем в него добрые пожелания потомкам (обычай *энкурп*);
- Вещь может символизировать собой приход человека в этот мир и олицетворять собой мужское и женское начало (например, нож, лук, стрела или игла, наперсток, игольница);
- В основе обычая изготовления изображений умерших (*итарма*) также лежат представления о способности материальных объектов быть вместилищем человеческой души (*ис*);
- Вещь может становится охранителем рода, связывать между собой души разных поколений и оберегать живущих.

Литература

1. Кулемзин В.М. Отношения человек-общество, человек-вещь, человек-природа в традиционных и современных культурах Сибири. М.: «Икар», 1997. 48 с.
2. Кулемзин В.М. Отношения человек-вещь в хантыйской культуре // Космос Севера. Екатеринбург, 2002. Вып. 3. С. 3-9.

3. Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. М.: Вост. лит., 2002. 247 с.
4. Зенько А.П. Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров. Структура и вариативность. Ч.2. Новосибирск: «Наука», Сибирское предприятие РАН, 1997.
5. Рерих Н. Цветы Мории. Берлин: «Слово», 1921.
6. Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // ТИЭ. Нов.сер. – 1959. – Т.51. – С. 114-156.
7. Молданова Т.А. Опыт интерпретации татуировки казымских хантов // Народы Северо-Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. Вып. 7. С.32-35.
8. Лапина М.А. Этика и этикет хантов. Томск-Екатеринбург: ООО «Баско», 2008. 120 с.
9. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск: ВО «Наука». Сибирское отделение, 1992. 136 с.
10. Молданова Т.А. Символическая функция металла в культуре хантов // Молданов Тимофей, Молданова Татьяна. Очерки традиционной культуры хантов: избранное. Ханты-Мансийск: ООО «Типография «Печатное дело», 2010. С. 200-219.
11. Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. 417 с.
12. Рындина О.М., Боброва А.И., Ожередов Ю.И. Ханты Салымского края: культура в археолого-этнографической ретроспективе. Томск: Изд-во Том.ун-та, 2008. 412 с.
13. Болханцова М.С., Волдина Т.В. Магические приёмы и сакральные символы, направленные на благополучие семьи в женском прикладном творчестве хантов // Духовно-нравственные пути этнокультурного развития Югры: языки, история и культура. Мат. регион. студ. научно-практ. конф. (г. Ханты-Мансийск, 20 апреля 2007 г.). Екатеринбург: Изд-во

- Уральского ун-та, 2007. С. 202-207.
14. Лапина М.А. Нормы этики, связанные с рукоделием женщины // Внутреннее убранство жилища обских угров. Материалы семинара (16-20 июня 2014 г., г. Ханты-Мансийск). Ханты-Мансийск, 2014.

**Культ двух богинь в культуре среднеобских хантов:
сравнительный анализ**

Л.В. Кашлатова

*Обско-угорский институт прикладных исследований
и разработок, Берёзово*

Аннотация. В статье путём сравнительной характеристики рассматривается один из феноменов духовной культуры среднеобских хантов – почитание двух равновеликих богинь. Исследуется историческая трансформация женских божеств, идущая от архаичной Великой богини.

Ключевые слова: женские божества, Каттась, Ай-Каттась, Торум-Сянь, Пугос-Анки, Касум-Ими, Торым-Ангки, Нуми Торым, Умай, Кылдысин.

Анализ комплексов материалов по фольклору и обрядности, связанный с почитанием двух богинь *Каттась* и *Ай-Каттась* среднеобскими хантами, показывает, что по отношению друг к другу они выступают или равными по своей силе и значимости, или в связке «старшая-младшая». Равными по силе и значимости они изображаются в мифах и мифологических сказаниях. В них они обе приходятся дочерьми *Нуми Торыму*, их в одно и то же время спускают на Землю, обе участвуют в творении мира. При этом устроительницей мира выступает *Каттась*, *Ай-Каттась* только присутствует. Они имеют одинаковые птичьи ипостаси (со слов информантов, они (боги) все – крылатые духи). *Каттась* имеет орнитоморфные ипостаси – гусь, лебедь, ворона, кукушка, *Ай-Каттась* не связана с определенными птицами, но она сама птица и только в этом образе прилетает к женщине с дерева, когда у той начинаются схватки и взлетает на небо, когда появляется на свет ребенок. Также обе богини действуют

совместно только на территории проживания среднеобских хантов - покровительствуют женщинам. Как персонажи медвежьего праздника *Калтаь* и *Ай-Каттаь*, присутствуют еще у казымских хантов. Их обеих заводят на представление, где они вместе исполняют свои священные песни и танец.

Обе богини достаточно независимы. *Каттаь* по силе равна *Нуми-Торыму*, во многих сюжетах она часто действует самостоятельно (творение земли, создание животных, растений, человека), выступает советницей *Торым'а* (подаёт идею построить жилище из костей всех на свете зверей и птиц и пр.). Образ Птицы-советчицы является типичным для развития мифологического образа Матери-Природы [1, 342-344].

Ай-Каттаь также своенравна и независима. Про неё говорят: *Ацен вура вунишум ай Най, йиг вура вунишум ай Най* 'Отца своенравием превзошедшая маленькая богиня, родителя своенравием превзошедшая маленькая богиня'. Она посмела послушаться отца *Нуми-Торыма* и зашла в его половину дома, когда другие этого не смели делать (за это прогневила отца и была спущена на землю). *Ай-Каттаь* автономна по отношению к *Каттаь*. На территории Средней Оби именно она устанавливает правила поведения женщин во время беременности и родов, требует к себе уважительного отношения, может наказать из-за несоблюдения традиционных норм жизни.

Тем не менее, в мифах говорится, что *Каттаь-Ими* приходится в одних мифах женой, сестрой, матерью, в других – старшей дочерью *Нуми-Торым'у*. Для *Ай-Каттаь* она приходится старшей сестрой, свекровью. *Каттаь-Ими* сватает *Ай-Каттаь* за своего приёмного сына, а та всячески противится, в ярости вытаскивает из кипящего котла мясо рукой. В призывных песнях или в эпических медвежьих песнях *Калтац* рассаживает духов-покровителей на созданной ею Земле, все мужские боги приходятся ей внуками [2, 53]. В сказках (легендах, преданиях) она выступает как бабушка (*Ими-Хиты*).

На территории проживания среднеобских хантов всеобщую

богиню *Катмась-Ими* называют *Ун* ‘Большая’, противопоставляя ее тем самым *Ай-Катмась*. Как богиня-покровительница, *Катмась* предстает в образе либо лебедя, либо лягушки, либо женщины-огня и выступает в качестве предка, защитника определенной группы людей, заботится об их благополучии. В образе *Катмась* как богини всех хантов, совмещаются черты хозяйки дома, подательницы жизни, покровительницы женщин и детей [3, 83]. Кроме орнитоморфных ипостасей имеет антропоморфный образ седой женщины. На территории Средней Оби находится её святилище.

У *Ай-Катмась* в сравнении с Великой *Катмась* нет такой святости, она «не требует кровавых жертвоприношений и простых жертвоприношений не ищет», не имеет изображения, у неё нет священного места на земле, нет конкретного местонахождения. Она обитает в каждой хантыйской деревне, при этом в доме её не держат. Она менее известна, сохранилась только у среднеобских хантов. В других локальных группах хантов *Ай-Катмась* не имеет собственных функций, возможно, её образ слился с образом *Катмась*.

Более существенно отличительные черты богинь проявляются по отношению к их роли в обряде рождения. Функции *Катмась* и *Ай-Катмась* на территории проживания среднеобских ханты четко разделены. *Катмась-Ими* является Всеобщей богиней, она при зачатии плода дает душу, определяет пол ребёнка, отмеряет срок жизни новорождённому, устраивает его будущее. *Ай-Катмась*, в свою очередь, решает, жить ребёнку после рождения или нет. Для беременных женщин обязательным является изготовление куклы для связи с *Ай-Катмась*.

Таким образом, в мифах показана неопределенность положения обеих богинь. В одних случаях они равны, в других одна выступает старшей по отношению к другой. В некоторых сюжетах «биографии» богинь почти идентичны.

Проанализируем связи обеих богинь с другими локальными

женскими божествами и сравним их функции.

В мансийских мифах совместно с создателем мира выступает *Торум-Сянь* – ‘богиня-Мать или Мать бога’; – и место её обитания – Верхний мир, мир богов. Манси считают, что именно *Сянь* является прародительницей рода человеческого, считают, что она «родила» и первого ребёнка-человека. Манси её (*Сянь*) представляют в виде старой седой женщины, которая якобы владеет способностью продолжения рода человеческого и посылает людям детей, помогает в родах [4, 71, 92]. В мансийском фольклоре она выступает как *молодая, красивая женщина, косы, которой как живой соболь, как живой бобр: «по одной из кос поднимется живой соболь, по другой спускается бобр»* [5, 134]. Впервые очень подробно рассмотрела образ *Торум-Сянь* С.А. Попова [6]. Она раскрывает обряды почитания, воскрешения, гадания, которые характерны для богини *Калтазь*. Небесную мать *Торум-Сянь* С.А. Попова характеризует в птичьей ипостаси – гусь/лебедь и кукушка/ворона; земную *Калтазь* – в ипостаси зайца и лягушки [6, 21-24]. Рассматривая оба персонажа в пантеоне мансийских богов, С.А. Попова пришла к выводу, что образ *Калтазь* является двойственным: «В фольклоре она рисуется как молодая, красивая женщина. В ритуальной практике выступает в роли старой, длинноволосой женщины. Из этого следует, что её образ складывается из наложения двух традиций – фольклорной и ритуальной» [6, 29]. Таким образом, мансийская *Торум-Сянь*, *Йолы-Торум-Сянь*, *Калтац-Эква*, слившись в единый образ, выступают главными богинями, являются покровителями манси. По словам И. Н. Гемуева, «информанты не делали разницы между *Калтац-Экв’ы* и *Торум-Сянь*, они поясняли, что речь идет об «общей матери» [7, 201]. Таким образом, функции *Каттазь-Ими*, *Торум-Сянь*, *Калтац-Эква* полностью совпадают. Это одна и та же богиня, имя которой используется в хантыйском и мансийском вариантах.

Восточные ханты почитали богиню *Пугос-Анки*, которая имеет непосредственное отношение к деторождению (от нее зависит зачатие

ребенка, помощь женщине при родах) [8, 204]. Отношение к детскому последу у восточных хантов такое же, как у среднеобских хантов. Его относили соответственно в предполагаемое место обитания *Пугос-Анги* и *Ай-Каттась*. Из сведений хантов с Югана следует, что *Пугос-Анги* – главная богиня-душа – живет на небе [9, 55, 105].

Пугос-Анги давала вновь появившемуся ребенку основную жизненную силу – *тыт*, она как «мать всего», «самая главная на свете» посылает с первым лучом солнца детей на землю, что вполне соответствует функциям *Каттась*. Для *Пугос-Анги* восточные ханты совершают обряды с жертвоприношениями животных. У неё есть священное место в Варьёгане и на Агане, угощение для неё ставили в жилище, полагая, что она доступна в любом месте, может перевоплощаться в сову. Сами информанты сообщают: «*Калтась-ими*, она же *Анги-Пугос*» [9, 52-53].

Таким образом, *Анги-Пугос* на Югане ближе *Ай-Каттась*, а на Вахе – *Каттась*. Но, в тоже время, хантыйские материалы позволяют нам сделать сравнение среднеобских богинь со знаменитой богиней реки Казым *Касум-Ими*, которая отличается от них. Она имеет семь священных образов, семь священных песен и множество имен, почитается в образе черной кошки, утки кряквы (селезня), черного соболя, красного соболя. Постоянный её фольклорный эпитет *ниты нюхас хуранг Най*, *вурты нюхас хуранг Най* ‘в облике черного соболя *Най*, в облике красного соболя *Най*’ [2, 10, 13]. А в облике «златокрылого священного селезня» она взлетает в небо, к отцу *Торуму*, просит у Небесного отца прощения (за то, что вступает в конфликт со своим мужем и «отрубает ему одним лишь взмахом обе ноги»), отправляется в верховья реки Казым, поселяется на озере Нумто, где находится основное её священное место [10, 29]. Там, где она проходила (верховья реки Казым), находятся её священные места, везде «живут духи-хранители этих мест, как правило, муж с женой» [2, 11-12]. Единственное, что в мифах роднит *Касум-ими*, со среднеобскими

богинями, это то, что она тоже дочь *Нуми-Торума* и они равновеликие.

Рассмотреть общее и особенное и выявить наиболее архаичные черты среднеобских богинь невозможно без обращения к обширному кругу женских божественных персонажей других сибирских народов. Многие исследователи обратили внимание на близость обско-угорской богини *Каттась* с тюркской богиней *Умай* [11, 52-97]. Обе богини-матери связаны с сакральным верхом и с Матерью землей, в их ведении рождение и смерть людей. Богиня *Умай* покровительница детей у народов Саяна-Алтая, Казахстана и Средней Азии. С ней соотносятся особо почитаемые птицы – орел, лебедь, кукушка, журавль-стерх. В киргизском, как и в других тюркских языках, *Умай* означает порождающие женские органы (матку, утробу) и одновременно сказочную птицу, которая якобы гнездится в воздухе [12, 31]. В мифологии алтайских народов *Умай* помогает женщинам при родах [11, 77]. В этом случае богиня *Умай* сходна с обско-угорской богиней *Ай-Каттась*, которая связана с деторождением и беременностью. В представлениях шорцев, *Умай* одновременно и дух-хранитель младенцев, и дух, который «берет умирающего» и является «ангелом смерти» [11, 67; 12, 33], что вполне соответствует функции хантыйской богини *Калтась*, у которой в руках жизнь и смерть. Таким образом, в общетюркской богине *Умай* произошло слияние в единый образ богини, дающий жизнь, и богини, отнимающей жизнь.

С другой стороны, есть еще более интересный аналог *Калтась*, который в современной культуре выступает как мужское божество. Речь идет об удмуртском *Кылдысине*, являющемся параллелью мансийской (хантыйской) *Калтац-Экв'ы* [13; 14]. Удмуртское божество мужского пола по имени *Кылдысин* сохранил некоторые черты богини-матери, имея опосредованное отношение к рождению людей. Обращает на себя внимание многоликость бога *Кылдысин'а*. Сохранились сведения конца XVIII века, представляющие *Кылдысин'а* в образе женщины. Н. П. Рычков также отметил, что женщины молились ей о рождении детей,

а девицы о благополучном замужестве [15, 157]. Филологи толковали слова *кылдыны* как ‘творить, основывать, беременеть’ и пришли к выводу, что *Кылдысин* имел отношение к плодovitости женщин. Как к обско-угорской *Калтась*, так и к удмуртскому *Кылдысин*’у обращались в случае бесплодия, в этом случае упоминали его как *Кылдыни-Мумась* [14, 215]. Характерной особенностью являеюся реконструируемые связи *Кылдысин*’а с женщиной, с её главной способностью – даровать жизнь человеку. По преданиям, сам *Кылдысин* следил за благополучием родов, давал душу новорожденному ребенку [14, 221]. Таким образом, через связь с родами, покровительство ребёнку, беременным женщинам реликт женской природы *Кылдысина*, близкий к *Калтась-Экв’е, Ангепатяй, Илынты-котт’е*, обнаруживается вполне отчетливо. Исходя из этого, можно сделать вывод, что удмуртский *Кылдысин* – один из вариантов развития древнейших образов уральской мифологии – небесной богини-матери и её сына, надзирающего за миром, защитника людей *Мир-Ванты-Ху*. Сведения о покровительстве женщинам, беременным, родам, новорождённым и молодым матерям *Кылдысином* зафиксированы исследователями в конце XVIII – XIX вв. Обращает на себя внимание не только функциональная близость мансийской *Калтась* и удмуртского *Кылдысина*, но и само созвучие двух теонимов: мансийская *Калтась-Сянь* и удмуртский *Кылдысин*. По мнению В. В. Напольских и С. К. Белых, возможно, в удмуртской традиции произошло соединение их в едином образе *Кылдысин*’а [13, 172, 174].

В ходе исследования автор выделила круг сопоставимых персонажей женского пантеона. В ходе их анализа выявляется список характеристик – наличие собственного святилища, отдельного изображения, зооморфных и антропоморфных ипостасей, участие в обрядах рождения, воскрешения и гадания, которые у них либо присутствуют, либо отсутствуют. Сравнение вышеописанных божеств по этим критериям позволяет нам выделить среди них три группы.

В первую группу входят – *Каттась-Ими, Торум-Сянь (Калтась-Эква), Пугос-Анги, Умай, Кылдысин*. Они обладают одинаковым набором основных элементов культа – имеют святилища, изображение, зооморфные и антропоморфные ипостаси, участвуют в обряде рождения и в продлении человеческого рода. *Кылдысин* включен в эту группу, так как не вызывает сомнения первоначально его женская сущность и этимологическая связь имен *Калтась* и *Кылдысин*.

Во вторую группу можно отнести богинь, у которых совпадают три характеристики – наличие святилища, изображения и ипостасей, которые указывают на их высокий ранг. По этому критерию объединяются *Каттась-Ими, Торум-Сянь (Калтась-Эква), Пугос-Анги, Касуми-Ими, Умай*. Необходимо отметить, что входящая в эту группу *Касум-Ими* не имеет ни одного признака, связанного с обрядами рождения.

Особняком в третьей группе оказывается *Ай-Каттась*, которая отличается от всех тем, что является только в птичьем облике (при этом неизвестно, какая именно это птица) и связана только с обрядом рождения. Также необходимо констатировать, что восточнохантыйская *Анги-Пугос* с одной стороны, как ваховская богиня, тяготеет к первой группе, а как юганская – к *Ай-Каттась*, то есть частично мы можем ее учитывать в третьей группе.

На наш взгляд, такая картина может указывать на некую цепочку трансформаций, идущих во времени от архаичной Великой Богини, в ходе исторического развития. Во-первых, мы видим богинь, которые представляют собой единое божество с полным набором характеристик (например, *Калтась, Торум-Сянь*). В них как бы слиты все главные оставшиеся атрибуты Великой Богини. Во-вторых, мы наблюдаем богинь-«перевертышей», когда происходит трансформация женского божества в мужское. В данном случае *Кылдысин* является свидетельством завершения этого процесса, который описан многими авторами.

В-третьих, мы отмечаем богинь, не наделенных ни одной характеристикой и обозначенных как жена/мать глав ного божества (например, *Торум-Анки*, жена *Торума*). Последнее состояние иллюстрируется многочисленными, часто безымянными женами местных духов-хозяев в святилищах.

Таким образом, отличительные особенности божеств показали, что самой архаичной богиней является *Ай-Камтась* (нет изображения, не имеет святилища, не имеет связи с деревом, птичьей ипостаси). Она является самостоятельным мифологическим и культовым персонажем и одной из основных фигур женского пантеона среднеобских хантов. Сравнения, проведённые с другими локальными женскими божествами, показали происходящую трансформацию на территории проживания обско-угорских народов. Среднеобские богини *Ун Калтась* и *Ай-Камтась* в соответствии с предложенным пониманием трансформаций отражают незавершенный процесс слияния с сохранением за каждой своих функций.

Литература

1. Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сост., пред. и примеч. Н.В. Лукиной. М.: Наука, 1990. с. 568.
2. Молданов Т.А., Молданова Т.А. Боги земли казымской. Томск: Изд-во Том. ун-та. 2000. с. 114.
3. Мартынова Е.П. Образ Калтащ-Анки в религиозной традиции хантов // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург. 1992. с. 74-84.
4. Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура: Сургут, 1993. с. 208.
5. Карьялайнен, К.Ф. Религия югорских народов / Пер с немец. Н.В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. ун-та. 1995, Т. 2. – с. 282.
6. Попова С.А. Обряды перехода в традиционной культуре манси. Томск: Изд-во Том. ун-та. 2003. с. 180.

7. Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск: Наука, 1990. 232 с.
8. Кулемзин В.М. Пугос анки // Мифология хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та. 2000. с. 204.
9. Кулемзин В.М. Человек и природа в воззрениях хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та. 1984. 192 с.
10. Молданов Тимофей. Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных ханты Томск: Изд-во Том. ун-та. 1999. 141 с.
11. Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. – Новосибирск, 1991. – с. 155.
12. Черемисин Д.В. Кирано-тюркским связям в области мифологии. Богиня Умай и мифическая птица // Народы Сибири: история и культура. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 1997. с. 31-43.
13. Напольских В.В., Белых С.К. Удмуртская Кылдысин – мансийская Калтась: истоки параллелизма // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. 1993. с. 172-174.
14. Шутова Н.И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2001. 304 с.
15. Рычков Н.П. Журнал, или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства. 1769 и 1770 г. СПб., 1770. с. 167-168.

Представления «души» в традиционном мировоззрении хантов полноватского Приобья

Т.Р. Пятникова

*Обско-угорский институт прикладных исследований
и разработок, Белоярский*

Аннотация: В разговорной речи для выражения понятия «душа» используются различные фразеологизмы. Их перевод может быть неоднозначным в контексте разных речевых высказываний. В статье рассматриваются выражения, способствующие раскрытию понятия «душа».

Ключевые слова: душа, дыхание, жизненная сила, сердце-печень, пища, желания, тело, человек, желудок, личность.

В хантыйском языке для выражения понятия «душа» используется целый ряд фразеологизмов. В комплекс представлений о душе обычно входит дыхание, тень и так называемая жизненная сила. Понятие жизни у хантов выражается словом *лалты* 'дышать' дыхание. У живого человека, кроме невидимой жизненной силы *лыл* 'дыхание', 'душа', есть и видимая жизненная сила *йис-хур* 'тень, отражение'. Невидимая жизненная сила считается основной душой человека, она может находиться в различных частях человеческого организма и вне его, и, вероятно, руководит всеми остальными душами человека. Как известно по представлениям хантов, у женщин есть четыре души, у мужчин – пять.

В своей работе мы остановимся на понятии «душа», отвечающем за так называемую жизненную силу, чувство, восприятие и т.д., приведем данные, способствующие раскрытию этих значений.

В этнографической литературе вопросу представлений о душе уделено достаточно внимания. Работы К.Ф. Карьялайнена [1], С.К.

Патканова [2, 308], В.Н. Чернецова [3], В.М. Кулемзина [4], З.П. Соколовой [5], А.П. Зенько [6], Э. Рутткаи-Миклиан, В.И. Сподиной [8] и других авторов позволяют установить подробную картину бытия души.

В.И. Даль, комментируя русское народное поверье, согласно которому душа располагалась ниже сердца, в желудке, поясняет, что это «соответствует положению брюшных нервных узлов, называемых также брюшным мозгом и седалищем» [9, 74]. На хантыйском языке брюшная полость звучит как *вэнтър*, это понятие включает в себя ‘таз, кишечник, мочевой пузырь’ [10, 52].

В.И. Даль также упоминает и другую версию местонахождения души: «душа ‘ямочка на теле’, над грудною костью, под кадыком: тут, по мнению народа, пребыванье души» [11, 505]. На хантыйском языке кадык *тър нўкла* [12, 44].

Как орган, отвечающий за жизнь человека, душа нуждается в регулярном питании. Недокормленная душа худеет, ссыхается, и, как следствие, слабеет и сам хозяин. Про человека говорят: *уса урма йис* ‘совсем исхудал’, *эпнэл атам хураспия йис* ‘внешне плохо выглядит, что может привести к смерти. Одной из причин такого состояния видят уход одной из душ и говорят: *йис-нэптэй сыры тасы* ‘душу-срок жизни раньше унесли’ (например, злые духи). Считается, что перед смертью человека тень-душа ходит отдельно и является вестником скорой смерти. Внутренние болезни и различные душевные расстройства приписывали действиям злых духов, порче, болезни [13, 245-254]. О больном человеке, не принимающем пищу, или о голодающем говорят: *лелы ши хэл* ‘с голоду помрёт’, данное выражение говорит о том, что голод связывается со смертью.

Но душа не безмолвна и находит разные способы заявить о своих потребностях. Вообще, душа мыслится как орган, вырабатывающий желания как духовного так и плотского свойства. О желании кушать говорят: *леты ляңхалум* ‘кушать хочу’, *сэмем вохты* ‘сердце есть

просит⁷(имеется в виду желудок). Еда должна нравиться душе: *леттүт сáма-мухла мэстá* ‘еда сердцу-печени подходит, или *тáм леттүт мáнэм мэстáл* ‘еда мне нравится, по душе’. В завершение трапезы о съеденном вкусном кусочке или сладости говорят *сáм тый пелы* ‘на макушку сердца (или: на вершину съеденной пищи)’. Про сладкоежку говорят *нялум вой* ‘досл.: язык, зверь’, также говорят при желании съесть ещё что-нибудь или выпить, например, вино. Но душа не всеядна. Неаппетитная еда вызывает у неё отвращение. Причём отказ может принимать самые разные формы: от отсутствия аппетита до тошноты. Например, *тáм леттүт мáнэма áн мэстáл* – ‘эта еда мне не нравится, не по душе’, *сáма-мухла áн мэстáл* – ‘сердцу-печени не подходит’ (по вкусовым качествам). При переедании говорят *охнилáты вэнты лесум* ‘наелся до тошноты, рвоты’, или: *хунэм кева вортáсáс* – ‘живот стал твёрдым как камень’. Про человека, который много ест, говорят *хун аңки* – ‘досл.: живот, мать (обжора)’, *нелáң хун* – ‘ненасытный живот’, прожорливый. Когда человек слишком много ест, он оценивается отрицательно. Русская пословица гласит: «С голоду не мрут, только пухнут, а с обжорства лопаются». В хантыйском фольклоре можно найти подтверждение этой пословице. Например, сказка «О мышонке», у которого лопнул живот от переедания. Поскольку душа отождествляется с личностью человека, с его сущностью, то качества человека описываются и через пристрастия к еде. Про любителя пить много чая говорят: *йиңки хун* – ‘водяной живот’. Выражения *лева муйарат мосáл* ‘ешь сколько хочешь’, сколько душе угодно, *сыта йисум, мурта йисум* ‘насытился, наелся’ и т.д., говорят о том, что душа знает меру потребляемой пищи. Еда утоляет не только голод, прежде всего, она доставляет наслаждение душе, даёт прилив сил организму. Надо заметить, что несмотря на активное участие души в процессе пищеварении, конкуренцию ей составляют прежде всего сердце и печень.

Душа, в зависимости от внешних факторов, меняет своё состояние.

Замёрзшую душу можно согреть. Например, *каврум шайн лытэм хошмәлүм* – ‘горячим чаем нутро (душу) согрею’, *сҗем хошумсы* ‘тело согрелось’. При распространении тепла по телу, например, от волнения, стыда, говорят: *мет кавруи йиңкән шошәмәсыйм* ‘как будто горячей водой облили’. Душу можно довести до кипения. Когда человек сердится или вне себя от ярости, он говорит: *вонтрэм пүт иты кавърл* ‘моё нутро (брюшная полость), как котёл кипит’, или *лытэм нюр мулүм пүт* ‘нутро моё, как кипящий котёл’. Душа может гореть. При изжоге говорят *сәмем шарыйл* ‘досл.: сердце жжёт’, появляется желание что-нибудь съесть или выпить.

Душа может радоваться, сердиться, быть равнодушной. Радость можно выразить внешними проявлениями и словами, например, *ма нух амтсум* – ‘я обрадовался’. О добродушном человеке говорят: *нявләк сәмпн* – ‘с добрым, мягким сердцем’. От неожиданности, радости, говорят *лыҗем юх йермәс* – ‘дыхание спёрло’, *лыҗем ләп омсумса* – ‘дыхание сдавило’, человек не может вдохнуть и выдохнуть. При равнодушии *мәнәм ици мурт* – ‘мне всё равно’, *мәнәм муй вер* – ‘мне какое дело’. В определённых ситуациях душа меняет свой размер. Тому, кто выражает своё недовольство, возмущение говорят *лыпен йермата ци йис* – ‘внутри тесно стало, душе тесно’.

Душа выступает и как живое существо, испытывающее боль, переживания и т.д. (меняется от настроения человека). Так, переживание описывается как боль, *лүв пәтәлја сәмем кәшаң* ‘за него у меня сердце (душа) болит’, *лүв пелеҗа иса нәмәслүм* ‘о нём всё думаю’. Когда человек обижается: *нумсәм шәк* – ‘досл. мысли, горе’, обиделся; *нумсәм рәкнәс* – ‘досл. мысль, отпала’, отказаться от своих мыслей, желаний. В этих случаях душа располагается в сердце и голове.

Душа мыслится как орган, вырабатывающий желания, о чём свидетельствуют многочисленные волеизъявления, например: *ма тәңхалүм* – ‘я хочу’, *ма вохлүм* – ‘я прошу’. Отказ выполнять определённую работу *кашәм әнтә* ‘желания нет, не хочется’. Про

человека, который ходит без цели, просто так, говорят: *муй йис хурэн кайшман яхлэн* – ‘тень-душу ища ходишь’. Душа подсказывает (предсказывает) *лытэмэн алылаюм* – ‘душа подсказывает’, ‘нутром чую’. Угадывает чужие мысли *ма вэнтрэма лянтылсён* – ‘в моё нутро залезал’ (откуда ты знаешь, что у меня в душе). При ощущении какой-нибудь физиологической потребности *вэнтрэм текнэс* – ‘мочевой пузырь наполнился’, *охты лянхалум* – ‘позывы на рвоту’.

Душа испытывает неприязнь или хорошее расположение к окружающим людям, *лыкэм етл* ‘сержусь’ (злойЪ, или *хэннехэ пелы сэмэң* ‘хороший, доброжелательный человек’, *рэнитты сэмэң* ‘трудолюбивый’.

Возбуждённое состояние сравнивается с человеком, съевшим мухомор. Например: *нэң муй поңх суха йисён* – ‘ты что, мухоморов наелся’. Психически расстроенный человек *пелмум сухэн вал* – ‘в изменённом сознании, сумасшедший’, не контролируешь свои действия.

О странствиях души, временно покидающей тело, известно из вышеперечисленных работ. Кроме того, душа может перемещаться под воздействием сильных эмоций и внутри тела. При сильном испуге говорят *йислам-хэслам ши мэнлэйт* – ‘тени-звёзды чуть не ушли’ (душа чуть не покинула тело), *сэмэм ил лакнэмэс* – ‘сердце упало’ (ср.: сердце в пятки ушло), *сэмэм хэйци похнэс* – ‘сердце чуть не лопнуло’, *сэмэм ай ши ёвлэсл* – ‘досл. сердце колотится, сильно стучит’. При сильном кашле, рвоте говорят – *сэмэм-мухлэм ким ши рывлы* ‘сердце-печень наружу выпадут’, *вэнтрэм ким ши рэкэнл* – ‘желудок (нутро) наружу выпадет’, чуть не исторгается наружу. Эти состояния можно сравнить с попыткой души покинуть тело.

По сведениям К.Ф. Карьялайнена: «Душа может «размещаться» в грудной клетке и части живота. Эта душа уходит в верхний мир после смерти человека, покидая тело через рот». Пока есть дыхание, действуют органы, бьётся сердце, течёт кровь; прекращается дыхание, заканчивается и деятельность органов [1, 33]. В этом случае говорят

дылӑл ҫтӑс – ‘дух (дыхание) испустил’. В хантыйском языке существуют выражения, используемые для того, чтобы избежать прямого упоминания о смерти. Говоря об умершем, употребляют следующие выражения: *ӑнтӑма йис, пуна йис* – ‘не стало человека, умер’. Существует представление, что в течение 40-50 дней (женщина, мужчина) душа умершего может находиться дома. Поэтому в течение этих дней в доме горела лампа, ставили специальный стол с едой для упокоения души умершего.

Итак, душа человека нуждается в том, чтобы её поили и кормили, так как ощущение сытости приносит ей облегчение, а чувство голода воспринимается как тяжесть. Еда и питьё прежде всего доставляют наслаждение душе. В многочисленных фразеологизмах душа предстаёт как некое вместилище, а чаще – как живое существо, которое надо уважать, баловать.

Литература

1. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов / Перевод с немецкого и публикация д. ист. наук Н. В. Лукиной. Т.1. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 152 с.
2. Патканов С.К. Сочинение в двух томах: Т.2. История колонизации Сибири / Под ред. С. Г. Пархимовича; сост. Ю. Л. Мандрик. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрика, 1999. 420 с.
3. Чернецов В.Н. Представление о душе у обских угров // ТИЭ, н.с.т. 51. М., 1959. с. 114-156.
4. Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. 190 с.
5. Соколова З.П. Пережитки религиозных верований у обских угров // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века. Л., 1971. с. 211-238.
6. Зенько А.П. Представления о человеке в традиционном мировоззрении обских угров // Этнография народов Западной

- Сибири. К юбилею доктора исторических наук, профессора З. П. Соколовой / Отв. ред. Д. А. Функ, А. П. Зенько. М., 2000. 169-176 с.
7. Руткаи-Миклиан Э. Родство души и тела. Реинкарнация // Сынские ханты. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. с. 99-112.
  8. Сподина В.И. Представление о душе как центральной зоне ментальности этноса (на материале хантов и лесных ненцев) // Вестник урovedения. – 2012. – № 1(8). – 200 с.
  9. Даль В.И. О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб., 1996.
  10. Рябчикова З.С. Соматическая лексика хантыйского языка: монография / отв. ред. Т. Н. Дмитриева. Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2012. 264 с.
  11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М., 1880-1882 (1978).
  12. Кононова С.П. Русско-хантыйский тематический словарь (казымский диалект): Пособие для учащихся старших классов и колледжей. СПб.: филиал изд-ва «Просвещение», 2002. 216 с.
  13. Пятникова Т.Р. Представления усть-казымских ханты о причинах возникновения болезней // Мировоззрение обских угров в контексте языка и культуры: Материалы Всероссийской научной конференции. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010.

Информанты

1. Гришкина (Лельхова) Пелагея Алексеевна, 1932 г.р., д. Пашторы
2. Гришкина (Лельхова) Екатерина Константиновна, 1931 г.р., д. Пашторы.
3. Курикова (Молданова) Мария Ивановна, 1928 г.р., пос. Ван-пан.
4. Каксина (Тарлина) Евдокия Даниловна, 1968 г.р., д. Юильск.

5. Лельхова Евдокия Григорьевна, 1936 г.р., д. Пашторы.
6. Лельхова Ульяна Павловна, 1922 г.р., д. Пашторы.
7. Лельхова (Федотова) Акулина Васильевна, 1923 г.р., д. Пашторы.
8. Ользина (Гришкина) Матрёна Алексеевна, 1924 г.р., д. Тугияны.
9. Ользина Матрёна Григорьевна, 1930 г.р., ю. Суреи.
10. Пятникова (Ользина) Евдокия Григорьевна, 1924 г.р., ю. Суреи.
11. Слепенкова (Себурова) Рима Константиновна, 1956 г.р., д. Тугияны.
12. Юмина (Лельхова) Матрёна Григорьевна 1934 г.р., д. Пашторы.
13. Юхлымова (Миляхова) Прасковья Николаевна, 1930 г.р., д. Чуэли.

**Истории князей Кушкирёвых-Шешкиных
и Ляпинской волости**

Т.Д. Слинкина

*Обско-угорский институт прикладных исследований
и разработок, Ханты-Мансийск*

Аннотация: В статье рассказывается о династии Шешкиных – потомков князей Куноватско-Ляпинского княжества. История Ляпинской волости занимает достойное место в летописи Западной Сибири. Княжеский потомок Пётр Ефимович Шешкин оставил после себя богатое творческое наследие, значимое для народа манси, его духовной культуры.

Ключевые слова: Куноватско-Ляпинское княжество, Ляпинский городок, династия, княжеский потомок Пётр Ефимович Шешкин.

С начала второго тысячелетия у народов Западной Сибири шел активный процесс становления государственных образований. Примерно к XII-XIII вв. относятся первые упоминания о «княжествах», которые в основе своей имели территориально-родовые объединения. Во главе того или иного «княжества» стояли «князцы» (по-мансийски – *канац* ‘князь’), власть которых была наследственной. При князьях всегда была дружина воинов из числа сильных и авторитетных родов, а в случае войны набирали ополчение среди общинников. Князья были не феодалами, а являлись предводителями территориально-родовых групп. В одном княжестве в нескольких родовых владениях во главе были свои князья, которые были в подчинении у главы волости. Они имели также своих воинов, при необходимости их дружины выступали в составе общего войска главного князя. Социально-экономическим и политическим центром княжеств были достаточно хорошо

укрепленные городки. Постоянные межэтнические, межобщинные конфликты привели к тому, что к середине II тыс. н. э. произошел распад обско-угорской общности.

Новгородские летописи XI-XIV вв. упоминают ханты и манси под единым названием «югра». Позднее, в XV-XVI вв., манси стали называться «вогулами», а ханты «остяками».

Социально-экономическим и политическим центром княжеств были достаточно хорошо укрепленные городки. Политическая жизнь княжеств была беспокойной, князья часто вели войны, собирая дань с покоренных родов, захватывая имущество, рабов. Мансийские князья являлись предводителями территориально-родовых групп. Одним из самых крупных княжеств ханты к XV-XVI вв., с правящей династией Алачевых, было Кодское. По подтверждениям русских средневековых источников, кодские князья совершали военные набеги на соседние угорские княжества, вели войны с пермскими владыками и русскими отрядами, ходили в походы против эвенков (тунгусы) на Енисей. Известны также Обдорское княжество с центром в городище *Пулу-Обат-Вош* – г. Обдорск (г. Салехард) – и Казымское княжество с центром в городище Казым, в устье одноименной реки. Мощное хантыйское княжество находилось на реке Демьянке. Не менее сильным было княжество Бардака, влияние которого распространялось на Сургутское Приобье. Центр княжества, Бардаков городок, находился вблизи современного г. Сургута. Наиболее крупное территориально-племенное объединение манси – Пелымское княжество – занимало бассейны рек Пелыма, Конда, Тавда. С XV в. Пелымское княжество начинает испытывать влияние Сибирского ханства и становится его данником. Вторым крупным мансийским объединением было Куноватско-Ляпинское княжество (бассейны рек Ляпин, Сев.Сосьва, Куноват, части Оби между Кодским и Обдорским княжествами). Центром княжества был городок *Кун-Авт-Вош*. Существовало также

другое мансийское объединение – Белогорское княжество. К середине II тыс. н. э. появляются довольно мощные селькупские княжества, самое крупное из которых – Пегая Орда, натиск которого испытывали приобские ханты (княжество Бардака).

Армия любого таежного княжества состояла из двух частей: а) княжеская дружина; б) ополчение родов (под началом шаманов). Вооружение воинов состояло из луков, стрел, палм, боевых топоров, ножей. С проникновением сюда (в Сибирь) новгородцев во второй половине II тыс. н. э. получают распространение кольчуги, берестяные клеевые панцири, колчаны фигурно-вычурной формы, но щитов и шлемов не было. Имелись боевые скоростные лодки, нарты, лыжи, необходимое количество оленей, коней. Воины жили в укрепленном городище, рядом располагалась деревня, снабжавшая воинов, но её жителям запрещено было входить на территорию крепости [1; 2; 3].

В истории ляпинских манси более известна династия князей Шешкиных, их укрепленным центром владений «...был Ляпинский городок (*Лёнмус-Пявыл*) – центр Ляпинской волости после распада в 1607 г. Куноватско-Ляпинского княжества. Князем волости был назван Кушкул Наев, давший начало княжеской фамилии Кушкиревых-Шешкиных. В 1692 г. его потомок Шеша Кушкиреев (Шешки Кушкилев), вместе с 4 князьями, ездил в Москву к государю с подарками. Возможно, им тогда и были выданы грамоты на княженье в своих волостях» [4, 42-43; 4, 55-56]. «Выдаваемые грамоты требовали «подновления». В 1753 г. для подтверждения княжеского достоинства в Москву ездил Иван Шешкин» [4, 59]. «Согласно 4 ревизии (аналог переписи – С. Т.) в 1782 г. в Ляпинском городке княжил Иван Шешкин, в 7-10 ревизии в 1816-1858 гг. княжил уже Семён Иванов Шешкин. По ревизии 1782 года в семье князя Ивана Шешкина мужчин было 5 чел., женщин 3 чел. В 1816 году в семье его сына Семёна Ивановича Шешкина было мужчин 3 чел., женщин – 6 чел. В 1858 г. у него же

мужчин было 3 чел., женщин – 2 чел. В 1816 г. в *Лопмӯс-Пāвыле* всего жило мужчин 53 чел., женщин – 38 чел., хозяйств (домов) было 16 [4, 378-379].

По документам государственной ревизии [4, 377-388], в подчинение административного центра Ляпинский городок вошли юрты Лобымважские (от *Лōпмӯс-Пāвыл* – ‘деревня возле [речки с] торфянистой [водой]’), Оурьинские (*Овыр-Я̄-Пāвыл* ‘деревня на крутой речке’), Посолдинские (от *Посал-Тыт-Пāвыл* – ‘деревня у начала протоки’)» [4, 304, 378-379].

В состав Ляпинской волости входил также Юильский городок¹. Старшиной городка по 10 ревизии значится Андрей Михайлов Тигаманов. В его подчинение входили юрты Щекуринские (*Сӯқыр-Я̄-Пāвыл*, совр. д. Щекурья), Хонгальские (*Хāула-Пāвыл*, на картах д. Ханглы) [4, 380-381].

Далее значится Мункаский городок, к нему относились юрты Мункемские (*Мувыукēs-Пāвыл* ‘деревня [при городище]’ с круговым рубезом’ – на картах д. Мунгесы), Хошловские (*Хōслōх-Пāвыл* ‘деревня длинного лога’ – совр. д. Хошлог) [4, 382].

Следующий – Шангальский городок – состоял из Хорумпаульских юрт (*Хорыу-Пāвыл* – ‘деревня с голубичным болотом’, совр. д. Хурумауль), Межупаульские юрты (*Мēsыг-Пāвыл* – ‘деревня на излучине [реки]’, на картах д. Межи) [4, 383-384]. В состав волости входили ещё три городка: Шоминский городок (*Сӯма-Пāвыл* – ‘деревня на высоком берегу’, на картах д. Шомы), Кугинский городок (*Хохау-Пāвыл*, совр. д. Куги), Ляпинский (Обской) городок, в котором

¹ Юильский городок – от Сакв-Талых-Ўс – ‘городок в верховье Сыгвы’, от перевода данного мансийского ойконима на коми яз. образован Ю-Йыл-Кар – ‘городок в верховье реки’, далее образован русский вариант Юильский. На его месте теперь расположен современный Саран-Пāвыл – ‘зырянское поселение’ (п. Саранпауль), который зыряне называют Ляпин. В верховьях р. Казым тоже было расположено городище Юильск.

значилось 26 фамилий. Видимо, это было сезонное поселение на обских рыболовецких песках. По данным 10-й ревизии данный городок в составе Ляпинской волости не фиксируется. Часть населения городка причислена к ю. Лобымвожским [4, 386]. Все вышеуказанные городки во главе со своими родовыми князьями и *няйт*ами (шаманами) были в подчинении потомственных князей Шешкиных.

В перечне жителей юрт Лобымважских значится 16 фамилий, у них в 1782 г. было 16 хозяйств (домов); в 1816 г. – 12; в 1858 г. – 16. Главным князем владений значится по 4 ревизии Иван Шешкин, по 7 и 10 ревизиям – Семён Иванов Шешкин. Ниже приводим данные трёх ревизий по юртам Лобымважским (*Лобмӯс-Павыл*) [4, 379]:

Шешкин: в 1782 г. по 4-й ревизии мужчин – 5 чел., женщин – 3 чел., 1 хозяйство. В 1816 г. по 7-й ревизии мужчин – 3 чел., женщин – 6 чел., 1 хозяйства. В 1858 г. по 10-й ревизии мужчин – 3 чел., женщин – 1 чел., 1 хозяйство.

Артымов: в 1782 г. по 4-й ревизии мужчин 3 чел., женщин 5 чел., 1 хозяйство. «По данным 7-й ревизии Артымовы числятся как племянники Семёна Шешкина». Возможно, поэтому в 1816 г. в перечне по 7-й и в 1858 г. по 10-й ревизиям они не значатся.

Гришкин: в 1782 г. по 4-й ревизии мужчин – 1 чел., 1 хозяйство. В перечне в 1816 г. по 7-й ревизии и в 1858 г. по 10-й ревизии не значится.

Дьяков: в 1782 г. по 4-й ревизии мужчин – 2 чел., женщин – 3 чел., 1 хозяйство. В 1816 г. по 7-й ревизии мужчин – 2 чел., женщин – 1 чел., 1 хозяйство. В 1858 г. по 10-й ревизии не значатся. «По 9-й ревизии указано, что Дьяковы находились «в вынужденной отлучке».

Вырин: в 1782 г. по 4-й ревизии мужчин – 2 чел., женщин – 2 чел., 1 хозяйство. В перечне в 1816 г. по 7-й ревизии и в 1858 г. по 10-й ревизии не значится.

Аманов (совр. Оманов): в 1782 г. по 4-й ревизии мужчин – 17 чел., женщин – 9 чел., 4 хозяйства. В 1816 г. по 7-й ревизии мужчин – 17 чел.,

женщин 21 чел., 6 хозяйств. В 1858 г. по 10-й ревизии мужчин 6 чел., женщин 8 чел., 2 хозяйства.

Хорин: в 1782 г. по 4-й ревизии мужчин – 8 чел., женщин – 5 чел., 2 хозяйства. В 1816 г. по 7-й ревизии мужчин – 4 чел., женщин – 2 чел., 1 хозяйство. В 1858 г. по 10-й ревизии мужчин – 3 чел., женщин – 2 чел., 1 хозяйство.

Кузимов (возм., Хозумов): в 1782 г. по 4-й ревизии мужчин – 11 чел., женщин – 5 чел., 3 хозяйства. В 1816 г. по 7-й ревизии мужчин – 12 чел., женщин – 7 чел., 2 хозяйства. В 1858 г. по 10-й ревизии мужчин – 6 чел., женщин – 5 чел., 3 хозяйство.

Еныхумов: в 1782 г. по 4-й ревизии мужчин 4 чел., женщин 2 чел., 2 хозяйства. В 1816 г. по 7-й ревизии мужчин 4 чел., женщин 1 чел., 1 хозяйство.

«Фамилия Еныхумов в 1858 г. по 10-й ревизии записана как Шемялхуров...»: мужчин – 3 чел., женщин – 2 чел., 1 хозяйство.

«...По данным 7-й ревизии в семье Петра Яковлева Еныхумова числился пасынок – Семён Иванов Бабелаков; по 9-й ревизии его сын Николай Васильев Бабелаков записан отдельно, в 1858 г. по 10-й ревизии он зафиксирован под фамилией Васильев»: мужчин – 3 чел., женщин – 2 чел., 1 хозяйство.

Албин: в 1858 г. по 10-й ревизии мужчин – 15 чел., женщин – 8 чел., хозяйства. «В материалах 9-й ревизии указано, что Албины по предыдущей переписи «были пропущены»; соотнести их с какой-либо из имеющихся фамилий не представляется возможным, есть вероятность, что это Алмины, переселившиеся из Ляпинского (Обского) городка».

Нобтин (возможно, совр. Яптин): в 1858 г. по 10-й ревизии мужчин – 2 чел., 1 хозяйство. «...В материалах 10-й ревизии указано, что по предыдущей переписи Нобтины «были пропущены»; фамилия Нобтин встречается по 4-7 ревизиям в Юильском городке».

Немдазин: в 1858 г. по 10-й ревизии мужчин – 2 чел., женщин –

2 чел, 1 хозяйство. «В материалах 9-й ревизии указано, что Немдазин «в предыдущую перепись был пропущен»; фамилия Немдазин по 4-10-й ревизиям встречается среди самоедов».

Амадиев (Анадеев): в 1858 г. по 10-й ревизии мужчин 1 чел., женщин 1 чел., 1 хозяйство. «Фамилия Амадиев отмечена в Юильском городке» (см. Анадьев) [4, 379; 380].

Олысаров: в 1858 г. по 10-й ревизии мужчин 8 чел., женщин 5 чел., 1 хозяйство. «По данным 10 ревизии Олысаровы «были пропущены». Олысаровы – переселившаяся из Ляпинского (Обского) городка семья Константина Осиповича Енысарова».

По материалам ревизий по юртам Лобымважским значилось: в 1782 г. по 4-й ревизии мужчин – 53 чел., женщин – 34 чел., 16 хозяйств. В 1816 г. по 7-й ревизии мужчин – 42 чел., женщин – 38 чел., 11 хозяйств. В 1858 г. по 10-й ревизии мужчин – 53 чел., женщин – 38 чел., 16 хозяйств [4, 377].

До 1917 г. и в период установления советской власти по р. Ляпин (Сакв-Я) в 1920 г. последним хранителем княжеских регалий (царская печать и грамота) был потомок мансийской княжеской династии Шешкин Ефим Иванович. Он «был арестован, его увезли, судили в 1941 г. в Омской тюрьме, где он умер в 1942 г.» [5, 12]. «Когда его забирали, он сыну Костантину сказал, где находятся княжеские регалии – царская печать и грамота, которые передал ему дедушка» (вероятно, это был князь Семён – С. Т.) [6, 136].

Супругой Ефима Ивановича была Сайнахова Мария Ивановна (скончалась в 1979), в браке Шешкина. Обиходно ее звали *Яныг Сўкыр-Янэ* – ‘старшая женщина из Щекурьи’. В пожилом возрасте ослепла, но всё по дому делала сама. Всего у супругов было 12 (14) детей, из них выросли только 6 детей: четыре сына и две дочери [5, 51; 7, 7-8].

Их дети: сын Шешкин Алексей Ефимович был репрессирован и расстрелян, ему было всего 14 лет [7, 7-8].;

Сын Шешкин Павел Ефимович, рано умер от болезни. Его жена Шешкина Анна Даниловна, до брака Анемгурова (сестра матери С. А. Поповой). Жили в *Лõммõс-Пåвыле*. Её родители были оленеводами, родом из *Ня̀хцям-Вõль-Пåвыла* (п. Няксимволь).

Их дети: дочь Шешкина Софья Павловна, ее муж Хозумов Митрофан Николаевич;

Дочь Шешкина Матрёна Павловна (1948 г.р.), в браке Анямова. Муж Анямов Спиридон Арсентьевич, родом был из *Я́-Сõнт-Пåвыла* (д. Ясунт). Погиб на реке. Их дети: сын Анямов Андрей Спиридонович. Дочь Анямова Ирина Спиридоновна, в браке Филиппова, муж Филиппов Эдуард Ильич. Живут в *Саран-Пåвыле* (п. Саранпауль).

Во II браке у Шешкиной Анны Даниловны муж Таратов Егор. Их дети: сын Таратов Николай Егорович, дочь Таратова Людмила Егоровна;

Дочь Ефима Ивановича Шешкина Дарья Ефимовна. Была замужем в *Сõй-Вåт-Пåвыле*¹, Ивдельского р-на, Свердловской обл. Муж Анямов. Супруги были бездетными. Дарья Ефимовна умерла раньше мамы.

дочь Шешкина Ирина Ефимовна. Уже в солидном возрасте в *Лõммõс-Пåвыле* вышла замуж за овдовевшего Сайнахова Павла Прокопьевича, вскоре трагически погибла;

Сын Шешкин Константин Ефимович, умер в старости. Его жена Шешкина Мария Тарасовна, до брака Мони́на. Скончалась в старости в 2001 г. «...Детей не было. Жили в *Ля́м-Я́-Пåвыле* Свердловской области. Охотились, рыбачили. Держали своих оленей, сами пасли их. Лесозаготовители ближние леса вырубili, пасти оленей стало негде,

¹ В советские времена Сõй-Вåт-Пåвыл был большим мансийским селением, располагался в междуречье Лõсум-Я́ (р. Лозьва) и Полум-Я́ (р. Пелым) возле реки Вåтка-Гõр-Åхт (р. Ваткатурахт). В советские времена являлось центром снабжения колхозных охотников и оленеводов продуктами, охотничьим снаряжением. Через него проходила древняя зимняя дорога, которая шла от Ивделя к верховьям Сев. Сосьвы, хõнлõнх ‘царская’ дорога, или ‘казённая дорога’. С 1990-х гг. - нежилое.

так и забросили оленеводство. Пришлось перебраться в *Хоса-Воль-Пāvыл* ‘деревня на долгом повороте [реки]’ (п. Бурмантово, обиходно Бурма – С. Т.). Из-за утраты оленей Константину пришлось поменять и исконное верование на Православное [8, 20].

Отец Марии Тарасовны, Мони́н Тарас Петрович, был родом из *Пёткас-Пāvыла* (д. Бедкажи на р. Сев.Сосьва). **Мать** Бахтиярова Ольга Николаевна, была родом из п. Вижай, Свердловской обл.» [7, 134].

«Константин Ефимович, возвращаясь со службы в армии, из-за распутицы не смог попасть домой в *Лōпмус-Пāvыл*. Остановился переждать у сестёр в г. Ивдель. Познакомился с красавицей Марией, так и остался в *Ля́м-Я́-Пāvыле*» (‘деревня на черёмуховой речке’ – С. Т.) [9, 19-20]. «Однажды в лесу на него напали три браконьера. Защищаясь, одного случайно убил. Отсидел 7 лет. Жена ждала» [6, 134]

Константин Ефимович, как потомок княжеского рода, был хранителем информации о семейных реликвиях – регалиях князя – царской печати и грамоте. О них ему поведал отец, когда его забирали в тюрьму в 1941 г. В своё время его отцу, Ефиму Шешкину, они были переданы дедом. Через 3 года после кончины жены Константина Ефимовича отправили в Дом престарелых в п. Полуночное, а куда далее – неизвестно... Такова судьба ещё одного потомка мансийских князей [6, 136];

Сын Шешкин Пётр Ефимович (24.06.30 – 1981); в карточке, составленной с его слов, указана другая дата рождения – 12 июля 1932 г. С 1963 г. жил в п. Сосьва. Погиб от удара молнией: во время грозы чинил радиоаппаратуру. Младенцем в 1,5 годика в дороге он попал под перевернувшиеся олени нарты, видимо, получил травму позвоночника – ребёнок постоянно плакал от боли. Больница была далеко. К трём годам образовался горб. В школу учиться не ходил. Однако, подрастая, с усердием занимался самообразованием. Ему помогали учителя [9, 7-8]. В 1971 г. его талант был отмечен званием

Заслуженного работника культуры РСФСР. Он был талантливым скульптором и графиком, знатоком фольклора и его собирателем. Сам сочинял песни и пьесы на мансийском языке. Без его участия не проходила ни одна значительная выставка, семинар, олимпиада народного творчества. Наследие мастера состоит из графических произведений, скульптур, вырезанных им из дерева и костей, орнаментированных изделий из бересты, общеизвестных альбомов мансийских орнаментов и словаря. Его работы участвовали во многих российских и зарубежных выставках. Работы мастера П. Е. Шешкина имеются в фондах музеев Ханты-Мансийского округа, Тюменской обл., в государственных музеях России и за рубежом» [7, 1, 7-8]. В память о нём в июне ежегодно проводятся «Шешкинские чтения».

Творческое наследие П.Е. Шешкина весомо и бесценно для народа манси, для его материальной и духовной культуры.

Литература

1. Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI – XVII веках. Л.: Изд. Института народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича, 1935. 46 с.
2. Бахрушин С.В. Научные труды: Избранные работы по истории Сибири XVI-XVII вв. М.: Изд. АН СССР, 1955. Т.3. 298 с.
3. Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI-XVII веках; Очерки по истории колонизации Сибири в XVI-XVII веках. Екатеринбург: Баско, 2007. 284 с. (Репр. изд.).
4. Перевалова Е.В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 414 с.
5. Канась рӯт хум – Мужчина княжеского рода / Сост. А. М. Хромова, В. В. Хромов. Ханты-Мансийск: ООО «Типография «Печатное дело», 2010. 124 с.
6. К уральским манси: Сборник очерков / Авт.-сост. С. И.

- Михалевич. Пермь: «Печатный салон «Гармония», 2013. 300 с.
7. Пётр Ефимович Шешкин: альбом / сост. А. В. Лебедева. Ханты-Мансийск: ООО «Принт класс», 2011. 60 с.
  8. Динисламова С С. Лавим лёнханув (Наши судьбы): сборник публицистических очерков на мансийском языке. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. 84 с.
  9. Мастера Югры: фондообразователи музея «Торум Маа». Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. 62 с.

Традиционная культура ненцев Ямала

Г.А. Гумерова, кандидат культурологии, доцент

А.А. Никифорова, кандидат культурологии

Нижневартовский государственный университет, Нижневартовск

Аннотация. В статье рассматриваются элементы традиционной культуры ненцев Ямало-Ненецкого автономного округа: оленеводство, охота, рыбная ловля, особо почитаемые духи, представления о земной и загробной жизни. Также рассматриваются элементы материальной культуры, обряды жертвоприношения.

Ключевые слова: ненцы, коренное население, жертвоприношения, духи, обряды, чум, нарты, олени, традиционная одежда, погребальный обряд.

В последнее десятилетие коренные народы Севера стали объектом пристального внимания со стороны исследователей. Основу коренного аборигенного населения Ямала составляют ненцы. В Российской Федерации ненцы превосходят по численности другие малочисленные народы Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока. На территории Ямало-Ненецкого автономного округа проживает около 24000 ненцев.

Несмотря на административно-территориальную раздробленность, ненцы сохранили свой единый традиционно-культурный потенциал. Он имеет лишь небольшие вариации, обусловленные географией расселения и экономикой регионов.

Традиционное хозяйство ненцев, существующее и поныне, составляет крупнотабунное оленеводство, которое сформировалось еще в XVIII веке.

Предки ненцев принесли первичные навыки оленеводства с Алтая, которые сформировались в результате загонной охоты дикого оленя, широко бытовавшей в Сибири. Часть животных

оставлялась в огороженном корале в качестве живого запаса мяса. И постепенно именно эти животные дали начало домашним оленям, которые впоследствии дали происхождение ненецкой оленьей нарты. Исследователи полагают, что она возникла или из собачьей нарты, или развилась из лодки или волокуши. Однозначно, нарта имеет северное происхождение.

Первоначально ненецкая оленья нарта была однополосной и напоминала кережку, то есть нарту, имеющую корпус в виде лодки и стоящую на одном широком полозе.

Олень использовали в качестве упряжного животного, но не в транспортных целях. В ненецком предании, записанном на Ямале, говорится о древнем жителе – ненце, который «...за оленями пешком ходил. С осени до весны ходил, и с весны до осени. На оленях никогда не ездил».

К началу XIX века сформировалась традиционная система оленеводства, которая практически не изменилась с течением времени. Круглый год олени содержались на подножном корме. Обязательным элементом содержания крупных стад стали сезонные перекочевки, которые начинались в марте движением к Северу, до берегов моря, и заканчивались в августе возвращением обратно. Самые протяженные маршруты кочевания ямальских ненцев составляли от 500 до 1000 км. Значительная часть населения кочевала, в то время, как остальные занимались охотой и рыболовством.

В этот же период большую роль стали играть пастушеские лайки (до этого собаки ненцами практически не применялись). Их появление связано с ростом оленьих стад, когда людям потребовались помощники. Большое стадо обычно пасли два оленевода и несколько собак.

Олень давал людям практически все необходимое для жизни: мясо, шкуры для одежды, сухожилия для ниток, кость и рога для украшений, различных инструментов и деталей. Свежая оленья кровь

помогала избежать цинги – опасной болезни на Севере.

Наряду с высоким уровнем развития оленеводства большую роль для ямальских ненцев играли охота и рыбная ловля. По мнению Г. Тарасенкова, «ненцы Ямала добывают половину всей пушнины по округу». Очень эффективна была охота на переправах, так называемая поколка. Среди пушных зверей наиболее частой добычей на Ямале был песец. Его ловили с помощью деревянных ловушек – пасти и кулёмы. Позже стали преобладать железные капканы, купленные у русских купцов. Такими же способами, но реже, добывали лисиц. Зимой в лесных районах ненцы охотились на белку, горностая и росомуху. Благодаря торговым связям с Россией в тундре появились ружья, которые вытеснили луки и копья.

Особое место у ямальских охотников занимал промысел дикого оленя. Основными способами охоты были загон и поколка. Такая охота давала запас мяса и шкур на долгое время.

Для ненцев всегда значимой была охота на птиц. Наиболее важным был весенний промысел уток и гусей, поскольку птицы в этот период не могли летать из-за отсутствия перьев. Это позволяло заготовить впрок добычу.

С древней, досамодийской эпохи на Ямале в прибрежных районах сохранилась охота на морского зверя. Добывали нерпу, морского зайца, белуху, тюленя и моржа. В летний период в хозяйстве ненцев играла рыбная ловля. Традиционными орудиями лова служили неводы и ставные сети.

Одну из древних форм хозяйства составляло собирательство. Главным образом заготавливали ягоды – морошку, голубику, бруснику, а также дикий лук, утиные и гусиные яйца. В прошлом грибы не собирали, так как считали их оленьей едой, но в большом количестве собирали пахучие травы для приготовления чая.

Собирательство играло неоценимую роль, так как восполняло дефицит витаминов в рационе питания.

Традиционным жильем ненцев является чум – незаменимое жилище тундровых кочевников, поскольку он довольно быстро собирается и разбирается, что важно во время кочевок. Собирают и разбирают чум, как правило, женщины, получая его в приданое от своих родителей и являясь собственницами чума.

Традиционная одежда ненцев была приспособлена к условиям тундры. Окончательно костюм сформировался в XIX веке.

Мужская одежда состояла из малицы (глухой одежды с капюшоном из оленьей шкуры мехом внутрь, она ‘имела’ пришитые рукавицы), меховых чулок и сапог. Женская шуба паны имела спереди разрез. Шилась она из двух слоев оленьего меха – один ворсом внутрь, другой ворсом наружу. Воротник был невысоким, из меха песца или красной лисицы. К бортам пришивали семь пар ровдужных ремешков-завязок.

Под влиянием русских ненецкие женщины широко стали использовать платки в качестве головных уборов, завязывая их на русский манер. Маленьким детям шили двухслойную меховую одежду с капюшоном, по крою напоминающую малицу. Детские штаны шили сразу вместе с обувью. Такую одежду дети носили до 4-5 лет, затем переходили на одежду взрослого типа, только меньшего размера. Изготовлением одежды и обуви занимались женщины, преимущественно летом. Новая одежда шилась раз в два-три года, а обувь – гораздо чаще, в связи с небольшой износостойкостью.

В ненецкой семье существовало строгое разделение хозяйственных функций. Мужчины занимались выпасом оленей и промыслами, а женщины – домашним хозяйством и воспитанием и воспитанием детей до 5-7 лет. Причем существующая форма воспитания предусматривала максимальную самостоятельность детей. Детей специально не учили чему-либо: они наблюдали за работой взрослых, стараясь воспроизвести это в игре и приобретая тем самым необходимые навыки.

Весь запас знаний, приобретаемый молодежью, делился на рациональную и иррациональную части. Рациональные знания были

связаны с хозяйственной деятельностью, постижением особенностей мира природы, умением использовать их в жизни. Иррациональная сфера включала в себя представления о сверхъестественном мире, который окружал человека.

Религиозная система ненцев была сложной и детально разработанной. Пантеон состоял из различных духов, наиболее важным был дух неба – *Нум*, которому весной и осенью в жертву приносили белого оленя. Мясо жертвенного оленя съедали сырым, а голову надевали на шест мордой на восток, и все присутствующие в этот момент кланялись. Посвящали *Нуму* и живых оленей белой масти, которые никогда не находились в упряжке. В последующем такого посвященного оленя никогда не использовали, к нему даже не прикасались, хотя он оставался в стаде. Согласно поверьям, от *Нума* зависели природные и погодные явления: снег, дождь, ветер, молния и т.д.

Культ солнца *Хаер* сейчас несколько утратил себя, хотя в прошлом был важным для ненцев и соотносился с Новым годом.

Наиболее почитаемыми являются культы духов-хозяев: хозяин земли – *я ерв*, хозяин воды – *ид ерв*, хозяин реки – *яха ерв*, хозяин озера – *то ерв*, хозяин леса – *пэдара ерв* и др. От них зависела удача в охоте, рыбалке, оленеводстве. Благорасположения духов добивались жертвоприношениями. В основном в жертву приносили оленей, но в особых случаях и человеческую жизнь.

Наибольшим почитанием пользовались добрые духи: хозяин земли – *я ерв* и хозяйка земли – *я ерв не*.

Считалось, что под землей жил дух болезней и смертей – *Нега*, которому в жертву приносили собаку или оленя. Обряд совершался на закате, голову убитого животного надевали на шест и поворачивали мордой на запад.

Считалось, что под землей обитали мелкие злые духи – *нгылеко* – источники болезней человека. Их отпугивали звоном колокольчиков и металлических подвесок на одежде.

Немаловажным для ненцев был культ гор и камней. Объектами почитания служили отдельные валуны, стоящие в тундре, небольшие камни особой формы, включенные в состав домашних святынь. На Южном Ямале почиталась хозяйка гор – *Пэ ерв не* (от ненецкого названия Урала – *Пэ*).

В качестве священного или «светлого» дерева ненцы почитали лиственницу, которую украшали лоскутами ткани, шкурами зверей, рогами жертвенных оленей. В более северных районах Ямала, где она не растет, используют сухую лиственницу, привезенную с южных кочевий. Ее устанавливают на священных местах, а рядом располагают деревянных идолов *сядэй* и кладут рога жертвенных оленей.

Культовые места, специально созданные человеком, являются наиболее важными для ненецких верований. Как правило, они располагаются у лиственниц или камней особой формы и считаются родовыми, либо семейными. На культовых местах, помимо деревянных идолов *сядэев*, устанавливались и домашние, семейные духи *хэхэ*. Они представляли собой деревянные фигурки или небольшие камни.

Во время кочевий *хэхэ* перевозили в специальном сундучке на священной нарте *хэхэ хан*. Во время стоянок сундучок хранился в чуме, на почетном месте – у стены, противоположной входу. Домашним покровителям за помощь во всех земных делах шили в подарок новую одежду, кормили оленьей кровью. Пантеон домашних духов мог пополняться вещами, взятыми с культовых мест, вновь сделанными фигурками или найденными камнями необычной формы, а также предметами со старинных поселений.

Домашние духи передавались в наследство по мужской линии, за исключением духа покровительницы женщин, деторождения и материнства *мяд пухуця* (старухи чума). Она ассоциировалась с матерью-землей, ее изображение не имело деревянной или каменной основы.

Ненецкие религиозные представления о сущности человека

связываются с понятием «душа». Однако специального термина для его обозначения у ненцев не существует. Наличие жизни связывалось с дыханием *инд*. Дыхание считалось причиной и показателем существования живого человека. Очень важно было также отношение к человеческой тени – *сидянг*. Буквально это означает «двойник» и соответствует понятию «призрак». С жизненностью человека ненцы соотносят также кровь – *хэм*, сердце – *сей*, ум – *и*.

Представления о загробном мире тесно связаны с земной жизнью человека и отличается тем, что там все наоборот. Когда на земле день – там ночь, ночью там день, на нарты садятся с правой стороны, а не с левой. Двойник живет в загробном мире столько же, сколько человек прожил на земле. В этот период он может быть опасен для живых, так как способен утащить к себе их двойников и привести к новым смертям. Закончив жизнь в загробном мире, двойник умирает и превращается в жука, становясь совершенно безобидным.

Представления о загробном мире обусловили ход традиционного погребального обряда. Похороны проходили на следующий день после смерти.

Умершего оставляли в той одежде, в которой он умер, затем тело оборачивали в кусок покрышки чума и перевязывали веревками. Выносили покойного не через вход, а приподняв покрышку чума сбоку. На кладбище везли на мужских нартах мужчину, на женских – женщину. Следом шли нарты с вещами для умершего и досками для гроба. Кладбище – *хальмер* – прежде имело родовую принадлежность, располагаясь на возвышенности на территориях летних кочевий рода.

По прибытии на кладбище сооружали гроб – *тин*, *пэмб*, однотипный у всех ненцев. Он имел форму четырехугольного ящика из досок, скрепленных вертикальными и горизонтальными планками. В гроб клали личные вещи умершего: топор, нож, миску с ложкой, трубку, скребок для шкур, швейные принадлежности, хозяйственную утварь.

Для ненцев характерно изготовление посмертного изображения – *нгытарма* – умершего главы семьи, в котором обитала после смерти его душа. Изображение держали в чуме, кормили, одевали, заботились о нем, как о человеке. *Нгытарма* делали через 7 – 10 лет после смерти главы семьи и хранили в течение нескольких поколений. *Нгытарма* изготавливали из куска дерева либо без основы – только комплект меховой одежды. Этот обычай существует на Ямале до наших дней.

Существовала у ненцев и своеобразная форма поминок – *хальмерха хангуронта*. Они устраивались весной, пока не распустились листья. На кладбище убивали оленя, варили мясо на костре и несколько минут не начинали трапезу, считая, что паром угощались умершие. В обряде участвовали все родственники, находящиеся в данный момент поблизости, посвящался он всем родичам, похороненным на этом кладбище.

У ямальских ненцев наиболее хорошо сохранилась традиционная система оленеводства и материальная культура, связанная с кочевым бытом.

Представления ненцев о шаманизме

А.А. Никифорова, кандидат культурологии

Г.А. Гумерова, кандидат культурологии, доцент

Нижевартовского государственного университета,

Нижевартовск

Аннотация. В статье рассматриваются представления ненецкого народа о шаманизме, его роли в жизни общества. Описаны основные шаманские ритуалы. Особое внимание уделено шаманским атрибутам и культовой одежде.

Ключевые слова: ненцы, шаманизм, шаман, культура, обряд, ритуал, атрибуты, бубен, посох.

Сибирское шаманство вызывает все возрастающий интерес. Оно занимало видное место в религиозной жизни многих народов мира. У ненцев, шаманство бытовало до начала XX столетия, его пережитки сохранились и до наших дней.

Согласно одному из последних определений, шаманство это «форма религии или культ, центральной идеей которого является вера в необходимость особых посредников между человеческим коллективом и духами (божествами)».

Шаманы являлись хранителями религиозно-философского мировоззрения народов Севера, активно поддерживали жизнь национальные традиции и обычаи, хорошо разбирались в психологии человека и умело пользовались секретами народной медицины.

Шаманские ритуалы были одним из самых заметных проявлений религиозной жизни аборигенных народов Сибири, Дальнего Востока и Севера.

Типичной особенностью шаманизма является применение методов

экстатического общения со сверхъестественным миром и в связи с этим выделение особых лиц, которым приписывается способность такого общения.

Наиболее ранние известия о шаманстве ненцев относятся к XVI веку.

Согласно традиционному мировоззрению ненцев, растения, животные, люди, а также невидимые силы, то есть «духи», — все это создания Природы, которые находятся в постоянном взаимодействии. Ненцы верили в зависимость от сверхъестественных сил, окружающих оленевода, охотника и рыбака.

По представлениям ненцев, у каждого объекта или явления окружающей природы: реки, озера, дерева, камня, птицы, зверя, и т. д., имеется свой «хозяин», то есть самостоятельное существо, как бы слившееся с данным объектом или явлением. Анимистические представления, связанные с обожествлением природы и почитанием животного мира – одно из проявлений идеологии шаманизма.

Главным назначением шамана, предопределенным свыше, было восстановление нарушенной в природе гармонии. Для выполнения данной цели шаманы наделялись даром ясновидения – *сэвтана*, то есть внутренним зрением и всевидением, магическим слухом – *ябта инзелесь*, то есть способностью видеть и воспринимать последствия недовольства сил природы. Между шаманом и природой был установлен своего рода закон взаимоотношений: шаман обязан почитать своих предков, строго соблюдать древние обычаи тундры, тайги, гор, рек, почитать и задабривать духов-хозяев промысловых угодий – *хэхэ-седа*, а, главное, охранять род от духов болезней и несчастий – *нгылико*, *хабцанго*, *минрена* и *тэри нгамзэ*.

Шаманы, опираясь на традиционные ценности, выступали в роли авторитетных регуляторов общественной жизни оленеводов, рыбаков и охотников. В шаманизме ненцев, так же, как и в других религиях,

представлены общечеловеческие моральные требования: не убивать, не красть, уважать родителей, не желать зла ближнему и т. д. По шаманским представлениям, зло наказуемо, поэтому нельзя лгать, обманывать, обижать сирот и больных и т. п.

Особые предписания и запреты имелись в отношении женщин: они не могли участвовать в общественном жертвоприношении *хан-ты*, ездить на посвященном божествам олене, посещать культовые места и т.д.; не допускались на церемонии посвящения в шаманы, изготовления и кормления некоторых категорий *сядаев – тидолов*. Женщины считались нечистыми во время и после родов и во время менструаций. Менструальная кровь, по шаманским представлениям, оскверняет не только саму женщину, но и ее дом и мужа.

У ненцев разработаны предписания и запреты, относящиеся к приготовлению и приему пищи. Существовали строгие правила забоя животного и разделки туши, распределения мяса между участниками жертвоприношений духам. Обязательным было угощение домашних духов кусочками свеженины и вином, запрещалось употреблять в пищу мясо некоторых зверей и птиц: например, горностая, лисы, гагары, орла, вороны, чайки, лебедя.

Роль шаманов в религиозно-нравственной и религиозно-правовой жизни своего общества была особенно велика. Они истолковывали волю богов и разъясняли, кого и за что забрали боги или духи. В сферу влияния шаманизма входили властные отношения, экономика и культура.

По верованиям ненцев, человек становился шаманом, если его избирали духи, которые принуждали его стать посредником между людьми и сверхъестественными силами. Люди, которым было суждено стать шаманами, имели, во-первых, особые отметки — родимое пятно величиной с кулак, две, а иногда и три макушки, лишний палец и т. п.; а, во-вторых, должны были обладать определенными качествами и

знаниями.

Шаман наделялся способностью предсказывать судьбу отдельного человека и целого народа; иметь хорошую память, интуицию, воображение, артистический и поэтический дар, владеть гипнозом; знать теологию, правила и порядок отправления обрядовых служб, обращенных к каждой категории богов и духов; иметь четкое представление об их образах, характерах, об особенностях, обращенных к ним призываний. Шаман должен был знать мифы, легенды, предания, родословные, являющиеся поэтической историей народа и передававшиеся из поколения в поколение устным путем.

Внешним признаком шаманского призвания служили некоторые внезапно появляющиеся особенности поведения. Человек становился задумчивым, рассеянным, замкнутым, видел необычные сны, стремился к уединению. Эти «симптомы» свойственны так называемой «шаманской болезни», которая достаточно хорошо изучена специалистами. Она является необходимым условием для приобретения качеств, нужных в шаманском деле. Во время болезни происходит так называемое «пересотворение» будущего шамана: духи, унеся его душу в иной мир, разрубают ее на кусочки, варят, едят это мясо, заменяют части тела новыми, обучают будущего шамана. После этого шаман – уже не обычный человек, а фигура, наделенная сверхъестественными свойствами. Теперь он может общаться с духами и посещать иные миры.

Будущий шаман должен был пройти своего рода школу подготовки, побыть в учениках у старого опытного шамана. В период ученичества он помогал своему учителю, присутствовал на камланиях, запоминал священные призывания, осваивал шаманистскую теологию и практику богослужений. Учеба могла длиться около 20 лет – она определялась способностями кандидата. По истечении этого срока, пройдя все ступени посвящения, нередко лишь к 60 годам, он приобретал право

на получение высшего титула в шаманской иерархии.

Шаманы делились на две группы:

1) Непосвященные – *мал тадебя*, то есть шаман без бубна или *пен-зер*. Непосвященные имели разные названия, в зависимости от своих функций: *юдартана* – предсказывающий события по снам; *сэвтана* – видящий далеко и умеющий распознавать болезни своей внутренней силой (говоря современным языком – экстрасенс); *илтана* – дающий жизнь, предсказывающий судьбу; *тэлтана* – шаман-переводчик; *ингутана* – советчик, прорицатель. Непосвященных шаманов было много. Как правило, они занимались хозяйственной деятельностью, совершали простые формы жертвоприношений, пользовались очень ограниченным набором атрибутов, не приводили себя в экстаз, и лишь некоторые обладали силой гипноза. Конечно, каждый из непосвященных шаманов имел свой круг знаний и свою практику богослужения. Лишь часть из них, обладая выдающимся умом, трезвостью суждений, хорошей памятью, добивалась большого уважения и переходила в разряд посвященных шаманов.

2) посвященные – *тадебя си-мя*, то есть шаман, имеющий бубен без подвесок.

В группе посвященных шаманов различались следующие разновидности: *пензретна* – умеющий видеть будущее, и общаться с высшим божеством – *Нумом*; *ял-тана* – вызывающий злых духов; *Мутратна тадебе* – чудотворец; *тэм-сорта* – выделявающий фокусы; *хэхэ тэврамбда* – приносящий верхних духов. Эти шаманы владели большими знаниями и мастерством, стояли на более высокой ступени в шаманской иерархии и пользовались большим авторитетом.

Во время сеанса камлания, беседа с больными, шаман отвлекал их внимание от страданий, боли и т.д.; одним из распространенных психотерапевтических приемов был обряд возвращения ушедшей души. При этом шаман благоговейным шепотом призывал своих духов-

помощников и просил их об излечении больного или об отвращении какого-либо несчастья, о даровании успешного промысла. Шаман обращался к своим *тадебцо* без унижения, напротив, с какой-то величавостью, называя их товарищами – *ня*. Шаману *я-нянгы тадебя*, как и *выду-тана*, помогают два шамана – из разрядов *си-мя* и *мал тадебя*. Они выполняют те же функции, что и *тэлтана* и *ингутана*.

В шаманистском мировоззрении особый и важный раздел составляют представления о душе, смерти и загробной жизни, во многом определяющие социальные функции этой религии, особенно регулятивную, а также характер обрядовой системы.

По ненецким поверьям, у каждого человека имеется душа, которая невидима. Она покидает тело в двух случаях – во время сна и после смерти. После похорон шаман провожал душу в страну мертвых. В новом для них мире души умерших становились не просто духами, образующими какую-то безличную массу, а существами конкретных разрядов с определенными функциями и назначением.

Признание человека шаманом оформлялось у ненцев обрядами, состоявшими из ритуальных действий, связанных с изготовлением бубна и костюма, и акта посвящения в шаманы. Обряд посвящения проводился в отдельном ритуально чистом чуме, как правило, в узком кругу старых опытных шаманов. Во время обряда забивалось домашнее животное – олень. Часть его крови и кусочки мяса следовало принести в жертву шаманским духам, а остальная, основная часть оленя шла на угощение исполнителей обряда.

Получение личных атрибутов сопровождалось специальными обрядами. Они совершались по указаниям и при участии опытного шамана.

Важнейшим компонентом шаманизма являются ритуальные предметы шамана. Они связаны не только с религиозной идеологией и обрядовой системой, но и с материальной культурой и искусством.

Шаманский костюм – *самдорц паны* или *пензрета паны* – одежда для камлания – одна из основных принадлежностей служителя культа. Главной идеей, отраженной в символике шаманского костюма, является охрана шамана от злых духов на земле во время камлания, когда его душа с помощью духов-помощников странствует к божествам и духам той или иной сферы Вселенной – Верхнего или Нижнего мира. Эта символика также дает представление о тех категориях духов, которым во время камлания служит убежищем облачение шамана.

Изготовление костюма было коллективным занятием женщин: жены, дочерей, сестер шамана. Шили костюм из шкуры оленя-самца. Ритуальная одежда шамана ничем не отличалась по покрою от повседневной одежды ненцев. После того, как женщины заканчивали шить шаманский костюм, он проходил обряд очищения.

Костюм каждого шамана обладал индивидуальными особенностями, отличающимся количеством и видом подвесок – медных круглых бляшек.

Частью костюма был специальный пояс – *ни-иня тангабта-ма*, к которому прикреплялись маленькие скульптуры и изображения духов животных и птиц, лапы крупных хищных птиц, шкурки мелких животных, коготь и зубы медведя, высушенные головки птиц и шуки, а также колокольчики. Как и у каждого ненца, на поясе у шамана имелись обыкновенные ножи. В комплект ритуальной одежды шаманов входил специальный головной убор – *пензрета мэта сава*.

Костюм шамана имел большое значение для его культовой деятельности. Он защищал шамана от злых духов и врагов из среды людей; подвески также играли защитную роль – отворачивали от шамана воздействие злых сил.

Обувь шамана рассматривалась как своего рода проводник отрицательной энергии, которая поступает из внешнего мира в Нижний мир.

Важнейшим атрибутом шамана являлся его бубен – *пензер*, музыкальный ударный инструмент, который соединяет в себе самые разные символические значения, отражающие сложные религиозные представления ненцев. Главное, основное значение связано с бубном в целом. Он символизирует оленя, на котором шаман якобы ездит по земле, поднимается на небо или спускается в подземное царство. У некоторых шаманов бубен изображал лодку, птицу, когда ему нужно было преодолеть водную или огненную преграду. Бубен – принадлежность только посвященных шаманов. Он имел круглую форму, большого размера диаметром – 62-80 см. Делали его из срубленного хвойного дерева (лиственницы, кедра). На нее натягивали кожу самца дикого оленя или лося. Шкуру хорошо выделывали и продымливали.

Бубен являлся сакральным предметом, и никто, кроме хозяина, не имел права его трогать. Ненцы верили, что духи подвергали человека строгому наказанию за нарушение правил обращения с ритуальными атрибутами. После смерти шамана, если у него не было наследников-преемников, бубен повреждали и вешали на могилу владевшего им шамана.

К числу атрибутов ненецких шаманов относился также посох. Изготавливали его из специально выбранного дерева, в основном из березы, считающейся священным деревом у шаманов. Посохи обязательно освящались. Они служили шаманам и воображаемым средством передвижения, и орудием против злых духов.

Одежда и бубен являлись священными предметами индивидуального пользования. Их культовое назначение состояло в усилении мощи шамана путем привлечения к нему различных духов-помощников и покровителей. При этом ритуальным костюмом и бубном мог пользоваться только шаман, все его атрибуты имели важное сакральное значение для всего коллектива, интересы которого представлял в сфере культа шаман

Таким образом, ненецкий шаманизм представляет собой стройную религиозную систему, обладающую основными чертами политеизма: представлениями о сверхъестественных силах, обрядовым комплексом, зачатками религиозной организации. Он включает понятия о природе, человеке и обществе, нравственные установки, а потому составляет мировоззренческую основу традиционной культуры.

Русские походы в Югру XI – XVI в.в.

В.Д. Пузанов, доктор исторических наук, доцент
Сургутский государственный университет, Сургут

Аннотация. По данным ПВЛ, к 1096 г. новгородцы проникли в земли Югры за пушниной. В XII-XV вв. новгородцы ходили в экспедиции к Югре и собирали с нее дань. Русские отряды совершали походы на земли по р. Оби в удельное время. В XV в. отношения с Югрой переходят от Новгорода к Русскому государству. В результате этих походов в XV в. в России хорошо знали народы Севера Сибири.

Ключевые слова: город, острог, уезд, ясак, воевода, служилые люди.

Русские отряды совершали походы на земли пор. Оби еще в удельное время. ПВЛ упоминает Югру среди народов Иафетовой части, где живут «русь, чюдь и вси языцѣ: меря, мурома, всь, мордва, заволочская чюдь, пермь, печера, ямь, югра, литва, зимигола, корсь, лѣтьгола, либь» [1, 4]. По данным ПВЛ, к 1096 г. новгородцы проникли в земли Югры за пушниной. Новгородец Гюрята Рогович рассказал летописцу о первой экспедиции из Новгорода в Югру. «Послахъ отрока своего в Печеру, люди, иже суть дань дающе Новугороду. И пришедшю отроку моему к нимъ, и оттудѣ иде въ Угру. Угра же суть людье языкъ нѣмъ и съсѣдятся съ Самоѣдью на полунощныхъ сторонахъ. Угра же рекоша отроку моему: “Дивно находимъ мы чюдо ново, егоже нѣсмы слыхали преже сихъ лѣтъ, се же нынѣ третье лѣто поча быти: суть горы заидуче в луку моря, имъже высота акы до небеси, и в горахъ тыхъ кличъ великъ и говоръ, и сѣкуть гору, хотяще просѣчися. И есть в горѣ той просѣчено оконце мало, и туда молвятъ. Не разумѣти языку ихъ, но кажють желѣзо и помавають рукою, просяще желѣза; и аще кто дастъ имъ железо – или ножъ, или секрыу – и они даютъ

скорою противу. Есть же путь до горъ тѣхъ непроходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ, тѣмъ не доходимъ ихъ всегда; есть же и подалъ на полунощи”» [1, 157].

Персидские историки отмечали, что в земле народа Югры добывают прекрасную пушнину соболей. В XII-XV вв. новгородцы ходили в экспедиции к Югре и собирали с нее дань [2, 37]. Походы на север на «югорских данников», как их называет Новгородская летопись под 1187 г., были в это время частыми. Летописи Новгорода отмечают эти походы только в особых случаях, при поражениях новгородцев от югры или устюжан. Так, отмечена крупная военная экспедиция на Югру в 1193 г., когда новгородцы были разбиты [3, 38 – 448].

Новгородская летопись под 1445 г. отмечает, что в походах новгородцы захватывали пушнину, а также жителей – мужчин, жен и детей. В рассказе Новгородской летописи о походе на Югру в 1445 г. сообщается численность новгородской рати – 3 тысячи человек. Надо отметить, что это достаточно большое войско для северной военной экспедиции [3, 445]. Однако один из новгородских отрядов в этой экспедиции был разбит югрой.

По данным Новгородской летописи, в отношениях с Югрой Новгород столкнулся с Устюгом, который вел свою политику на севере [3, 99]. В 1323 г. устюжане поймали новгородцев, которые ходили в Югру и ограбили их. В 1324 г. Новгород для наказания отправил военную экспедицию на Устюг, новгородцы взяли город на шит и заключили мир с князьями города. Однако борьба городов за Югру на этом не закончилась. По летописи в 1329 г. устюжские князья избили новгородцев, которые шли на Югру. Земли Югры в это время занимали Приуралье, Северный Урал и север Западной Сибири. В 1364 г. новгородцы из земли Югры воевали на севере Сибири по р. Оби до океана [4, 81 – 83].

В договорных грамотах Новгорода XIII – XV вв. волость Югра отмечается среди других владений Новгородской республики. К

сожалению, договорные грамоты Новгорода известны только с начала 1264 г., по этому не известно, когда Новгородская республика стала считать Югру своим владением [5, 23].

Посол Священной Римской империи Сигизмунд Гербенштейн, ездивший в Русское государство в 1517 и 1526 гг., приводит на основании сведений попавшего к нему «русского дорожника» географические данные о Северном Урале и Сибири, которые показывают хорошее знание русскими людьми этих территорий. «Подъем на гору Камень занимает три дня; спустившись с нее, можно добраться до реки Артавиша (Artavuischa), оттуда до реки Зибута, от нее в крепость Ляпин (Lepin), от Ляпина до реки Сосвы (Sossam). Живущие по этой реке называются Вогуличами. Оставив Сосву справа, можно добраться до реки Оби, которая начинается из Китайского озера. Через эту реку они едва могли переправиться в один день, да и то при скорой езде: ширина ее до такой степени велика, что простирается почти до восьмидесяти верст. И по ней также живут народ Вогуличи и Югричи (Ugritzschi). Если подниматься от Обской крепости по реке Оби до устьев реки Иртыша, в который впадает Сосва, то это составит три месяца пути. В этих местах находятся две крепости Ером (Ierom) и Тюмень, которыми управляют властелины, Князья Югорские, платящие (как говорят) дань великому Князю Московскому. Там имеется много животных и превеликое множество мехов» [6, 130].

А. И. Плигузов отмечал, что слова русского дорожника в Югру, приводимые Гербенштейном, «отражает маршруты древнейших, XIV – XV столетий, походов новгородских экспедиций». В начале XVI в. русские пользовались для похода в Югру другой, более короткой дорогой [7, 19].

В XV в. отношения с Югрой переходят от Новгорода к Московскому государству. В историографии принято в качестве начала политики Ивана III в Югре отмечать походы 1483 и 1499 гг. Однако, по данным северных летописей, первым походом Москвы на Югру был поход 1465

г., проведенный силами рати Устюга и Выми по приказу Ивана III. Поход 1465 г. стал началом подчинения Русским государством Югры [8, 91].

А. А. Зимин считал, что Иван III начинает подчинение северных районов Сибири, связанных с Новгородской республикой, только после подчинения Новгорода в 1478 г. По мнению ученого, русский поход 1483 г. был первой военной экспедицией Москвы в Югру [9, 65]. К сожалению А. А. Зимин не исследовал поход 1465 в Югру, который действительно был первой военной экспедицией Ивана III. Этот поход был совершен еще до подчинения Новгорода, он состоялся после получения власти Иваном III над северными городами, что показывает важность отношений с Югрой для Москвы. По мнению Ю. Г. Алексева, в ходе похода 1483 г. русские вообще первый раз оказались в Сибири [10, 275]. Это положение историка не подтверждается новгородскими летописями, которые отмечают отношения Новгорода и Югры на протяжении XII-XV вв.

По данным Устюжского летописца, в 1465 г. великий князь Иван Васильевич приказал устюжанину Василию Скрябе воевать Югорскую землю. Войско было собрано из «охочих людей» и жителей Выми, и насчитывало, как можно предположить из сведений летописи о рати Устюга в других походах, более тысячи человек. Отряд Устюга воевал Югру и привел много полона, среди которого были югорские князья. По летописи, Иван III пожаловал князей и отпустил их в Югру, наложив на Югорскую землю дань [11, 46]. Архангелогородский летописец дает более подробные сведения о походе 1465 г., отмечая, что русское войско привело Югорскую землю за великого князя Ивана III. Государь на Москве принял пленных князей Югры и пожаловал их властью над княжествами, положив дань на Югру [8, 91]. Таким образом, северные летописи определяют в качестве даты первого похода Москвы на Югру 1465 г.

Однако зависимость Югры от Русского государства в это время не была полной. Москве приходилось посылать рати на север для сбора дани, а также для борьбы со знатью ханты и манси. В 1483 г. в Сибирь

по р. Обь и р. Иртыш был совершен крупный поход под командой государевых воевод И. И. Салтыкова и Ф. С. Курбского. По данным летописи, в походе 1483 г. приняли участие дети боярские государева двора, а также рать северных городов. По Устюжской летописи, русская рать разбила манси, а затем по р. Тавде направилась на р. Иртыш и на р. Обь, разгромив князей Югры. После похода весной 1484 г. князя Сибири и Югры принесли присягу великому князю [11, 49]. Ю. Г. Алексеев справедливо полагал, что поход 1483 г. на р. Обь стал грандиозным предприятием Московского государства по освоению Северного Урала и Зауралья [10, 275].

В 1499 г. Иван III направил в Югру войско на лыжах под началом князя С. Ф. Курбского и П. Ф. Ушатого с ратью северных городов Устюга, Вятки, Перми и других [10, 51]. В разрядных книгах имеются сведения о численности этой рати. Войско похода на север 1499 г. насчитывало около 4-х тысяч человек, главным образом его составляли рати северных городов [10, 367]. Как уже отмечалось, военные экспедиции новгородцев в Югру достигали 3-х тысяч человек, отряды Московского государства – 4-х тысяч человек. Это были достаточно крупные военные экспедиции для севера. В результате этих походов в XV в. в России хорошо знали народы югры и ненцев.

14 марта 1484 г. Иван III впервые включил в великокняжеский титул упоминание Югры, что для правителей Москвы означало установление русского господства над этой землей [7, 146].

В конце XVI в. север Западной Сибири окончательно стал частью Русского государства. В 1556 г., после признания власти русского царя в Сибирском ханстве, в Югорскую землю «князю Певгею и всем князем Сорыкидцкие земли и лучшим людем и середины и молодшим» была послана грамота царя и великого князя Ивана Васильевича, в которой эта земля называлась «наша вотчина», что по политической терминологии XVI в. значило, что в Москве Югорскую землю считают частью Русского государства. В грамоте сообщалось о

посылке в Югру посыльщиков «к вам по свою дань Ивашка Васильева сына Иконникова, да Нечайка Иванова сына Вычегжанина, да Офоньку Федорова сына Гогунина да Васку Лаптева», которые должны были собрать дань «со всякого человека по соболу». В случае отказа от сбора дани царь обещал послать войско – «А не зберете вы наши дани со всякого человека по соболу и к нам на Москву не пришлете, и мне на вас послать рать своя и вострая сабля» [12, 332].

Поход казаков в Сибирь и основание русскими воеводами городов Тюмени (1586 г.), Тобольска (1587 г.), Березова (1593 г.) и Сургута (1594 г.) завершили процесс вхождения племен Югры в Русское государство.

Литература

1. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Спб., 1908. Т. 2. 638 с.
2. Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1960. 152 с.
3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. с. 38-448.
4. Берг Л. С. Очерки по истории русских географических открытий. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 468 с.
5. Лерберг А.Х. Исследования служащие к объяснению древней русской истории. СПб., 1819. с. 398.
6. Гербенштейн С. Записки о московитских делах. М.: Издание А.С. Суворина, 1908. 382 с.
7. Плигузов А. И. Текст – кентавр о сибирских самоедах. М. Ньютонвиль, 1993. 160 с.
8. Архангелогородский летописец // Полное собрание русских летописей. Л., 1982. Т. 37. с. 56-103.
9. Зимин А. А. Россия на рубеже XV – XVI столетий. М.: Мысль, 1982. 336 с.
10. Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. Спб.: Изд-

во Санкт–Петербур. ун-та, 2007. 464 с.

11. Устюжская летопись // Полное собрание русских летописей. Л., 1982. Т. 37. с. 17-103.
12. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1 . М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 638 с.

Обские угры в записках академика И.Г. Георги

О.А. Рябкова

Сургутский государственный университет, Сургут

Аннотация. Академические экспедиции XVIII в. сыграли существенную роль в исследовании европейской части России, Урала и Сибири. В результате исследований, описаний были собраны ценные сведения по географии, ботанике, истории и этнографии территорий Российского государства. Труд исследователя И.Г. Георги «Описание всех обитающих в российском государстве народов» содержит много ценных этнографических сведений о быте, культуре, религии вогулов (манси) и остяков (ханты).

Ключевые слова: Первая Камчатская экспедиция, Вторая Камчатская экспедиция (Великая Северная экспедиция), экспедиция академика П. С. Палласа, обские угры (остяки, вогулы).

В истории науки XVIII век иногда называют «веком великих экспедиций». Но ни в одной стране, ни тогда, ни в другое время, научные экспедиции не достигали такого огромного размаха, как именно в России [1, 82]. Задуманные Петром I преобразования страны потребовали расширения сведений о природе, населении и хозяйстве, составления географических карт с точным обозначением государственных границ, рек, морей, путей сообщения. В поисках торговых путей в Индию был предпринят ряд экспедиций в районы Средней Азии [2]. В 1714-1717 гг. состоялась экспедиция А. Бековича-Черкасского на Каспийское море, в Хиву и Бухару. Экспедицией была создана рукописная карта восточного побережья Каспийского моря.

Большую работу по организации исследований географии, природных богатств, этнического состава, культуры и быта России, в том числе и Сибири, проводила Академия наук, основанная в 1725 г.

На протяжении XVIII века исследованию Сибири правительство Российского государства уделяет особое внимание. По инициативе Петра I была осуществлена работа Первой Камчатской экспедиции (1725-1730 гг.). Руководство экспедицией, получившей так же название «Северо-восточная экспедиция», осуществлял президент Адмиралтейств-коллегии генерал-адмирал Ф. М. Апраксин, непосредственное – капитан-командор В. Беринг. Помощниками Беринга были лейтенанты А.И. Чириков и М.П. Шпанберг. Целью экспедиции было изучение северо-востока России и проверка, соединена ли Азия с Америкой сушей. Итогом работы стало издание в 1729 г. карты, составленной П.А. Чаплиным, на которой даны очертания и географические координаты восточных берегов Сибири от мыса Дежнева до мыса Лопатки.

В 1733 г. была организована новая экспедиция на северо-восток Сибири, имевшая официальное название Второй Камчатской экспедиции, вошедшая в науку под именем Великой Северной экспедиции (1733-1743 гг.). На академический отряд экспедиции были возложены задачи по изучению природы и естественных богатств Сибири, истории и этнографии ее народов. В состав академического отряда Второй Камчатской экспедиции вошли Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин, С.П. Крашенинников, А.Д. Красильников, Г.В. Стеллер, И. Э. Фишер, и др. [2].

В 1768-1773 гг. состоялась экспедиция И. И. Лепехина. Маршрут экспедиции охватил Европейский Север и часть Западной Сибири. Материалы путешествия были изданы в четырех томах «Дневниковых записей путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства...». Большую работу по изучению Сибири провела экспедиция И. П. Фалька 1769-1773 гг., в составе которой были также Х. Барданес и И.Г. Георги. Маршруты Фалька и Барданеса охватили Западную Сибирь и Алтай. И.Г. Георги в 1772-1774 гг. путешествовал по Уралу, Алтаю, Прибайкалью.

В 1768-1774 гг. состоялась большая экспедиция академика П. С. Палласа в Оренбургский край и Сибирь. Академик Паллас путешествовал по Западной Сибири, Алтаю, Восточной Сибири и Забайкалью. Исследование было посвящено географии, природе, быту, культуре и языку народов Сибири. Участник экспедиции Палласа студент В. Ф. Зуев совершил самостоятельную поездку к устью Оби и на побережье Ледовитого океана для изучения быта и культуры хантов и ненцев. По итогам путешествия была составлена работа «Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцов».

Экспедиции значительно расширили научные знания и литературу путешествий. Из литературы путешествий этого периода наиболее ценный географический, исторический и этнографический материал дают «сказки» русских землепроходцев, записки участников Великой Северной экспедиции и русских академиков второй половины XVIII века [3, 6]. Немаловажное место в общих научных изысканиях экспедиций занимала работа по сбору информации по истории, археологии, этнографии, культуре сибирских народов, в том числе и обских угров (остяков и вогулов).

Наряду с немногими исследователями XVIII в., изучавшими народы Сибири (Г.Ф. Миллер, И.И. Лепёхин, П.С. Паллас, И.П. Фальк др.), существенный вклад в сибирскую этнографию внес Иоганн-Готтлиб Георги. И.Г. Георги – медик, натуралист, путешественник и этнограф. Родился в Померании, селение Ваххольцхаген, 31 декабря 1729 г. в семье священника. Изучал медицину в Упсальском университете (Швеция), где слушал лекции известного шведского учёного Карла Линнея. Получил степень доктора медицины и работал фармацевтом [4, 426]. Будучи человеком широких интересов, продолжая заниматься медициной и химией, ученый увлекался и этнографией. В качестве этнографа-исследователя он прибыл в Россию по приглашению Российской Академии наук в 1770 г. для участия в академических

экспедициях. Был назначен в помощь профессору И.П. Фальку [5], совместно с которым занимался исследованием Поволжья, Приуралья и Прииртышья.

Во время экспедиции 1770-1774 гг. Георги впервые собрал и обобщил сведения о названиях многих народов, населяющих Россию, территории расселения; некоторые исторические данные, информацию о численности, языке, хозяйственном укладе. Подробно описаны традиционные мужской и женский костюмы, есть сведения о религиозных обрядах, болезнях. За редким исключением, ученый обязательно дает собственные или записанные со слов других оценки особенностей менталитета народов [6]. И.Г. Георги составил большую коллекцию собственноручных изображений различных народностей. Результаты своих путешествий исследователь опубликовал в ряде изданий: «Reisen durch verschiedene Provinzen des Russ. Reichs» (1771-1777); «Beschreibungen» – подробное иллюстрированное описание народностей, населяющих Россию (Санкт-Петербург, 1776-1780 годы). Данные труды частью переведены на русский язык под заглавием: «Описание всех в Российском государстве обитающих народов» (Санкт-Петербург, 1776-1777) [4, 426]. Об обстоятельствах появления книги рассказывает сам исследователь в своём предисловии: «Известно всякому сведущему о Государствах и Владениях, на земном шаре существующих, что нет на оном ни одного такого, которое вмещало бы в себя толь великое множество различных народов, как Российская держава [7, VI]. Несмотря на длительное сожительство и многократные смешения, отдельные народы сохранили свои особенности. Однако точных знаний об этих народах еще мало... Теперь пришла пора, собрать и систематизировать накопленные сведения – тем более, что быт народов в последнее время всё более меняется под влиянием соприкосновения с русскими, принятия христианства и т.д.» [1, 103-104]. Источниками описания народов служили не только собственные наблюдения Георги, но и опубликованные исследования профессоров

и историографов Г.Ф. Миллера [8], И.Г. Гмелина, С.П. Крашенинникова, И.Э. Фишера [9], П.С. Паласа [10], И.И. Лепёхина [11], И.П. Фалька и др. Исследование Георги состоит из кратких очерков, посвященных каждому народу. Наряду со сведениями о многих сибирских народах (татарах, марийцах, мордвах, чувашах, удмуртах самоедах др.) в исследовании содержится описание вогулов (манси) и остяков (ханты).

Описание народов включает в себя этнографические сведения: происхождение народа, языковые особенности, территория расселения, антропологические и особенности менталитета этноса, характеристика жилищ, одежды, сведения о культурной, хозяйственной и промысловой деятельности, социальном устройстве общества, верованиях.

Георги И.Г. отмечает, что собственное имя вогулов – манси. Исследователь указывает на финское происхождение вогулов, отмечая, что они имеют заимствования от финского языка, «но множество наречий делают язык собственным, что выделяет его особенности на фоне других» [1, 103-104]. Вогулы жили на территории восточной части Уральских гор, возле рек Камы и Иртыша, выше Соли-Камской и Верхотурья, поблизости рек Колвы, Вишуры и Тавды.

Интересны заметки исследователя в отношении особенностей менталитета вогулов: «В поступках своих бодры, послушны, честны, рачительны, не глупы, но легкомысленны, к беспорядкам склонны, в гневе не укротимы и не опрятны» [7, 60]. Во время путешествия по землям манси Георги отмечает, что грамоты народ не знал.

Ученый относил вогулов к народам, занимающим особое положение между кочевниками и оседлым населением. Климатические условия не позволяли заниматься земледелием, поэтому вогулы вели небольшое скотоводческое хозяйство (коровы, овцы, свиньи). Северные вогулы в хозяйстве содержали оленей. По данным Георги, основной вид промысла вогулов – звериная ловля. В данной деятельности вогулы «весьма искусны, применяют огнестрельное оружие и различные охотничьи снасти» [7, 61].

По наблюдениям исследователя, вогульские семьи живут локально. Вогульские деревни состояли, как правило, из одной семьи. Старостой деревни обычно являлся самый старший по возрасту член семьи. Он мог в отсутствие жреца выполнять религиозные функции, приносить жертву божеству от всей деревни или семьи [7, 63].

Среди семейных традиций Георги уделяет внимание описанию свадебного и похоронного обрядов. Вогульские мужчины жен покупали (не только языческой, но и христианской веры) В некоторых случаях для женидьбы приобретали по две жены. Свадебный обряд отличается простотой: «Свадьбы совершаются без пышных обрядов. Жених, заплатя договоренные за невесту деньги, берет её с собой, ложится в шалаше своем спать, и называет её на другой день женою» [7, 62]. Похоронный обряд также не отличается особыми обрядами, нет пиров и поминок. В ритуал погребения входило только захоронение умершего: одевают его в платье, кладут промеж досок в могилу, головою к северу и с употребляемыми в быту и промыслах вещами.

Несмотря на то, что многие вогуличи и приняли христианскую веру, исследователь замечает, что преобладают языческие суеверия. Поклоняются идолам человекоподобного образа. Обряды совершаются жрецом в священных для вогулов местах (леса, пещеры). Жертвоприношение – обязательная часть обрядовых ритуалов.

Веруют они в общего Бога Торума. Главный праздник начинающегося нового года *Елбола* совпадает с празднованием святой Пасхи, «и нарицают его праздником сошествия Божия, чрез что разумеют наступающую весну. День посвящен Торуму и солнцу». [7, 64].

Остяки, по мнению исследователя, составляют три схожих по происхождению и языку группы: Енисейские остяки, Обские остяки – верхние, Березовские и Обдорские – нижняя группа остяков. Все группы остяков между собой схожи, хотя Енисейские остяки сходство имеют с Самоедами. Георги И.Г. замечает тот факт, что часто допускают

ошибку в том, что многие самоедские колена применяют к осякам.

У соседствующих народов имеется различное наименование осяков: Тунгусы называют осяков *Осякстами*, Самоеды – *Тогами* (мужчинами), а вогуличи – *Мансами*. Южные Обские осяки называют себя *Асьяхами* (*Яхь-Обь*), Сургутские и северные осяки – *Хонди шуи* (т.е. Кондские люди). Осяков Георги И.Г. называет *наимногочисленнейшим Сибирским Народом* [7, 67].

Отличие особенностей менталитета осяков от вогулов состоит, по замечанию Георги, в следующем: боязливость, суеверность, лень, но с другой стороны – добросердечность. Схожие качества неопрятность и послушность, отсутствие грамотности [7, 67].

В социальном устройстве общества, как отмечает исследователь, особый статус занимают *Благородные старейшины* (*Владельцы*). Задачи старейшин: наблюдать за порядком, решать ссоры и собирать ясак [7, 68].

Поселения, деревни осяков располагались в основном возле рек и составляли от пяти до двадцати хижин. Деревни составляли волость, но по численности населения они были малолюдны. Так, например, пять Сургутских волостей включали в себя только 642 души мужского пола.

По причине суровых климатических условий земледелие как вид хозяйственной деятельности развито не было, основным промыслом осяков являлось рыболовство. Осяки содержали в домашнем хозяйстве также оленей, использовали для помощи собак. Звериный промысел в отличие от вогулов, успехом не пользовался, причину Георги видел в лени народа [7, 68].

В обществе существует четкое разделение труда на мужской и женский. Исследователь отмечает, что женщины осяков весьма искусны в хозяйстве [7, 69].

В исследовании Георги И.Г. содержатся сведения об одежде, пище, употреблении курительных и одурманивающих средств (табак,

мухоморы); болезнях, традиционных средствах их лечения осятками.

Как и у вогуличей, при создании семьи мужчины осятки могут иметь по несколько жен. Свадебный обряд отличается от вогульского условной пышностью: в ритуал входит выкуп невесты, пир, гулянье, веселье. Особо в женщине, как в жене, оценивается такое качество, как трудолюбие; при этом у женщины есть право уйти от супруга, если он её бьет [7, 74]. Похоронный обряд также отличается разнообразием ритуалов (поминки, жертвоприношения и т.д.). Существует особый культ почитания мертвых, изготовление куклы, особый уход за ней.

Особый статус в веровании народа играют жрецы. Они выполняют роль предсказателей, знахарей, служителей культа, исполнителей обрядов. У осятков исследователь выделяет пантеон богов (*Вышний бог и низшего достоинства Божки*) [7, 74]. Наряду с верховным богом (*Иннень Номь*) существуют божества священных мест и домашние идолы. Идолы мужского или женского образа, выполненные из дерева или камня [7, 74-75]. Отсутствие помощи от идола ведет к его «наказанию». Вогулы могли оскорбить его словом, «побить». [7, 76].

Живущие за Нарымом крещенные осятки, несмотря на то, что произошли от исповедующих православную веру родителей и множество церквей имеют, все так же остаются суеверными и преисполнены языческим воображением. [7, 76].

Енисейские осятки проживают по обеим сторонам Енисея, по вышней Тунгуске, вниз за Мангазеей и нижней Тунгуске. Соседствуют с самоедским народом. Они не только покорились России в начале XVIII века, но и оказали помощь в покорении соседствующих народов [12, 22]. Административно разделение имеют на волости (Каимовская, Инбацкая, Пумлокольская, Нацкая, Кузнецкая) и колена. С обскими осятками имеют одинаковые нужды, схожесть в использовании жилищ, в одежде, пище, промыслах. Владеют кузнечным делом [12, 22-23].

В заключении, можно отметить, что в наблюдениях И. Г. Георги

содержатся ценные сведения о духовной культуре, традициях и обычаях жизненного уклада манси и ханты. Енисейские остяки, Обские остяки-верхние, Березовские и Обдорские-нижние были отнесены исследователем к группе «финских» народов. Исследователь знает о языковом родстве вогулов и остяков с «венгерцами» и о происхождении их от «древних угров», хотя и замечает осторожно, что «о том надобно еще подумать». [1, 107]. По сравнению с описанием Обских остяков, сведений об Енисейских остяках у автора недостаточно.

У И. Г. Георги в описании вогулов и остяков содержится и критическое отношение к некоторым особенным привычкам народов. Частые праздники и пристрастия к пьянству являются причиной бедности и затрудняют выплату подушного оклада [7, 62]. Успех остяков в торговле был бы весьма прибыльным, если бы они не пропивали вырученных денег [7, 69].

Как отмечает исследователь С.А. Козлов: «Ценность научных открытий, полученных в ходе академических экспедиций, была очевидна». [5]. Участники экспедиций описывали минералы и полезные ископаемые, проводили географические наблюдения, изучали рудники и заводы, исследовали быт и культуру народов и собирали исторические материалы. Публикации записок и путевых дневников путешественников вызывали интерес не только у российского общества, но и получали общемировое признание. Исследования И.Г. Георги до сих пор остаются актуальными и не утратили своего значения. Это был один из первых опытов этнографического описания народов России, содержащий много ценных сведений о нравах и обычаях сибирских инородцев XVIII века.

Литература

1. Токарев С.А. История русской этнографии: Дооктябрьский период / Отв. ред. Э.В. Померанцева. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 456 с.

2. Научные экспедиции и изучение Сибири в 18 веке // URL: [http:// www.protown.ru](http://www.protown.ru)
3. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. В 5 т. – Т. 3. М.: Просвещение, 1984. 288 с.
4. Георги Иоганн Готлиб // Русский библиографический словарь. М.: Издание Императорского Русского Исторического Общества, 1914. 494 с
5. Козлов С. А. Россия, открывшаяся миру: академические экспедиции 1768-1774 гг. // URL: <http://www.spbumag.nw.ru/2001/29/23.html>
6. Представление этнографического исследования, совершенного в XVIII в. И.Г. Георги // URL: <http://www.museum.ru/N26092>
7. Георги И.И. Описание всех обитающих в российском государстве народов. В 4 ч. – Ч. 1. СПб.: Российская академия наук, 1799. 76 с.
8. Миллер Г. Ф. Описание Сибирского царства СПб.: Императорская Академия наук, 1750.
9. Фишер И. Е. История Сибирская. СПб.: Императорская Академия, 1774.
10. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского Государства. СПб: Императорская Академия
11. Лепёхин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году.
12. Георги И. И. Описание всех обитающих в российском государстве народов. В 4 ч. Ч. 3. СПб.: Российская академия наук, 1799. 116 с.

**Традиционная культура обско-угорских народов:
от сохранения к репрезентации**

М.Ф. Ершов, кандидат исторических наук

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
Ханты-Мансийск*

Аннотация. В статье обсуждаются проблемы существования и трансформации культуры коренных малочисленных народов Севера в современном индустриальном и постиндустриальном обществе. Проанализирована роль национальной интеллигенции в репрезентации традиционной культуры. Делается вывод, что у данных этносов сохраняются элементы мифического мировосприятия. Эта информация оказывается своеобразным историко-этнографическим источником, максимально важным для исследовательского сообщества.

Ключевые слова: индустриальное общество, миф, наука, обско-угорские народы, репрезентация, традиционная культура, этничность.

Актуальность изучения традиционной культуры не подлежит сомнению. Сегодня повсеместно уходят в небытие старинные обычаи и обряды, все меньше становится подлинных носителей сакральных знаний. Данное обстоятельство делает особенно злободневными ряд вопросов. Как замедлить процесс угасания древней традиции? На какие интеллектуальные ресурсы при этом возможно опереться? Как лучше наладить процесс познания сущностных основ традиционной культуры? Чтобы начать предварительный анализ вышеизложенной проблематики, необходимо сделать ряд замечаний о специфических чертах традиционной культуры.

Традиционная культура дискретна, локальна, синкретична, дуалистична. Она, в обязательном порядке вариативна. Достаточно вспомнить категоричное выражение К. В. Чистова: «В фольклористической текстологии абсолютное совпадение

двух записей ставит одну из них под подозрение (перепечатка? фальсификация? копия?)» [1, 131]. Общим местом стали утверждения об уникальности явлений традиционной культуры. Однако в ряде случаев подлинное осознание уникальности того или иного явления приходит только при его утрате. «Под термином *«утраченный фольклор»* я разумею такие памятники фольклора, которые до нас совершенно не дошли, но о существовании которых можно судить на основании различных, по большей части случайных, свидетельств», – с горечью написал в середине XX в. выдающийся исследователь М.К. Азадовский [2, 143]. Отсутствие единого обско-угорского пантеона, диалектные различия объективно усиливают важность каждого сведения, выявленного исследователями Севера. Ведь удачи с повторами может и не быть.

Кто выступал и выступает в роли медиатора, собирателя информации о фольклоре и обрядах обских угров, кто донес до мировой культуры их сказки и предания? Первоначально это были преимущественно зарубежные ученые. Здесь достаточно назвать венгров А. Регули и Б. Мункачи, или финнов К.Ф. Карьялайнена и А. Каннисто. Затем к ним добавились отечественные исследователи. Так, например, современное угроведение невозможно представить без имен С.К. Патканова и В.Н. Чернецова. Со второй половины XX в. профессиональным изучением обских угров начинают заниматься представители национальной интеллигенции. Стоит ли лишний раз доказывать, что последняя научная когорта обладает максимумом информации о жизни родного этноса?

Исследователям из числа коренных народов нет необходимости применять действенный метод «включенного наблюдения» за жизнью респондентов – они не просто «включены», они изначально являлись органической, а затем стали лучшей частью своего этноса. Нельзя сбрасывать со счетов и психологический компонент в исследовательской парадигме. Постигание именно своей, родной культуры не только раскрывает перед ученым необъятные научные

горизонты, но и облагораживает его душу, делает её чище, поэтичнее. По меткому замечанию исследователя С.С. Алымова, «изучение творчества некоторых учёных имеет понятный психологический эффект: исследователь зачастую проникается симпатией к своему «объекту» вместо скучного «школьного учителя», твердящего заученные идеологические штампы, принимает образ ищущего творческого человека» [3, 84].

Но, как подчеркивает З.П. Соколова, в работе национальных исследователей «в 2000-е годы появились внутренние ограничения, относящиеся к изучению сакральных тем (священные места, шаманизм, некоторые обряды)» [4, 37]. Полагаем, что такая тенденция отнюдь не случайна. Она связана с ускоренными процессами раскрепощения личностных начал и этнического самосознания в современной России. Эти процессы, с одной стороны, привели к возрождению религиозности, с другой – содействовали формированию внутренних моральных ограничений. Не следует забывать и то обстоятельство, что мифическое/религиозное мировосприятие существовало и в советское время.

О. К. Лагунова, изучающая литературу коренных народов Севера, отметила специфику писательского мировоззрения: «Творчество художниками мыслится как процесс и акт собственной посвященности в тайну силы и бессмертия народа, типологически сходный с культурой шаманства, но имеющий собственную традицию, инструментарий и технику». [5, 38]. Она же вскрыла социально-историческую подоплеку существования подобного феномена в советское время: «Идеологическая доктрина страны предписывала административной машине физическую и духовную поддержку художников из малочисленных народов, идейные просчеты и отклонения могли толковаться как трудности роста инонационального сознания. Кроме того, они действительно были связаны с нередуцированной устной культурой своего народа, рассматривались как уникальные выразители его истории и опыта, а потому не были в положении

жесткой разделенности на советское/досоветское, советское/западное, советское/мировое. От них ждали опоры на неизвестную толщину специфической народной культуры, им не надо было налаживать связь со своим народом.

Модель метода «большой» советской литературы содержала удобную для освоения и трансляции схему, практически совпадающую с выделяемым специалистами набором этнических констант. Она предусматривала, предустанавливала носителя добра (это свой народ и автор как его полноправный представитель), носителя зла (образ чужого, врага), а также обязательность и неизбежность победы добра над злом с примерным перечнем путей достижения победы» [5, 15-16]. Эти значимые элементы мифического мировосприятия, которые выявила литературовед, относятся не только к писателям. Они распространены гораздо шире.

Так, например, в среде обско-угорской интеллигенции можно зафиксировать наложение мифов, характерных для традиционной культуры, на научный и даже мифический массив индустриального общества. Блестящий знаток культуры манси филолог Е.И. Ромбандеева, анализируя легенды о небесном боге Нуми Торуме, «внезапно» задается следующим вопросом: «Приведенные выше мансийские предания не наводят ли на мысль о космическом происхождении человека на Земле?» [6, 18]. Причудливое сочетание научного знания с мифическим массивом присутствует у Е.И. Ромбандеевой и в критике этнографа Н.Н. Гемуева. Последний, обнаружив скелеты с разбитыми ключицами на святых для манси местах, предположил возможность существования некогда человеческих жертвоприношений [7, 10, 76]. Данная гипотеза вызвала резкое отрицание у мансийского филолога. «Мне посчастливилось много общаться с моими земляками более, чем за 30 лет работы в системе АН, таких сведений мне не удалось выяснить», – пишет Е.И. Ромбандеева [6, 62].

Психологическое неприятие линейного времени, мифопоэтическая личная причастность к природному миру, человеческим вещам, людям

и событиям, в том числе уже давно прошедшим, ответственность за них – все это отличает и книгу Т.Д. Слинкиной «Мансийские оронимы Урала» [8]. Монография посвящена как топонимике горных вершин, так и связанным с ними обрядам и мифам. Это системная серьезная научная работа. Автор книги считает, что горы приобщают манси к далекому прошлому, вплоть до соприкосновения с началом мироздания. В «Предисловии» Т.Д. Слинкина заявляет: «Учёные, изучающие геологию и историю возникновения планеты Земля, мансийские предания считают несостоятельными, не имеющими никаких доказательств». По мнению исследовательницы – это неверная позиция. Для её опровержения следует ссылка на «авторитеты»: «Из современных российских учёных поисками доказательств о существовании древних цивилизаций на Севере занимались А. Барченко, В. Н. Дёмин, Э.Р. Мулдашев и их единомышленники» [8, 19].

В этом высказывании Т.Д. Слинкина, может быть, и не вполне последовательно, но реализует принцип грубой аналогии: в безбрежном мире информации правильно то, что совпадает с моими мировоззренческими установками. И практически не учитывается то прискорбное обстоятельство, что недобросовестные дельцы, прикрываясь научными степенями, могут эксплуатировать мифические сведения в коммерческих своекорыстных целях. Т.Д. Слинкина считает, что «отрывки из преданий являются своеобразной частью шифровки знаний наших предков манси, которыми они обладали в своей высокоразвитой цивилизации». Данное утверждение в очередной раз подкрепляется ссылками на В.Н. Дёмина и Э.Р. Мулдашева [8, 207].

То, что мифическая сакральная эпоха для мансийского ученого отнюдь не сместилась в прошлое, доказывает её оценка событий февраля 1959 г. (гибель группы студентов на печально знаменитом «перевале Дятлова» на Северном Урале). Т.Д. Слинкина не рассматривает наиболее вероятные техногенные или антропогенные версии трагедии [9, 229-251], ограничиваясь мифическими предположениями или близкими к ним ссылками на возможный

выход в иное физическое измерение [8, 248-252]. В рассуждениях исследовательницы происходит парадоксальное смешение прежних, традиционных и новых мифических образов, порожденных уже современной постиндустриальной цивилизацией. Таким образом, мы можем зафиксировать не просто наличие устойчивого мифического мировоззрения, но и существование у него адаптивного потенциала.

Видимо, несколько иную, более личностную позицию занимает исследовательница-ханты Т.А. Молданова, написавшая «Архетипы в мире сновидений хантов» ([10]). В книге анализируются сны и породившие их обстоятельства жизни сновидцев. Методологической основой монографии стали работы К.Г. Юнга. Весьма характерно, что в книге подавляющее число информантов-сновидцев (около 70%) являются людьми со средним и высшим образованием [10, 9]. Эта работа исповедальная, в ней присутствуют личные воспоминания о детских годах. «Сегодня, – замечает автор, – анализируя эти сны, я не могу сказать однозначно, что было первично – сновидения или реальные события, которые позже отразились во сне. Можно лишь констатировать, что эти сновидения остались для меня сверхзначимыми. Возможно, с этими снами связаны аспекты некоего личного мифа, компенсирующего установку сознания, подвергшегося в школьные и последующие годы демифологизации» [10, 33].

Автор книги не дает однозначного ответа на вопрос о вещих снах, но, все же, склоняется к их мифической трактовке. Т.А. Молданова фиксирует «широкое распространение в традиционной культуре веры в то, что некоторые сны сбываются буквально. Думается, – размышляет далее этнограф, – данное утверждение имеет под собой определённую почву» [10, 25]. Наверное, можно отчасти поспорить с исследовательницей. Традиционной культуры в «чистом виде» сегодня уже почти нет, но в этническом сознании обско-угорских народов по-прежнему сохраняется углубленный интерес к символике сакрального мира. Сложно сказать, насколько возможно в современных условиях адекватно интерпретировать тот или иной сон конкретного человека,

живущего на стыке различных, взаимно дополняющих друг друга культур.

Другой вопрос, что осуществленная интерпретация конкретного сна оказывается много важнее его содержания и даже тех выводов, к которым способны прийти этнограф и его респонденты. Эта интерпретация оказывается ценна сама по себе, и без её рационалистической составляющей. В попытках объяснить свой или чужой сон люди всегда, неважно, желают они того или нет, обращаются к прежней социальной памяти. Припоминание вновь и вновь порождает уже утраченные вроде бы смыслы. И чем больше интеллектуальный багаж у собеседников, тем большее количество прежних символов и смыслов они регенерируют.

Можно сколь угодно критиковать данную позицию. Но не стоит забывать, что сухость и консерватизм гуманитарных академических наук частенько оказываются препятствием для осознания специфики конкретного человеческого существования. Западные антропологи А. Гупта и Дж. Фергюсон приводят характерный пример. В 1956 г. на бенгальском языке была опубликована «Река под названием Титаш» Адвайды Маллабармана. Роман представляет собой описание повседневных дел, обрядов и ритуалов индусской рыболовецкой касты *мяло*, живущей на территории современного Бангладеш. Это литературное произведение оказалось гибридным сочетанием этнографических деталей и обычного повествования. Его ценность возрастает еще и потому, что громадные политические перемены, охватившие субконтинент, уже тогда вели к разрушению привычного уклада.

А. Гупта и Дж. Фергюсон задаются следующим вопросом: «Если антрополог может «написать» этнографию на основе материалов, собранных 20-30 лет назад во время своей докторской полевой работы, почему нельзя «туземцам» «написать» этнографию, основанную на их жизни?» [11, 27-28]. Выводы, к которым приходят эти антропологи, следующие: «Вместо того, чтобы рассматривать антропологов как обладателей уникального знания и понимания, которыми они могут

делиться с «обыкновенными людьми», мы настаиваем на том, что антропологическое знание сосуществует с другими формами знания. Политическую задачу мы видим не в том, чтобы «делиться знанием с теми, кому его не достаёт, а в том, чтобы выстраивать возникающие благодаря различиям в позициях связи между разными видами знания и проследивать нити для возможных союзов и единых целей» [11, 32].

Заметим, что в данной позиции, с точки зрения методологии, нового ничего нет. Принцип дополнительности, разработанный всемирно известным физиком Н. Бором, в частности предполагает, что различные культуры дополняют друг друга [12, 282-285]. Вопрос, следовательно, заключается не в «любовом» отрицании тех или иных культурных элементов, а в их адаптации и последующем использовании в гуманитарных дисциплинах. Не секрет, что большинство теоретических положений З. Фрейда не подтверждаются современной наукой, что, однако, не помешало им дать невиданное ускорение гуманитарным исследованиям.

«Фрейдовскую каузальную трактовку всех видов сновидений как реализаций подавленных желаний, Витгенштейн сравнивал со своей ранней образной моделью предложения, – замечает современный исследователь А.Ф. Грязнов, – в обоих случаях имеет место недопустимая универсализация какой-то одной «Языковой игры». И происходит это потому, что получение уникального впечатления от описания каких-то явлений психики подменяется поиском обуславливающего их механизма, созданием эмпирической истории их возникновения. Так все естественное и органичное приобретает несвойственные ему черты» [13, 247]. Иными словами, происходящее при объяснении сна воспроизводство мифа можно сравнить с прежними религиозными мистериями или современным литературным творчеством национальных писателей.

В этом отношении культура как сохранение и репрезентация наследия предков оказывается функционально тождественна мифу/религии. Они действуют параллельно. Не случайно, что

ряд исследователей из числа коренных народов в доверительных разговорах признают свою веру в реальность сакрального мира. Ими подразумевается, что существование такого мира напрямую связано с жизнью хранителей данной культуры (культы). Языческие представления о наличии у каждого народа и отдельного человека своих духов-покровителей, о всеобщих взаимосвязях, здесь перевоплощаются в социальную ответственность культурного человека. Происходит генерация нравственной (религиозной) максимы, что, до тех пор, пока есть неравнодушные (верующие) люди, культура этноса не исчезнет. Эта максима настоятельно обязывает человека сосредоточить все свои силы на сохранении наследия предков. Альтернативы здесь нет. Автору данной публикации доводилось неоднократно слышать от представителей национальной интеллигенции горькую сентенцию: «когда мы уйдем, и проблем не будет».

Какие выводы допустимо сделать из вышеизложенного материала? В ходе исторического развития мифическое сознание воспроизводилось и воспроизводится разными социальными стратами. В наше время на смену былинным сказителям пришли представители национальной интеллигенции. Этнографы, филологи, художники слова и художники кисти – все они, как могут и как умеют, ретранслируют, воспроизводят и трансформируют старые и, отчасти, новые мифы. Выясняется, что традиционный миф оказался более живучим, чем предполагалось ранее. Даже с нарастающим угасанием традиционной культуры он никуда не исчез. Поменялась его форма, радикально поменялись носители мифа, но его глубинная структура в целом сохранилась. Мифический массив по-прежнему существует, хотя и сменил старые одеяния.

Присутствуют ли в воззрениях обско-угорской интеллигенции элементы конфликта с подлинной научностью? В ригидном понимании науки – да. Не следует забывать, что любое соприкосновение, любая работа с мифом опасны. Миф, будучи порождением человеческого разума, всегда стремится стать над людьми и над

наукой. Он потрясающе активен, способен к мутациям, вплоть до нездоровой агрессии. Данные обстоятельства, однако, не отменяют процессы научного познания. В том числе – мифического массива. Исследование мифа в этих условиях требует применения особо деликатных исследовательских практик. Мы обязаны помнить и понимать, что наука — это не только однозначно доказанная истина. Это еще и вечный поиск истины на пути к конечному результату.

В гуманитарных дисциплинах в ряде случаев интересны не выводы как таковые (истинные или, напротив, ложные), а собранная информация, источники, предложенная система обоснований. Именно они позволяют приблизиться к раскрытию тайны; лучше понять такие трудноуловимые категории, как менталитет, этническое сознание, душа народа, аромат эпохи. Сегодня представители национальной интеллигенции обско-угорских народов заняты сохранением, воспроизводством и репрезентацией уцелевших элементов традиционной культуры. Благодаря их подвижническим усилиям древнее многовековое культурное наследие малочисленных коренных народов Севера постепенно становится достоянием всего человечества. Стоит пожелать им успеха в этом благородном деле.

Приращение культуры – это вечный процесс. Очень часто знания, не востребованные сегодня, становятся остро необходимыми завтра. Нам не дано предугадать грядущий дефицит культурных ценностей, но мы способны уменьшить его размеры уже сегодня. В свое время К.Э. Циолковский в разговоре с А. Л. Чижевским заметил: «Все будет в руках тех грядущих людей – все науки, религии, верования, техника, словом, все возможности, и ничем будущее знание не станет пренебрегать, как пренебрегаем мы - еще злостные невежды – данными религии, творениями философов, писателей и ученых древности. Даже вера в Перуна, и та пригодится. И она будет нужна для создания истинной картины мира. Ведь Перун – это бог грома и молнии. А разве вы не поклонник атмосферного электричества? Да и я его тайный поклонник...» [14, 425].

Литература

1. Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. Л., 1986. 304 с.
2. Азадовский М.К. Статьи и письма. Новосибирск, 1978. 239 с.
3. Алымов С.С. Г.П. Снесарев и полевое изучение «религиозно-бытовых пережитков» // Этнографическое обозрение. – 2013. – №6. – с. 69-88.
4. Соколова З.П. Основные проблемы обско-угорской этнографии // Этнографическое обозрение. – 2013. – № 4. – с. 34-48.
5. Лагунова О.К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов в последней трети XX века (Е. Айпин, Ю.Вэлла, А. Некраги). Автореф. дисс ... д. ф. н. СПб, 2008. 42 с.
6. Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут, 1993. 207 с.
7. Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И. Легенды и были таёжного края. Новосибирск, 1989. 176 с.
8. Слинкина Т.Д. Мансийские оронимы Урала. Ханты-Мансийск, 2011. 480 с.
9. Матвеева А. Перевал Дятлова [роман]. М., 2005. 285 с.
10. Молданова Т. Архетипы в мире сновидений хантов. Томск, 2001. 354 с.
11. Гупта А., Фергюсон Дж. Дисциплина и практика: «поле» как место, метод и локальность в антропологии // Этнографическое обозрение. – 2013. – №6. – С. 3-44.
12. Бор Н. Избранные научные труды в 2 т. Т. II. Статьи 1925-1961 гг. М., 1971. 675 с.
13. Грязнов А.Ф. Естественный язык и понимание культурно-исторических феноменов // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. М., 1990. с. 239-255.
14. Циолковский К.Э. Грезы о земле. Научно-фантастические произведения. Тула, 1986. 448 с.

**Продовольственное обеспечение населения
Карело-Финской ССР в 1944 – 1950 гг.**

Л.И. Вавулинская, кандидат исторических наук
*Институт языка, литературы и истории Карельского научного
центра РАН, Петрозаводск*

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы снабжения населения Карелии продовольствием в послевоенные годы. Анализируется положение разных категорий населения республики, отмечается, что наиболее тяжелая ситуация с обеспечением продовольствием сложилась на селе. Показаны трудности в организации торговли и действия местных властей по преодолению продовольственного кризиса, осуществлению денежной реформы 1947 г.

Ключевые слова: продовольственное снабжение, торговля, карточная система, денежная реформа 1947 г.

После окончания Великой Отечественной войны одной из самых острых проблем, наряду с жилищной, оказалась проблема снабжения населения продовольствием. Она была особенно сложной в Карелии, большая часть территории которой в течение почти трех лет оставалась оккупированной врагом, а возможности сельского хозяйства в условиях севера были ограниченными. За время войны в республике полностью уничтожены 2506 и частично повреждены 669 складов, магазинов и торговых баз, полностью уничтожено и разрушено 842 и частично повреждено 246 элеваторов и зернохранилищ, в Финляндию вывезено более 24 тыс. голов крупного и мелкого рогатого скота, 6264 т зерновых и 8634 т картофеля [1, 8].

В правительство республики поступали сообщения с мест об острой нехватке продовольствия. Рыбаки Ладожского бассейна с октября 1944 по март 1945 г. не могли отоварить карточки на рыбу-

мясо. С января по март 1945 г. 300 колхозников-рыбаков Олонецкого района не получали муку по талонам, а с 10 по 13 февраля им не выдавали хлеб. Промтоварные карточки за 1944 г. почти полностью не были отоварены [2, 7].

В письме председателя Совнаркома Карело-Финской ССР П.С. Прокконена наркому торговли СССР А.В. Любимову от 20 ноября 1945 г. обращалось особое внимание на бедственное положение реэвакуированного населения: «В течение лета-осени 1945 г. в Карело-Финскую ССР возвратилось из эвакуации свыше 40 тыс. населения. Значительная часть прибыла после весеннего сева, и, следовательно, вновь созданные (восстановленные) колхозы совершенно не имеют своего хлеба, поэтому установленные для сельской местности нормы снабжения хлебом (300 гр. в день для работающих и 200 гр. – для иждивенцев) недостаточны. Практика показывает, что применение этих норм при отсутствии других продуктов приводит к появлению массовых случаев заболевания дистрофией. С учетом этого Наркомторгом СССР было разрешено снабжение нашего реэвакуированного населения, не имеющего своего хлеба, по нормам: работающим – 500 гр. в день и иждивенцам – 200 гр. Просьба установить такую же норму для вновь прибывающего населения» [3, 208].

Тяжелое положение со снабжением продовольствием в республике вынудило правительство страны 20 мая 1945 г. принять решение о разбронировании из неприкосновенного государственного резерва – 1 500 т продзерна и муки [4, 56, 78].

Власти республики использовали различные возможности для облегчения продовольственного положения населения. Петрозаводский горсовет в 1945 г. выделил жителям столицы республики более 200 га земли и выдал 77 кг семян овощей. Огороды возделывались при 12 городских школах, 10 детских садах и 4 яслях. Через полтора года уже более 34,3 тыс. жителей республики имели огороды. На коллективных и индивидуальных огородах было собрано более 10 тыс. т картофеля и

1300 т овощей [5].

Весной 1946 г. Петрозаводский горисполком выделил для предприятий, организаций и индивидуальных пользователей участки для выпаса скота вне городской черты, закреплявшиеся за ними на срок до 5 лет. К концу года только у индивидуальных владельцев в городе насчитывалось более 900 голов крупного рогатого скота (62% численности всего скота), 106 овец (58%), 1380 коз [6, 17]. Разнообразные меры, принимаемые городской властью, однако, не могли решить проблему снабжения населения продуктами питания в полном объеме. Горожане испытывали значительные трудности в покупке картофеля, овощей, животных жиров, мяса.

Снабжение сельского населения продовольственными и промышленными товарами осуществлялось через потребительскую кооперацию. В деревнях и селах республики в 1945 г. вновь открылись 143 магазина и лавки, 46 столовых, 15 пекарен, возобновили работу 33 сельских потребительских общества [7]. Принимались меры по оживлению колхозной торговли. С этой целью были снижены ставки разового сбора и платы на колхозных рынках. Однако во многих сельских населенных пунктах не было магазинов и продовольственных ларьков, и жители вынуждены были ходить пешком за продуктами в ближайшие населенные пункты, нередко на расстояние от 25 до 50 км., и ждать там поступления продуктов из районных центров.

С целью насыщения рынков республики товарами предприятия торговли организовали в районах Карелии заготовку картофеля, овощей, мяса лосей и дичи, рыбы; предпринимались меры по развитию кооперативной и коммерческой торговли, расширилась сеть коммерческих чайных, кафе, закусочных и ресторанов. Но хлеб, другие продукты и промтовары завозились в ограниченных количествах, и цены на них были непомерно высокими. Основными областями-поставщиками сельскохозяйственных продуктов для КФССР являлись: Ленинградская обл., Украинская ССР, Латвийская ССР, Эстонская ССР

и Краснодарский край.

В середине 1946 г. в стране резко обострилась проблема снабжения населения хлебом вследствие длительной засухи. 27 июля 1946 г. было принято постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС «О мерах по обеспечению сохранности хлеба, недопущению его разбазаривания, хищения и порчи», указавшее руководителям партийных и советских организаций, работникам прокуратуры и Министерства внутренних дел на необходимость строгого контроля и учета за расходом государственного хлеба и принятия мер по обеспечению его сохранности.

И без того тяжелое положение с продовольствием усугубилось из-за проведенного в сентябре 1946 г. повышения пайковых цен на товары, распределяемые по карточкам. Ситуация на продовольственном рынке больно ударила по малоимущим слоям населения. С изменением цен на продукты питания стоимость однодневного питания для детей грудного возраста на молочной кухне в Петрозаводске возросла с 1 до 2 руб., а для детей от 2 до 11 лет – с 1 руб. 50 коп. до 3 руб. и выше. Если до 1 сентября 1946 г. пайки полностью распределялись среди нуждавшихся в дополнительном питании детей, то с повышением цен почти половина родителей вынуждена была отказаться от пользования обедами по государственной стоимости [8, 182]. В большинстве своем это были многодетные семьи военнослужащих и погибших на войне, а также семьи инвалидов труда и войны.

Из-за острой нехватки хлеба правительство вынуждено было сократить число лиц, получавших карточки. 3 октября 1946 г. ЦК КП(б) Карело-Финской ССР и Совет Министров республики приняли постановление «Об экономии в расходовании хлеба», в соответствии с которым со снабжения пайковым хлебом были сняты неработающие взрослые иждивенцы, кроме учащихся и лиц, ухаживавших за малолетними детьми. Сократилось число получавших карточки в сельской местности, была лишена пайков часть рабочих и служащих

местной промышленности и промысловой кооперации. Нормы выдачи хлеба всем иждивенцам были уменьшены с 300 до 250 г в день на человека, а детям – с 400 до 300 г в день. В целом по стране расходование хлеба по пайковому снабжению сократилось на 30%. И как следствие – на рынке резко возросли цены, усилилась спекуляция хлебом.

В докладной записке председателя исполкома Калевальского районного совета и секретаря РК КП(б) Калевальского района в Совет Министров и ЦК КП(б) КФССР от 26 октября 1946 г. подчеркивалось, что в течение 1946 г. в районе было организовано 5 колхозов, насчитывавших в своем составе 204 колхозника. Все они вернулись из эвакуации, не имели своего хлеба и картофеля и не были обеспечены землей. В то же время в 5 имевшихся колхозах с числом 300 колхозников, был получен урожай, который обеспечивал только засыпку семенных фондов, и хозяйства не имели возможности распределить зерно и картофель по трудодням. Райсовет должен был дополнительно снять со снабжения хлебом 259 эвакуированных колхозников и их иждивенцев, что ставило их в крайне тяжелое положение [9, 45].

Острую нехватку продуктов испытывали и учителя многих школ, особенно в северных районах республики. В докладной записке министра просвещения КФССР И. Беляева секретарю ЦК КП(б) КФССР Ю.В. Андропову о материальном положении учителей северных районов Карело-Финской ССР от 20 марта 1947 г. подчеркивалось: «Министерству просвещения КФССР известно, что в ряде районов республики, особенно в северных районах, таких как в Беломорский, Калевальский, Кемский, Кестеньгский, Лоухский, Тунгудский, Сегозерский, в г. Сегежа, Ребольском и Ругозерском среди большого количества учителей создано исключительно тяжелое материальное положение в силу крайне недостаточного их обеспечения продуктами питания. Абсолютное большинство учительства указанных районов прибыли из эвакуации, подсобного хозяйства они не имели и не имеют, ибо климатические условия Севера не позволяют семейным

учителям что-либо выращивать даже для себя. Среди учителей имеют место многочисленные случаи заболевания дистрофией. Некоторые из учителей... дошли до такого состояния, что не в силах бывают вести уроки, поработают в день 1-2 часа и выходят из строя...» [10, 27].

Меры по расширению товарооборота и оживлению торговли объективно требовали укрепления денежной системы, отмены карточек на приобретение товаров. В соответствии с решениями правительства в декабре 1947 г. была отменена карточная система и введены единые цены на продовольственные и промышленные товары, которые были ниже коммерческих, но в 3,2 раза выше прежних государственных цен. Несмотря на то, что реформа сократила объем наличных денег у населения, острый дефицит продуктов преодолеть не удалось.

В марте 1948 г. были зарегистрированы жалобы рабочих и служащих лесозаготовительных пунктов на плохое снабжение их продуктами питания: «Питание на Коловском лесоучастке очень плохое, едим только хлеб и картошку, сахару никак не достать. Зарплату не выдают по несколько месяцев, дают только аванс по 5 руб. в день».

«Работаю на Матросском лесопункте по вербовке и, надо сказать, живу почти так, как когда-то жил в период войны. Живу впроголодь, на одном черном хлебе и того далеко не хватает. Зарплату выдают очень скверно: дают аванс через 3-4 дня по 5 или 10 руб. Вот что значит попасть по вербовке в КФССР» [11, 69, 70].

Некоторые преимущества в снабжении продовольствием имели промышленные центры, в «глубинку» же товары поставлялись по остаточному принципу. Отделы рабочего снабжения лесозаготовительных предприятий и потребительская кооперация в погоне за быстрой реализацией товаров и выполнением плана товарооборота нередко продавали товары в городах республики, не доводя их до своего потребителя.

Значительная часть хлебобулочных изделий вывозилась из Петрозаводска сельским населением и скупщиками. В июне 1948 г.

государственный инспектор по торговле по Карело-Финской ССР рекомендовал Петрозаводскому горкому партии усилить деятельность постов милиции на железнодорожных станциях и пристанях, задерживая лиц, уличенных в скупке и вывозке хлеба. Предполагалось создать на некоторый период времени наблюдательные посты при хлебных магазинах и ларьках из состава лавочных комиссий отделов рабочего снабжения, общественных инспекторов, работников министерства торговли для наблюдения за полной сдачей в магазины продукции, поставляемой с хлебозаводов, в целях прекращения ее разбазаривания в пути. На пристани Петрозаводска задерживались жители районов республики, которые везли более 1-2 булок. Начальник отдела Министерства госбезопасности Беломорско-Онежского водного бассейна в докладной записке в горком партии по вопросу о пресечении вывоза хлеба за пределы Петрозаводска сообщил о жителях Пудожского и Прионежского районов, которые везли по 3-8 булок. Им было предложено оставить себе по 1-2 буханки, а остальные сдать в хлебный магазин с возвратом денег покупателям.

В наиболее тяжелом положении оказались колхозники, которые, в силу незначительных доходов от общественного хозяйства, вынуждены были рассчитывать на личные приусадебные хозяйства, имея, таким образом, двойную занятость – в общественном и личном хозяйстве. Однако до конца 1953 г. продукция крестьянских приусадебных хозяйств сдавалась государству по чисто символическим ценам. В 1950 г. молоко сдавалось по цене 25 коп. за литр при государственной розничной цене 2 руб. 70 коп., мясо – по цене 14 коп. за килограмм при государственной цене 11 руб. 40 коп. [12, 124]. Заготовительные цены на сельскохозяйственную продукцию возмещали лишь 1/10 часть затрат колхозников на производство зерна и 1/20 часть – на производство мяса.

В целях нормализации положения на внутреннем рынке, правительство с 1948 г. по 1954 г. провело семикратное снижение

государственных розничных цен. В результате они уменьшились в 2,3 раза, в том числе на продовольственные товары – в 2,6 раза. Снижение цен позволило несколько повысить покупательную способность населения. В 1950 г. по сравнению с 1946 г. потребление хлеба в республике увеличилось в 2 раза, в том числе белого хлеба – в 11 раз, макаронных изделий – в 8 раз, животных и растительных жиров – в 2,5 раза, сахара – в 3 раза, кондитерских изделий – в 5 с лишним раз [13].

Значительная работа была проведена по росту торговой сети. Сеть предприятий розничной торговли, в том числе магазинов, лавок, палаток и ларьков, выросла с 739 в 1944 г. до 2122 в 1950 г.; а предприятий общественного питания, в том числе ресторанов, столовых, буфетов, закусочных – с 277 до 689 [14, 15]. Однако к концу первой послевоенной пятилетки не удалось решить проблему бесперебойного обеспечения населения республики необходимыми продуктами питания. Торговля мясом, рыбой, колбасными изделиями, маслом производилась с большими перебоями, ассортимент рыботороваров и мясомолочной продукции был крайне ограничен и низкого качества. Из-за отсутствия у потребкооперации республики баз для хранения продуктов закупка сельскохозяйственных продуктов в глубинных пунктах была незначительной. Тем не менее в условиях послевоенной разрухи были сделаны первые шаги по преодолению продовольственного кризиса 1946-1947 гг.

Литература

1. Карелия в годы восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства. 1944-1950: Документы и материалы. Петрозаводск, 1988.
2. Национальный архив Республики Карелия, ф. П-8, оп. 1, д. 1774.
3. Национальный архив Республики Карелия, ф. Р-1394, оп. 6, д. 107/812.
4. Национальный архив Республики Карелия, оп. 7, д. 40/294.

5. Ленинское знамя. 1945. 16 мая, 22 июня.
6. Национальный архив Республики Карелия, ф. Р-1907, оп. 1, д. 27.
7. Ленинское знамя. 1945. 26 сентября.
8. Национальный архив Республики Карелия, ф.1394, оп.6, д. 280.
9. Национальный архив Республики Карелия, ф. П-8, оп. 1, д. 1890.
10. Национальный архив Республики Карелия, д. 2619.
11. Национальный архив Республики Карелия, д. 2946.
12. Попов В.П. Российская деревня после войны (июнь 1945 - март 1953). Сб. документов. М., 1993.
13. Ленинское знамя. 1950. 18 ноября.
14. Национальный архив Республики Карелия, ф. П-8, оп. 1, д. 3870.

**Проблемы сохранения образования и традиционной культуры
в национальных поселках Нижневартовского района в
постсоветский период (1992 – 2000 гг.)¹**

О.П. Цысь, кандидат исторических наук, доцент

Нижневартовский государственный университет, Нижневартовск

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с сохранением образования, традиционной культуры коренного населения Нижневартовского района (ханты и лесных ненцев) в условиях перехода от плановой к рыночной экономике. Показана роль муниципальной власти, ассоциации «Спасение Югры» в деле защиты прав местных жителей.

Ключевые слова: ханты, ненцы, образование, традиционная культура, Нижневартовский район.

Интенсивное развитие добывающей промышленности, происходившее на территории ХМАО в последней трети XX в., привело к резкому изменению природного и социокультурного ландшафта, сопровождавшемуся угасанием традиционных отраслей хозяйства, обострением конфликтов между двумя культурами – «коренной» и «пришлой», утратой аборигенным сообществом контроля над своей землей и образом жизни. В постсоветский период ситуация усугубилась трудностями перехода от плановой к рыночной экономике.

Первая половина 1990-х гг. – наиболее тяжелый период в жизни населения района, когда огромных размеров достигли инфляция, дороговизна и дефицит. Рыночные реформы затронули все сферы жизни общества, поначалу неблагоприятно отразившись на культурной и образовательной сфере.

---

¹ Исследование осуществлено в рамках исполнения государственных работ в сфере научной деятельности, задание № 2014/801.

Все чаще в эти годы клубы, дома культуры, библиотеки оставались наедине со своими заботами. Они все меньше занимались с населением программами культурного досуга. В Нижневартовском районе в начале 1990-х закрывается сельский клуб с. Соснино, в январе 1993 г. сгорел дом культуры в Агане, в Охтеурье работа учреждения культуры велась в бывшем складе-хранилище овощей [1, 1]. «Приезжаешь в поселок,ходишь к Дому культуры, а заходить туда не хочется, – делилась впечатлениями заместитель заведующего районного отдела культуры Г.Д. Терлеева, – Все нужно строить заново» [2]. Из 22 клубных учреждений только 9 имели специально построенные здания, а остальные либо требовали капитального ремонта, как в Варьегане, Ваховске (клуб построен в 1930 г.), Чехломее, д. Вате, Покуре, Большетархово; либо значительного расширения своих площадей [3, 4; 1, 1]. Существовала проблема нехватки специалистов в сельских Домах культуры с музыкальным образованием, руководителей творческих коллективов. «Немногие специалисты хотят ехать в глубинку, где жилищно-бытовые условия на низком уровне, но мы стараемся решать эту проблему – принимаем на работу молодежь со средним образованием», – отмечалось в отчете районного комитета по культуре и кино за 1996 год [4, 26-27].

В одном из годовых отчетов Нижневартовской районной ассоциации «Спасение Югры» читаем: «Не проводится культурная работа с детьми, изжили себя агитбригады и вся система сельских клубов устарела». «Следует в национальных поселках больше внимания уделять национальной культуре, открыть национальные культурные центры», – такое мнение было высказано председателем районной ассоциации «Спасение Югры» А.П. Кауртаевым [5, 3].

Еще более радикальный поворот был необходим в деле сохранения традиционной культуры, языка ханты и ненцев Нижневартовского района. В конце 1980-х годов под влиянием идей перестройки стали предприниматься меры, которые должны были способствовать

восстановлению прав этнических общностей в соответствии с нормами международного права.

Анализ методов и результатов советского строительства на Севере Сибири, обязательный всеобуч, в том числе и для коренного населения, обнаружил в данном вопросе серьезную проблему. Становится все более очевидным, что система школ-интернатов ведет к разрыву преемственности между поколениями в передаче национального культурного кода, навыков традиционного образа жизни. Эта система – разрушающая, разъединяющая детей и родителей.

Родной язык практически не изучался после начальных классов, а если учесть, что и учителя его знали слабо, то понятно, почему происходили процессы денационализации учащихся [5, 3]. Доля учителей и воспитателей ханты или ненцев в школах была невысокой. Самый главный недостаток национальных школ – фактически отсутствие профориентации выпускников на традиционные виды занятий коренного населения. Поэтому возвращение в традиционный сектор хозяйствования учащихся в 1980-е – и в начале 1990-х гг. все время сокращалось. «Мимо них прошло все то, чему их отцы и деды учились сызмальства. Они не стали ни охотниками, ни рыбаками, ни оленеводами... Почему? Да потому, что многие из них даже не получили восьмилетнего образования. Остались недоучками. Теперь не нужны ни селу, ни городу. Ни тайге, ни промыслу нефтяному...», – писал Еремей Айпин [6, 10]. «В Корликах – в поселке сама обстановка и дело поставлены так, что все традиционное, национальные обычаи, культурное наследие и язык не культивируются, утрачиваются... Вся система образования построена на отрыве детей от родного, традиционного, нет преподавателей национального родного языка, нет словарей и учебников по национальному языку» [7, 111].

Хотя в мероприятиях по социально-культурному развитию малочисленных народов Севера опять возобладал принцип патернализма, что выразилось в стремлении поддержать традиционную

национальную культуру системой льгот при этом осознавалось, что ханты и ненцам нужно самим определять степень государственного вмешательства в их образ жизни. Дальнейшая работа разворачивается по нескольким направлениям.

Первое – развитие новых организационных форм педагогической деятельности, выходящих за рамки обычной школы, предполагающих овладение навыками ведения традиционного хозяйства.

В частности, выдвигаются идеи об организации стойбищных школ, семейных детских садов в п. Сосновый Бор, Колек-Еган, Усть-Колек-Еган [8, 2]. «Нужно открывать малокомплектные национальные школы в поселках, совместный со школой детский сад. Пробовать обучение детей на стойбищах, не отрывать их от родителей» [5, 3]. В 1990-е гг. появился опыт семейных школ. Несколько лет подряд в семье оленевода Ю. Веллы обучением детей занимались учителя-этнографы, которые проживали на стойбище [9, 40-44].

Возникли предложения о создании организаций, способствующих сохранению навыков, связанных с традиционной хозяйственной деятельностью коренных жителей. Такими структурами стали детские этно-оздоровительные центры [10, 539]. Идея создания этой формы летнего отдыха детей и подростков из числа коренных малочисленных народов Севера возникла у руководства ассоциации «Спасение Югры» в 1993 году.

Детские стойбища стали работать по индивидуальным программам этнокультурного направления, предполагающим изучение традиционного образа жизни народов ханты и манси; приобретение профессиональных умений и навыков; формирование чувства патриотизма и бережного отношения к природе; передачу исторического наследия через преемственность поколений [10, 538-539].

В августе 1994 г. по инициативе районного отделения ассоциации «Спасение Югры» и районного комитета по делам малочисленных народов Севера организуется фактория труда и отдыха в д.

Чехломей [11, 11]. 1 марта 1997 г. она была преобразована в этно-оздоровительный центр «Чехломей», а с марта 1999 г. зарегистрирована как муниципальное национальное учреждение. Перед центром ставятся задачи развертывания комплексной исследовательской, профориентационной, культурно-просветительской работы. Для детей проводились лекции-беседы и практические занятия по теме «Быт и культура коренных народов Севера», где изучались жилища, одежда, домашняя утварь и предметы домашнего обихода. Также дети занимались установкой запоров, рыболовных сетей, ловлей рыбы сетями и неводами, изготовлением ловушек на боровую дичь, сбором ягод и лекарственных растений. Два раза в год весной и осенью, на базе этно-оздоровительного центра проводился семинар-практикум «Неделя мастера» для обучения детей традиционному национальному творчеству. Взрослые изготавливали орудия рыбной ловли, ловушки на пушного зверя и боровую дичь, тем самым передавая традиционные навыки подрастающему поколению. Данное сотрудничество людей разных возрастов позволяло не только приобщить молодежь к традиционным видам хозяйства, но и повысить самосознание и чувство единства народа.

Однако обмен таким опытом на базе центра обычно происходит лишь летом. Для того, чтобы подобная практика стала постоянной, не ограниченной короткими временными рамками, районными властями за шестью школами закрепляются земельные угодья, а в трех (Охтеурская, Варьеганская, Аганская) выделяются учебно-производственные угодья, где имеется соответствующая инфраструктура, проводятся занятия. В Варьеганской школе кроме вышеуказанных навыков, учащиеся получали специальности швеи, столяра, водителя. Результаты данной работы выражаются в том, что многие выпускники остаются и закрепляются на селе, находя применение квалификации, полученной в школе.

Другое направление – сохранение духовной культуры, языка

коренных малочисленных народов.

В Нижневартовском районе уже в середине 1990-х гг. запланированы были мероприятия по развитию культуры Ваховских и Аганских ханты, лесных ненцев. Это подразумевало ежегодное проведение национальных праздников и выставок, организацию «медвежьих игр», формирование фольклорных ансамблей [12, 10].

Особое внимание рекомендовалось уделить мастерам декоративно-прикладного искусства [13, 63]. Район направлял делегатов на окружные семинары, где происходил обмен традиционными технологиями работы с сукном и бисером, создания орнамента на бересте, коже и мехе и др. [14, 11]. Умельцы из района – жительницы сел Корлики и Варьеган Е. Н. Прасина и С. П. Прасина, А. П. Могульчина и Д. Д. Айваседа получили звание «Народный мастер России» [15, 5].

Формируется комплекс национальных праздников. Восстановлена традиция встречи северной весны, когда коренные жители с. Варьеган, Аган отмечают «Прилет Вороны». До начала праздника посещаются святы места, где проводится обряд приношения богам даров земли (оленя), воды, огня, а затем устраиваются конкурсы на знание родного фольклора, национальных блюд, загадок, головоломок [4, 134].

Начиная с 1978 г. в Нижневартовском районе ежегодно, поочередно в каждом национальном поселке проводится «День обласа». При советской власти спорткомитет организовывал «соревнования по гребле». В каждом заезде участвовало 5–6 обласов, затем победители состязались между собой. В 1990-х гг. формируется отношение к мероприятию, как к большому празднику коренных народов Югры, который включает помимо спортивных состязаний выставки декоративно-прикладного творчества, концерты художественной самодеятельности и др. [16, 47-48].

Эти мероприятия были направлены не только на создание праздничной атмосферы и организацию массовых гуляний. Им придавался особый колорит, создававший ощущение прикосновения к

своим национальным корням, к своим истокам. Поэтому в программу вводили фольклорные, игровые, и обрядовые элементы, переплетавшиеся с театрализацией. Использование национальных костюмов еще больше усиливало эмоциональный эффект. Как гости, так и хозяева торжества – представители национальной интеллигенции, непосредственно занятые возрождением национальных традиций. На всех этапах праздника должны были принимать активное участие дети.

Отделом культуры района в рамках долгосрочной программы «Чествования родов Нижневартковского района, которые сохранили свою самобытность» прилагались усилия по возрождению семейных традиций. Так, в сентябре 1996 г. в селе Корлики прошло мероприятие, посвященное роду Каткалевых. В программу включили чествование членов этого рода; выставку семейного творчества, лучшего национального костюма; концерт, подготовленный семьей. В основу сценария легли материалы Ваховской фольклорно-этнографической экспедиции на стойбище Каткалевых, состоявшейся в 1994 году [17, 12; 4, 13]. Проведены также праздники, посвященные родам Казамкиных, Айваседа [18, 80].

Начало 1990-х гг. стало временем восстановления религиозных традиций, священных (культовых) мест лесных ненцев и ханты. Одно из таких ненецких святилищ кайта-тя («святая земля») для поклонения *Н,ал,ка Нум* (Большому Богу) расположено в 5 км от дороги на Западно-Варьеганское нефтяное месторождение. Его восстановлением занимался житель пос. Варьеган Т. Х. Айваседа.

Для многих ненецких семей важно было сохранить священное место богини реки Аган, расположенное на родовом угодье Д. Р. Айпина. В мае 1994 г. постановлением главы администрации района Б. С. Хохрякова отводится территория под культовое святилище, родовое угодье было взято под охрану [19, 24-24 об.]. «Священные места» являются не только значимыми культурными символами, но и конструируют этничность народа, позволяют сохранить фольклор,

обрядность. «Разрушение святых мест равносильно уничтожению культуры». [20, 88]. Было также официально зарегистрировано два действующих священных места ханты.

Данное направление получило поддержку на законодательном уровне. Так, интерес представляют материалы заседаний круглого стола Ассамблеи представителей коренного населения округа, прошедших в 2002 г., на которых рассматривался вопрос о реализации закона «О языках КМНС, проживающих на территории ХМАО». Его участники пришли к выводу о необходимости сохранения языка через его изучение в национальных образовательных учреждениях [21, 10]. В районной программе социально-экономического развития малочисленных народов Севера была обозначена проблема подготовки словаря, учебных пособий на ваховском диалекте. Вскоре на ваховском диалекте был издан русско-хантыйский разговорник, хантыйско-русский тематический словарь. В пяти школах района – Корликовской, Варьеганской, Ларьякской, Аганской, Охтеурской – введен такой предмет, как родной хантыйский язык ваховского диалекта [22, 4]. К 1997 г. в рамках регионального компонента в сельских школах района преподавались рыболовство-охотоведение, декоративно-прикладное творчество, краеведение и этнография народов Сибири [16, 54-55]. Преподаватели хантыйского языка принимают участие к ежегодном конкурсе профессионального мастерства «Учитель года».

Третье направление – сохранение исторической памяти ханты, ненцев через создание этнографических музеев. Свидетельства о тысячелетнем наследии прошлого, уникальной культуре коренных жителей района хранят музеи Варьегана, Агана, Корликов.

Стремление рассказать о законах таежной жизни, сберечь наследие своего народа нашло воплощение в проекте Юрия Кылевича Айваседы (он же – известный писатель Юрий Вэлла), а также жителей поселка Варьеган: А. Т. Айваседа, В. С. Айваседа, Л. Н. Айпина, С. А. Айпина, Р. Г. Казамкина и др. Основанный в 1987 г. музей стал первым

на территории района и одним из первых в округе национальным музеем. Идея его организации прошла долгий путь от становления до практического воплощения. Автор и создатель – Ю. К. Айваседа – с одобрения старейшин хантыйских и ненецких родов на краю поселка поставил жилые и хозяйственные постройки. Первым экспонатом стал летний домик Казамкиных. Позднее в музее формируется целый комплекс архитектурных памятников. Сюда привозятся навес для нарт, летний очаг, четыре лабаза, берестяной чум, олений дом, ловушки для зверей и др. Варьеганский музей становится поистине своеобразным «священным местом» для коренного населения, куда они стали приносить ценные предметы как культового назначения, так и хозяйственного, бытового.

Сбережение культурного наследия в музее шло несколькими путями. Во-первых, через формирование и научное описание этнографических экспонатов, проведение фольклорно-этнографических экспедиций, национальных обрядов [22, 2]. Во-вторых, музей участвовал в различных районных и окружных образовательных и просветительских мероприятиях. Еще в 1991 г. на базе Варьеганского музея прошел обучающий семинар. По просьбе районного отдела культуры Ю. К. Айваседа делился знаниями с работниками культуры национальных поселков [23, 102]. В-третьих, музей занялся развитием туристической инфраструктуры, разработкой экскурсий, как для жителей Сибири, так и для иностранных гостей с целью привлечения внимания к культурному наследию лесных ненцев.

Всего на площади 3 гектара разместили около 30 объектов материальной культуры аганских ханты и лесных ненцев. Некоторые экспонаты датируются XIX веком. В музее представлены: коллекция национальной одежды, изделия из кости и бересты, промысловые и культовые предметы, а также данные о родах Айваседа, Сардаковых, Казамкиных, Айпиных, Иуси. Экспонаты музея рассказывают о людях, их судьбах и земле, на которой они живут. Сохраняется память

о земляках, о чем свидетельствует выставка архивных документов, протоколов собраний, личных бумаг – первого председателя колхоза из числа лиц коренной национальности К.В. Казамкина.

С 1994 г. по 1999 г. директором музея была Л. Н. Айпина, главным хранителем фондов – А. Д. Казамкина. Благодаря этим сотрудникам, в 1995 г. музей становится обладателем гран-при первой музейной биеннале в г. Красноярске, где он получил высокую оценку ведущих отечественных и зарубежных специалистов, как уникальный в своем роде экомузей [24]. Двадцатилетняя деятельность этнографического музея отмечена высокой наградой – хрустальным кубком Правительства Ханты-Мансийского автономного округа «За сохранение и развитие историко-культурного наследия коренных народов Севера». К юбилейной дате в 2007 г. директору музея А. Д. Казамкиной (этот пост она занимает с 1999 г.) присвоено звание Лауреата премии ХМАО – Югры «За развитие культуры малочисленных народов Севера».

Создание Варьеганского музея вдохновило жителей других населенных пунктов района. Основным хранителем национальных фольклорных традиций в пос. Аган с февраля 1996 г. становится этнографический музей-театр (основатель и директор Ф.С. Бондаренко) [4, 12, 136], где действовали постоянные экспозиции: «Древняя Югра. Кости мамонта», «Поделки декоративно прикладного искусства», «Самострелы» и др. Его посещали не только жители района, но и гости из др. городов и стран [25, 37]. Этнографический музей стал обладателем гранта губернатора автономного округа в области декоративно-прикладного творчества и премии «Событие» окружного департамента культуры и искусства. В 2007 г. директору музея присвоено звание Лауреата премии ХМАО – Югры «За развитие культуры малочисленных народов Севера».

1 января 2000 г. открылся музей-мастерская «Верьто кат» в Корликах. Название музея переводится как «дом, где работают», т. е. мастерская. Целью музея являлось не только сохранение, но и

популяризация народных промыслов и прикладного искусства. В музее изготавливались берестяные туеса и др. сосуды с орнаментом, нанесенным аппликацией или выскабливанием, берестяные полотна для покрытия чумов; традиционные хантыйские куклы, вышивки бисером и т. п. Для приобщения молодого поколения к традиционной культуре проводились семинары, организовывался кружок из учащихся интерната, фольклорный ансамбль. В 2000 г. этноуголок Корликовской школы (образован в 1996 г.) [22, 7] преобразуется в музей-мастерскую «Истоки». Его цель – сохранение и воспроизводство материальных элементов этнической культуры, традиций хозяйственной деятельности и дальнейшая передача их подрастающему поколению [26].

В сентябре 2001 г. началось создание музея просвещения Нижневартовского района [27, 28]. Его учредителями и организаторами выступили Комитет по образованию администрации района (в лице заместителя председателя комитета по образованию М.М. Ишбаева) и центр дополнительного образования «Спектр» п. Излучинск (организаторы: Н.Г. Мельник, Н.З. Сюникаева) [29].

Научно-педагогическая деятельность музея разворачивается в нескольких направлениях: 1) Полевые исследования в населенных пунктах района (летние экспедиции в с. Ларьяк (2005 г.) [30, 285-289], Зайцева Речка (2006 г.), Большетархово (2007 г.); 2) Сбор документального материала в архивах, экспонатов для музея; 3) Оказание методической помощи краеведческим кружкам, школьным музеям, отдельным исследователям, занимающимся изучением различных вопросов, связанных с историей родного края в целом и его образовательных учреждений в частности. Самым ярким итогом научно-поисковой работы учащихся стали ежегодно проводимые конференции по теме «История школы в истории судеб» [31]. Конференции собирали учителей и школьников района для обсуждения проблем краеведения, в том числе вопросов развития системы национального образования. Продолжалась работа над экспозицией «История школ района и

его педагогов» и формировании электронной базы данных. Задачи популяризации собранных сведений решаются с помощью публикации части собранных материалов и лучших исследовательских проектов [32, 33].

Таким образом, в течение рассматриваемого периода усилиями муниципальной власти, поддерживаемыми ассоциацией «Спасение Югры», велся поиск форм и методов сохранения языка, традиционной культуры ханты и ненцев Нижневартовского района. Если в 1990-е гг. эти поиски принимали произвольный, даже несколько хаотический характер, то впоследствии они вводятся в рамки единой государственной политики, соответствующей принятым большинством общественным интересам, принятым большинством.

Вряд ли принимаемые меры можно считать достаточными. Тем не менее, несмотря на политические, экономические, социальные и культурные преобразования в регионе, лесные ненцы, обские угры смогли частично сохранить традиционный образ жизни, основные приемы природопользования, связующий стержень своих религиозных верований.

Литература

1. Архивный отдел администрации Нижневартовского района ХМАО-Югры (далее: АО АНР) Ф.12. Оп.1. Д. 185.
2. Новости Приобья 1992. 23 дек.
3. АО АНР Ф.12. Оп.1. Д. 191.
4. АО АНР Ф.12. Оп. 1, Д. 199.
5. АО АНР Ф. 50. Оп. 1. Д. 18. Л. 3.
6. Еремей Айпин. И уходит мой род // Путем Хозяйки Агана. Нижневартовск, 1999.
7. АО АНР Ф. 41. Оп. 1. Д. 7.
8. Мероприятия по стабилизации и укреплению материального положения коренных народов Севера // Новости Приобья, 1994.

9. Дрянкова О.О. Стойбищная школа (из опыта работы с детьми народов Севера) // Тезисы докладов Межвузовской научно-практической конференции по краеведению, посвященной памяти Б.О. Эрнстова. Тобольск, 1998.
10. Кошелева Е.Ю. Детские этно-оздоровительные центры в ХМАО: новый способ передачи культуры Угры: Материалы VI-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2003.
11. АО АНР. Ф. 41. Оп. 1. Д. 41.
12. АО АНР. Ф. 41. Оп. 1. Д. 42.
13. АО АНР. Ф. 41. Оп. 1. Д. 34.
14. Гурбанов К. Встретились молодые мастера // Югра. 1999. № 6.
15. Заботы ассоциации «Спасение Югры» // Югра. 1999. № 3.
16. АО АНР Ф. 41. Оп. 1, Д. 57.
17. АО АНР Ф. 41. Оп. 1, Д. 53.
18. Салмин В.Д. Звезды Приобья: Очерки. Екатеринбург, 2003.
19. АО АНР. Ф. 41. Оп. 1, Д. 45.
20. Сподина В.И. Представление о пространстве в традиционном мировоззрении лесных ненцев Нижневартовского района. Новосибирск, 2001.
21. Афанасьева К.В. О внедрении родных языков в базисный учебный план национальных образовательных учреждений // О реализации Закона ХМАО «О языках КМНС, проживающих на территории ХМАО»: материалы заседания круглого стола Ассамблеи представителей КМНС Думы ХМАО. Ханты-Мансийск. 2003.
22. АО АНР. Ф. 41. Оп. 1. Д. 55.
23. АО АНР. Ф. 41. Оп. 1. Д. 7.
24. Югра территория любви. Нижневартовск, 2003.
25. Нижневартовский район на пороге нового тысячелетия: очерк о Нижневартовском районе., Нижневартовск, Нижневартовский

- район. Б.и., 2000.
26. Луцкий С. У педагогов появился свой музей // Новости Приобья. 2002. 17 дек.
  27. Левченко Н. «Как начинался музей» // Новости Приобья. 2003. 10 июня.
  28. Приказ комитета по образованию администрации муниципального образования Нижневартовский район о создании музея от 7 сентября 2001 года // Архив музея просвещения; Сведения о ведомственном музее просвещения Нижневартовского района // Архив музея просвещения.
  29. Цысь О.П. Полевые исследования музея народного просвещения Нижневартовского района // Вторая Югорская полевая биеннале: сборник докладов и сообщений научно-практической конференции «Роль полевых исследований в сохранении исторического и культурного наследия Югры». Ханты-Мансийск, 2008. с. 285-289.
  30. Левченко Н. Истории судеб // Новости Приобья. 2003. 12 апр.
  31. Альманах творческих и исследовательских работ учащихся: «История родного края в судьбах...». Излучинск, 2010.
  32. Шаг в будущее (воспоминания о Ларьякской школе). Нижневартовск, 2012.

НАШИ АВТОРЫ

Белова Наталья Александровна – кандидат филологических наук, заведующий научным центром Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск.

Вавулинская Людмила Ивановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск.

Веденева Лидия Николаевна – кандидат химических наук, доцент, декан факультета очно-заочного обучения Березниковского филиала Пермского национального исследовательского политехнического университета, Березники.

Волдина Татьяна Владимировна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск.

Гумерова Галина Анатольевна – кандидат культурологии, доцент Нижневартовского государственного университета, Нижневартовск.

Егорова Марина Михайловна – студентка 3 курса Югорского государственного университета, Ханты-Мансийск.

Ерохина Елена Анатольевна – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН, Новосибирск.

Ершов Михаил Федорович – кандидат исторических наук, заведующий отделом Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск.

Кашлатова Любовь Васильевна – начальник филиала Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, Берёзово.

Ковешников Алексей Александрович – медицинский психолог диспансерного отделения Ханты-Мансийского клинического психоневрологического диспансера, Ханты-Мансийск.

Колпащиков Леонид Александрович – доктор биологических наук, начальник научного отдела, Объединенная дирекция заповедников Таймыра, Норильск.

Лисютина Ирина Борисовна – кандидат педагогических наук, начальник отдела непрерывного образования коренных малочисленных народов Севера, Департамент образования и молодежной политики Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Ханты-Мансийск.

Лобова Вера Александровна – кандидат психологических наук, заведующая лабораторией Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск

Логинов Владимир Григорьевич – доктор экономических наук, доцент, заведующий сектором Института экономики Уральского отделения РАН, Екатеринбург.

Логинов Сергей Иванович – доктор биологических наук, профессор Сургутского государственного университета, Сургут.

Мальцева Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Новосибирск.

Милохин Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар.

Мирошникова Александра Викторовна – инженер кафедры «Общественные дисциплины» Березниковского филиала Пермского национального исследовательского политехнического университета, Березняки.

Михайлов Владимир Валентинович – доктор технических наук, профессор Санкт-Петербургского научно-исследовательского института информатики и автоматизации РАН, Санкт-Петербург.

Михайловский Валерий Леонидович – врач-терапевт, ООО «КОД», Нижневартовск.

Никифорова Алина Александровна – кандидат культурологии, старший преподаватель, Нижневартовский государственный университет, Нижневартовск.

Пузанов Владимир Дмитриевич – доктор исторических наук, доцент кафедры истории России, Сургутский государственный университет, Сургут.

Пятникова Тамара Романовна – начальник филиала Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, Белоярский.

Рябкова Олеся Александровна – аспирант кафедры истории России Сургутского государственного университета, Сургут.

Сидоркина Зинаида Ивановна – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН, Владивосток.

Слинкина Татьяна Дмитриевна – научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск.

Сморчкова Вера Ивановна – доктор экономических наук, профессор, научный руководитель магистерской программы подготовки управленческих кадров для Арктики и Севера Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва

Ставропольский Юлий Владимирович – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, Саратов.

Ткачук Наталья Витальевна – научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск.

Турубарина Алла Сергеевна – студент группы АТП-80в Березниковского филиала Пермского национального исследовательского политехнического университета, Березники.

Хакназаров Саид Хамдамович – кандидат геолого-минералогических наук, заведующий отделом Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск.

Цысь Ольга Петровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Нижневартковского государственного университета, Нижневартовск.

Чойропов Цырен Цыдыпович – доктор социологических наук, профессор кафедры «Социология и политология» Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, Улан Удэ.

Шилов Владимир Викторович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой «Общенаучные дисциплины» Березниковского филиала Пермского национального исследовательского политехнического университета, Березники.

ЗАМЕТКИ

ЗАМЕТКИ

**Проблемы и перспективы
социально-экономического и этнокультурного
развития коренных малочисленных
народов Севера**

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
(28-29 мая 2014 г., Ханты-Мансийск)

Оригинал макет подготовлен ООО «МАКС-ПРИНТ»

Подписано в печать 13.08.2015г.
Формат 640*900/16. Усл. п.л. 18,02
Тираж 150 экз. Заказ № 250703

ООО «МАКС-ПРИНТ»
394019, г. Воронеж, ул. 9 Января, 107а, кв 19
Тел.: (903) 855-48-40.